

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Ларионова Анастасия Вячеславовна

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ
И ЕЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ

19.00.01 – Общая психология, психология личности,
история психологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель
доктор психологических наук,
профессор Мещерякова Эмма Ивановна

Томск – 2016

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретико-методологические проблемы исследования экстремистской направленности личности	14
1.1 Феномен экстремизма в проблемном поле современной социогуманитарной науки: сущность, виды, формы проявления	14
1.2 Теоретические и прикладные аспекты изучения экстремистской направленности личности в предметном поле психологии	25
1.3 Проблема типологизации индивидуально- и социально-психологических характеристик личности с экстремистской направленностью	38
Глава 2 Организация и методы исследования структурных компонентов экстремистской направленности личности	56
2.1 Концепция и программа исследования	56
2.2 Выборка исследования	61
2.3 Методы исследования	63
Глава 3 Результаты эмпирического исследования структурных компонентов экстремистской направленности личности	72
3.1 Особенности взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности, реализованной в криминальном поведении	72
3.2 Особенности взаимосвязи структурных компонентов потенциальной экстремистской направленности личности	94
3.3 Сравнительный анализ структурных компонентов потенциальной и реализованной в криминальном поведении экстремистской направленности личности	117
Заключение	129
Список использованной литературы	133
Приложение А. Анкета для выборки осужденных за экстремистскую	

деятельность	153
Приложение Б. Анкета для студенческой выборки	155
Приложение В. Результаты кластерного анализа по ответам на вопросы анкеты в выборке осужденных за экстремизм	157
Приложение Г. Сопряженность признака принадлежности к кластеру с ответами на вопросы анкеты	158
Приложение Д. Результаты описательной статистики в выборке осужденных за экстремистскую деятельность	160
Приложение Е. Средние значения шкал психодиагностических методик в группе студентов, допускающих вероятность своего участия в экстремистской деятельности	162

Введение

Актуальность исследования. Экстремистская деятельность сегодня представляет одну из наиболее опасных угроз национальной безопасности Российской Федерации, всей системе жизнедеятельности российского общества. Актуализированная в обществе экстремистская проблематика и распространение экстремистской идеологии стимулируют работу социального мышления личности, запускают механизмы идентификации, способствуя развитию представлений об экстремизме и формированию определенного отношения к данному явлению, и, как следствие, порождают соответствующую направленность личности.

Проблема изучения экстремистской направленности личности обусловлена комплексом обстоятельств, лежащих в различных плоскостях социокультурного пространства и связанных с самоопределением, самореализацией и самоосуществлением человека. Во-первых, экстремистское в личности созвучно современным проблемам бытия человека, бытия динамичного, изменчивого, апеллирующего к человеческому фактору, экзистенциальным ценностям, глубинным проявлениям личности, задающим целостную картину мира.

Во-вторых, экстремистская направленность личности является результатом взаимодействия личности и среды и обусловлена нестабильностью многих сфер современного общества, связанных с имеющимся цивилизационным и мировоззренческим кризисом современности, разрушением модели идентичности человека, проблемами личностного самоопределения и ценностно-смысловых ориентаций. Так, рост новых форм насильственных преступлений (экстремизма, терроризма, ксенофобии), их качественное изменение, характеризующиеся возрастанием жестокости и содержанием преступления, отмечают многими исследователями (Ю.П. Зинченко, Ю.М. Антонян, Ю.А. Зубок, В. И. Чупров, В.А. Диль, И.В. Вехов, Л.В. Зубова и др.).

В-третьих, актуальность обсуждения проблемы связана с кризисными тенденциями современного научного психологического знания, нуждающегося в

новых подходах и концепциях, объясняющих вновь открываемые факты, феномены и закономерности поиска человеком целостного бытия в меняющихся условиях.

Отмечая факт достаточного внимания и глубину разработки проблематики экстремизма в научной литературе, заметим, что психологический аспект этой проблемы часто подменяется социологическими и социально-психологическими. Разработанные в настоящее время психологические модели экстремистской направленности недостаточно конкретизируют особенности личностных проявлений.

Основополагающим представлением в данной работе является представление об экстремистской направленности как личностной детерминанте экстремистской деятельности. Таким образом, проблема выявления особенностей экстремистской направленности, ее структурных компонентов (содержательное наполнение) является актуальной, поскольку открывает возможность более точной дифференциации экстремистской направленности личности, ее типологизации с целью последующего проведения эффективной профилактической работы и предотвращения экстремизации общества.

Степень разработанности проблемы. Исследователи указывают, что феномен экстремизма трудно верифицируется, хотя категория экстремизма является легитимной в научной практике. В зарубежной литературе различные аспекты экстремизма исследуются в работах М. Сейджмана, J. Horgan, B. Hoffman A. Bandura и др. В отечественной литературе представлено множество предметных исследований проблемы экстремизма в различных областях научного знания. Исследование экстремизма в психологии не является традиционным, но отдельные аспекты его рассмотрения представлены на стыке различных социогуманитарных наук. Определение понятия экстремизма, установление причин его возникновения представлены в работах Ю.П. Зинченко, В.А. Дилия, И.В. Вехова, Е.В. Сальникова, О.В. Поповой. Исследование влияния экстремальных явлений на общую динамику развития общества проводят В.Н.

Томалинцев, В.И. Красиков, В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, О.А. Корнилова, А.А. Хоровинников. Экстремизацию общества, взаимосвязь экстремизма и средств массовой информации изучают В.А. Соснин, Е.О. Кубякин, В.А. Диль, О.С. Жукова, И.В. Абакумова. Социально-психологические характеристики и механизмы распространения экстремистских настроений в молодежной среде исследовали и описали Ю.А. Зубок, В. И. Чупров, Т.И. Бонкало, О.А. Корнилова, Л.В. Баева, Н.В. Муращенкова, В.В. Гриценко. Механизмы преодоления экстремизма разрабатываются во многих исследованиях – философских, социальных, психологических, юридических, педагогических. Психогении при формировании личности, выступающие причиной или следствием экстремистского поведения, стали предметом изучения таких ученых, как Д.В. Ольшанский, С.Н. Ениколопов, Р.М. Узденов, А.М. Сысоев, Ю.М. Антонян, И.В. Абакумова, Е.Н. Юрасова. Но большинство психологических исследований носит фрагментарный характер, только в отдельных работах экстремизм рассматривается как психологический феномен, где представлены его некоторые характеристики.

Проблема исследования заключается в том, что, несмотря на многочисленные исследования экстремизма, обнаруживается явный недостаток как теоретических наработок, так и эмпирических исследований психологических особенностей экстремизма, их взаимосвязи с базовыми свойствами личности – когнитивными, ценностно-мотивационными, эмоционально-оценочными – основы всех проявлений личности. Недостаточны определения и содержание психологической работы (диагностические, прогностические и гностические аспекты) с экстремистски направленной личностью. Причиной этого может служить и недостаточный учет фактора антропологизации науки как объективной тенденции развития психологии (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Ю.П. Зинченко, Д.А. Леонтьев, В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, Э.В. Галажинский), приводящий к пониманию жизненного мира человека как пространства значимых для человека связей и отношений, определяющих направленность его личности.

Направленность личности в контексте экстремизма является малоизученной, в то время как она представляет собой стержень личности, структурирующий все другие свойства и проявления, детерминирующий их содержание, систему отношений человека с миром, его жизнеосуществление.

Целью исследования являются изучение экстремистской направленности как системного свойства личности и выявление особенности взаимосвязей ее структурных компонентов в реальных и потенциальных проявлениях.

Объект исследования – экстремистская направленность личности.

Предмет исследования – особенности взаимосвязей структурных компонентов экстремистской направленности личности и ее потенциальных проявлений.

Гипотеза исследования представлена в следующих допущениях:

1. Экстремистская направленность представляет собой системное, интегративное свойство личности, определяющее экстремистское поведение человека и его самоосуществление в экстремистской деятельности.
2. Основными структурными и содержательными компонентами экстремистской направленности личности и ее потенциальных проявлений выступают когнитивный, ценностно-мотивационный и эмоционально-оценочный.
3. Варианты взаимосвязей структурных компонентов экстремистской направленности личности выступают основанием для типологизации экстремистских проявлений.
4. Особенности взаимосвязей структурных компонентов потенциальной экстремистской направленности личности выступают основанием для типологизации и прогнозирования ее вероятностных проявлений.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ основных научных подходов к изучению феномена экстремизма в различных социогуманитарных науках (психологических, философских, социологических, юридических).

2. На основе теоретического анализа отечественных и зарубежных исследований феномена экстремизма и проблемы направленности личности определить понятие «экстремистская направленность личности», его структуру и содержание.

3. Изучить особенности взаимосвязей содержательных характеристик компонентов экстремистской направленности личности.

4. Выделить типы экстремистской направленности в контексте ее реальных и потенциальных проявлений.

5. Выявить через сравнительно-сопоставительный анализ структурных компонентов потенциальной и реализованной в криминальном поведении экстремистской направленности прогностические возможности ее формирования для разработки программ профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде.

Теоретико-методологическими основаниями исследования являются принципы системно-антропологического подхода в психологии (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Ю.П. Зинченко, Д.А. Леонтьев, В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, Э.В. Галажинский); положения деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.С. Братусь); концепции направленности личности (В.Н. Мясищев, К.К. Платонов, Л.И. Божович, А.В. Ивашенко, Д.И. Фельдштейн, В.А. Ядов и др.); концепции экстремизма и его проявлений (Ю.П. Зинченко, Д.В. Ольшанский, В.А. Соснин, В.Н. Томалинцев и др.).

Методы исследования. Теоретический анализ общепсихологической, социально-психологической, социологической, юридической, культурологической, педагогической литературы, отражающий проблемное поле исследования. Эмпирические методы включали: опрос с использованием авторской анкеты, психодиагностические методики – сокращенный вариант ММРІ («Мини-мульт») в адаптации Зайцева (2004), шкала «Самодетерминации личности» Шелдона в адаптации и модификации Осина (2011), методика «Диагностика мотивационной структуры личности» Мильмана (1990),

«Культурно-ценностный дифференциал» Солдатовой, Кузнецова и Рыжовой (1998), «Характерологический опросник» Мещеряковой (1993). Методы математического анализа: таблицы сопряженности, описательные статистики, многомерный анализ соответствий, факторный, кластерный, дисперсионный анализ. Математическая обработка проводилась в программе Statistica 6.0 и 8.0.

Эмпирическая база исследования. В исследовании приняло участие 284 человека. Выборку составили две группы. В первую группу вошли осужденные за экстремистскую и террористическую деятельность, находящиеся в пенитенциарном учреждении Томской области, в количестве 52 человек мужского пола, средний возраст $37 \pm 8,65$ лет. Во вторую группу вошли студенты вузов трех городов – Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), Уральский государственный медицинский университет (УГМУ) и Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) – всего 232 человека, из них 89 лиц мужского пола и 143 – женского, средний возраст студентов $20,56 \pm 2,3$ лет.

Основные этапы исследования. Эмпирическое исследование проводилось поэтапно в течение 2013–2016 гг. На первом этапе изучалась литература по проблеме экстремистской направленности личности, определялись цели, задачи и гипотезы исследования, разрабатывалась исследовательская программа, осуществлялся подбор психодиагностического инструментария, определялась база для проведения эмпирического исследования. На втором этапе осуществлялись организация и проведение эмпирического исследования, обработка данных, формирование электронной базы респондентов. На третьем этапе был проведен количественный и качественный анализ результатов исследования с применением методов математической статистики, обобщены и интерпретированы результаты исследования, сформулированы выводы исследования.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивались теоретическим междисциплинарным анализом изучаемой проблемы, опорой на основные методологические принципы психологии, использованием стандартизированных, валидных и надежных психодиагностических методик, применением математико-статистических процедур, количественным и качественным анализом и содержательной интерпретацией полученных данных.

Научная новизна:

– феномен экстремизма впервые рассмотрен в проблемном поле психологии личности с позиции системно-антропологического подхода, где детерминирующую роль занимает направленность личности.

– теоретически обоснован и эмпирически подтвержден новый взгляд на экстремистскую направленность личности как психологический феномен.

– осуществлена дифференциация вариантов взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности и ее потенциальных проявлений, сочетание которых является основанием для их типологизации и прогнозирования.

– выделены и описаны типы экстремистской направленности личности (потенциальной и реализованной в криминальном поведении) на основании взаимосвязи ее структурных компонентов (когнитивного, ценностно-мотивационного и эмоционально-оценочного).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты дополняют научные представления о сущности экстремизма как психологического феномена. Уточнено представление об экстремистской направленности личности как о сложном, многокомпонентном, системном свойстве личности, изучение которого наиболее перспективно осуществлять в русле системно-антропологического подхода. Полученные результаты расширяют теоретическую и эмпирическую базу общей психологии и психологии личности за счет описания взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности. Установлены специфические особенности

экстремистской направленности личности в зависимости от причастности и отношения к экстремистской деятельности. Важными в теоретическом плане являются результаты, свидетельствующие о феноменологическом разнообразии и структурной сложности экстремистской направленности. Теоретически обоснованы и эмпирически выявлены особенности проявления типологических характеристик экстремистской направленности личности (потенциальной и реализованной в криминальном поведении). Выделены и описаны типы экстремистской направленности личности в контексте ее реальных и потенциальных проявлений. Выявлены прогностические факторы экстремистской направленности молодежи.

Практическая значимость. Результаты диссертационного исследования использованы при разработке методических рекомендаций, мероприятий и программ по профилактике экстремистской направленности молодежи, для оптимизации работы психологических служб в целях построения консультационной работы в области психокоррекции экстремистской направленности осужденных за экстремизм. Материалы исследования явились основой разработки учебных курсов «Профилактика девиантного поведения молодежи», «Психология» и «Судебно-психологическая экспертиза» на базе НИ ТГУ и ТУСУР.

Основная часть результатов диссертационного исследования была получена в ходе реализации проекта при поддержке фонда РГНФ №14-06-18025 (2014 г.) «Исследование современных форм экстремистского поведения молодежи с учетом влияния культурно-средовых факторов». Руководитель – доктор психологических наук, профессор Э.И. Мещерякова.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Экстремистская направленность является системным свойством личности, интегрируя в себе совокупность мотивов, взглядов, убеждений, потребностей и устремлений экстремистского содержания, обуславливающих экстремистское поведение человека и его самоосуществление.

2. Субстанциональными компонентами экстремистской направленности личности и ее потенциальных проявлений являются когнитивный, ценностно-мотивационный и эмоционально-оценочный, обуславливающие тенденции самоосуществления и самореализации человека в экстремистской деятельности.

3. Варианты взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности определяют типологию ее реальных и потенциальных проявлений.

4. Значимыми характеристиками для прогнозирования и предупреждения вероятности формирования экстремистской направленности являются взаимосвязь лояльного отношения к экстремизму, романтических смыслов экстремистской деятельности, наличие ксенофобских установок с определенными личностными особенностями – отвержение общественных ценностей (либо неспособность приобщиться к ним) и поиск новых, неорганизованная мотивационная активность, неудовлетворенная потребность в самоосуществлении и самореализации при дефиците необходимых личностных ресурсов.

Апробация работы и внедрение результатов. По теме диссертации опубликовано 11 научных статей, из них 5 – в журналах, включенных в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Основные идеи и научные результаты были представлены на международных и всероссийских научно-практических конференциях: V Сибирском психологическом форуме «Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы» (Томск, 2013), IV Международной научно-практической Интернет-конференции молодых ученых «Актуальные проблемы современных общественных наук: диалог общества и власти» (Уфа, 2014), II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Инновационные технологии в образовании и здравоохранении: практическая реализация и социальный эффект» (Томск, 2014), The Fifth Asian Conference on Psychology and the Behavioral Sciences (Japan, Osaka,

2015). Положения и выводы диссертационного исследования включены в содержание преподаваемых автором дисциплин «Психология» и «Профилактика девиантного поведения молодежи» в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 186 наименований и 6 приложений. Работа иллюстрирована 15 таблицами и 18 рисунками.

Глава 1 Теоретико-методологические проблемы исследования экстремистской направленности личности

В главе представлен теоретический обзор научных подходов, раскрывающий сущность феномена экстремизма. Обозначаются методологические проблемы исследования феномена, приводится анализ понятия «экстремистская направленность личности» с позиции психологии.

1.1 Феномен экстремизма в проблемном поле современной социогуманитарной науки: сущность, виды, формы проявления

Проблема экстремизма для современной мировой науки имеет особое значение, что вызвано, во-первых, угрозой безопасности для мирового общества и отдельных государств, во-вторых, масштабностью проявления феномена экстремизма, в-третьих, многогранностью проблемы, которая постоянно порождает новые. Многозначность трактовок экстремизма в науке и обществе порождает проблему операционализации понятия «экстремизм», стоящую на пути его изучения и выработки единого подхода к пониманию сути данного явления. Обозначенные трудности определяются сложностью самого феномена, его междисциплинарным статусом [8, 31, 57, 82, 84, 125, 135, 142, 161, 186]. Термин «экстремизм» происходит от латинского *extremus*, что означает «крайний» [22]. В словаре иностранных слов и в толковом словаре русского языка экстремизм определяется как «приверженность к крайним взглядам и мерам» (обычно в политике) [113, 132]. Термин «экстремизм» получил активное распространение в XX в., упоминания о нем можно найти в работах XIX в. [82].

Феномен экстремизма в философии рассматривается с различных точек зрения, как «антиобщественные взгляды и поступки», «характеристика противоправных деяний»; противоположность позитивным социокультурным ценностям; деструктивно-деятельностный характер человеческой сущности,

представляющий специфическую форму отчуждения, ориентированную на уничтожение регулярной идентичности [152], затрагивая проблему онтологического статуса феномена. По мнению Е.В. Сальникова (2015), феноменологический подход позволяет зафиксировать экстремизм на уровне феномена и поставить вопрос об экстремизме в онтологической плоскости. Автор считает, что существующий междисциплинарный анализ экстремизма в социогуманитарных науках (политология, социология, религиоведение, психология) ставит под сомнение существование экстремизма вообще [125].

Как отмечает В.И. Красиков (2006), экстремизм необходимо рассматривать как результат развития человеческой агрессии, как явление специфического группового сознания. Отличительными особенностями экстремизма от других проявлений агрессии являются корпоративность, категориальная сознательность и активность отличительного противостояния. Экстремизм – это своеобразный жизненный стиль, с присущими ему самовыражениями во взглядах на мир, общество, ценности, взаимоотношения с «другими», это «определенные мировоззренческие установки в сознании человека, представляющие мир в состоянии непрерывной внутренней разорванности и конфронтации по онтологически-ценностным основаниям» [84, с. 85]. Внутренняя структура экстремизма характеризуется тремя паттернами ее образования: 1) паттерн структурной оценки мира, который выражается в дуальности оценки мира «хорошо – плохо»; 2) паттерн установления нового жизненного идеала «избранный, спасающий» – формирование самоидентификации и мировоззрения, отличающего от других; 3) паттерн выработки социального проекта, заключающийся в трансцендировании основ социального мира, «выход за пределы» несовершенного мира [84].

Проблема онтологизации феномена экстремизма и операционализации понятия свойственна и для юридической науки, где предприняты многочисленные попытки дать определение этому феномену с целью оформить четкие границы с правовой точки зрения. Законодательное определение экстремизма содержится в

статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [146], где понятие «экстремизм» рассматривается через понятие «экстремистская деятельность». По мнению исследователей (И.В. Вехов (2009), К.В. Асташонок, М.В. Костромичева (2013)), предложенный в статье перечень деяний не позволяет определить сущность экстремизма, что может стать причиной субъективного понимания и вольного трактования того или иного деяния и отнесения его к экстремизму [14, 30, 83].

Как отмечает И.В. Вехов, правовая характеристика сущности экстремизма и сопутствующих ей явлений правового характера остается предметом непрекращающихся научных дискуссий и противоречивых действий в законотворческой деятельности и правоприменительной практике [31]. Проанализировав работы правоведческой направленности, И.В. Вехов выделил свойства экстремистского действия: противоправность; негативный характер и общественная опасность, что выражается в направленности этого действия на полное или частичное отрицание сложившегося общественного устройства (таких его аспектов, как порядок осуществления властных отношений или основные права человека); деятельностный компонент может проявляться как в непосредственном физическом действии, так и в призывах к совершению такого действия или пропаганде идей; рациональная, с точки зрения субъекта, обоснованность действия; наличие у субъекта действия мотивации, осознанный характер действия [31].

По мнению В.И. Власова (2003), экстремизм – это негативное явление, исходящее из крайних взглядов, приверженности к крайним мерам, проявляющееся в деятельности радикальных субъектов по планированию, организации, подготовке и совершению запрещенных законом общественно опасных действий или в деяниях аморальных, совершаемых с политическими, националистическими целями или на почве расовой, религиозной вражды (ненависти) [32]. Проблема определения экстремизма в правовом дискурсе

остается открытой и обсуждаемой, так как сама динамика развития феномена не позволяет его свести к каким-либо рамкам.

С позиций социологии экстремизм рассматривается как специфическое поведение определенных социальных групп. В этом смысле речь идет о экстремизме в среде мигрантов, маргиналов и о молодежном экстремизме. Как отмечает Е.О. Кубякин (2012), самыми острыми проблемами исследователей, работающих в данной области, являются «противоречия и отсутствие консенсуса при выработке теоретического определения ключевого понятия “экстремизм”. Теоретическое осмысление экстремизма, заключающееся в определении его сущности, значимых свойств и признаков, не выходит за рамки предметных областей различных социальных научных дисциплин. Однако этого недостаточно для системного описания экстремизма как социального явления [86]. Именно в социологии уделено большое внимание изучению молодежного экстремизма, связывая развитие молодежного экстремизма с возрастными особенностями молодежи (Д.И. Аминов (2005), В.А. Бурковская (2005), Н.П. Фетискин (2007), Ю.А. Зубок, В.И. Чупров (2008), В.А. Диль (2009), Л.В. Баева (2010)) [5, 16–17, 28, 41, 60, 148, 153]. В.А. Бурковская отмечает, что «несовершеннолетние и молодежь – две наиболее благоприятные группы для распространения экстремизма и рекрутирования исполнителей насильственных акций» [28, с. 63].

Распространенность экстремизма именно в молодежной среде В.А. Диль (2009) объясняет несколькими причинами: непреодолимый разрыв между культурой «отцов» и «детей» на современном этапе развития общества; смена ценностей, жизненных ориентиров и понимания места человека в мире, его назначения и смысла; созвучием пропагандируемой экстремистской идеологией «экстремизм как война за свои идеалы» [41]. В концепции В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок (2008), которые обращают внимание на то, что современное общество есть «общество риска», объясняется актуализация экстремизма. Общество риска, по мнению социологов, представляет особый способ организации социальных связей, взаимодействия и отношения людей в условиях неопределенности, когда

отмечается хаотичность деятельности институциональных механизмов, что влечет за собой неадекватную рефлексию на индивидуально-личностном и групповом уровнях в условиях нестабильности социальной реальности [61]. Для молодежи свойственно формирование особого экстремального типа сознания с крайними формами отражения реальности, где доминирует эмоциональный характер восприятия явлений, что проявляется в импульсивном, агрессивном поведении, склонности к риску, отклонениями от принятых норм либо в подавленности, депрессии, пассивности [62].

В отличие от социальных и общественных наук, которые преимущественно рассматривают внешние особенности феномена экстремизма, психологическая наука сосредоточивает свой предмет изучения на его внутренних особенностях. Многие исследователи приходят к мнению, что феномен экстремизма необходимо изучать через личность экстремиста. Ряд авторов (В.Н. Томалинцев (2001) [142], Ю.М. Антонян, Е.Н. Юрасова (2010) [8], Ю.Н. Гурьянов, А.А. Гайворонская (2014) [38]) заключают, что в основе экстремизма лежат психологические механизмы формирования экстремистского мировоззрения и экстремистски ориентированный тип личности, поэтому феномен экстремизма необходимо изучать через личность экстремиста.

На полифоничность феномена экстремизма указывает А.А. Гайворонская (2012), выделяя основные направления изучения экстремизма – идеологию, личность и идентичность экстремиста, представляя экстремизм как полисемантическое пространство, содержащее потенциально большое количество значений. Исследователь предлагает стратегию изучения феномена экстремизма через: качественные и количественные аспекты данного понятия у субъектов с различной идентичностью (самоидентичностью); качественные и количественные аспекты данного понятия у субъектов с различной толерантностью (интолерантностью); проведение серии экспериментов по изучению данного феномена и оценивание эффективности тех или иных методов [34].

Другим направлением исследований в понимании экстремизма является его рассмотрение в соотношении понятий маргинальности и идентичности личности (О.А. Корнилова (2011–2012) [78–81], Э.И. Мещерякова (2014) [98]). В современном научном дискурсе маргинальность (от лат. *margo* – граница, грань, край, *marginalis* – находящийся на краю) – это понятие, традиционно используемое в науке для анализа пограничного положения личности или группы по отношению к какой-либо социальной общности. Оно подчеркивает особый социальный статус, принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, ведет образ жизни и исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы. Одним из принципов маргинальной психологии можно считать последовательный поиск фундаментальных оснований человеческого поступка, доминирующих личностных, социально-психологических свойств маргинала, т.е. особенностей формирования негативной идентичности как одной из первопричин формирования крайних форм поведения [36, 98]. Одним из принципов маргинальной антропологии можно считать последовательный поиск фундаментальных оснований человеческого поступка, обнаружение в преступлении как феномене человеческого бытия архаических элементов и структур, глубинных архетипов, магических и мистических систем, первичных телесных практик и экстатических трансов.

По мнению Э.И. Мещеряковой, все это способствует формированию одного из доминирующих личностных, социально-психологических свойств маргинала – негативной идентичности. Негативная, отрицательная идентичность упрощает многомерный мир личности до однолинейности, примитивизма и фанатизма, и для современного общества эти смыслообразования маргинальны, периферийны и экстраординарны, часто трансформируются в экстремизм и терроризм. Сложное сочетание идейно-риторических конструкций и индивидуальных психофизиологических качеств, составляющее мотивационную сферу личности экстремиста, выделяет его среди других категорий преступников. Генезис

формирования личности экстремиста диаметрально противоположен нормальному сценарию социализации человека, где вершиной жизни является самореализация в творческом, созидательном общественно полезном процессе. Личность человека, совершившего преступления экстремистской мотивации, с одной стороны, отражает в обобщенной форме наиболее существенные признаки личности преступника как таковой, с другой – имеет особенности, свойственные только экстремистам [36, 98, 179].

Исследуя маргинальность как предпосылку экстремизма в молодежной среде, О.А. Корнилова (2012) отмечает, что маргинальность проявляется в двух формах – как временное явление и как устойчивая характеристика личности. Проявление маргинальности как временного явления обусловлено резкой сменой социокультурной ситуации развития молодых людей (смена местожительства, новый социальный статус) и отражает сложности процесса адаптации в новой социальной среде и образовательном пространстве вуза [78–81]. Формирование у молодых людей маргинальности как устойчивой характеристики личности обусловлено качественно своеобразной системой их отношений к миру, себе, людям, в основе которых доминируют неприятие, отвержение, отчуждение и враждебность, а также факторами десоциализации значимых сфер жизнедеятельности, что в совокупности определяет экстремистскую активизацию личности, формирование экстремистской направленности [78]. Механизмом формирования молодежного экстремизма, по мнению О.А. Корниловой, является движение по вектору через следующие ключевые точки: экзистенциальный вакуум – ментальная установка – идеи – чувства – настроение – поведенческие практики [79].

Феномен экстремизма Ю.П. Зинченко (2011) предлагает рассматривать в рамках проблемы психологической безопасности. По его мнению, психологический подход является необходимым для понимания социально-психологических механизмов экстремизма, терроризма, ксенофобии, через связанные с ними когнитивные, аффективные, мотивационные и поведенческие

аспекты и методы их профилактики [53–57]. Ю.П. Зинченко [53] полагает, что для реализации психологического подхода к изучению этого поля культурно-историческая психология Л.С. Выготского [33] может выступить общенаучной методологической основой и задать важнейшие измерения для анализа комплекса проблем, связанного с безопасностью личности и общества. Идеи теории деятельности А.Н. Леонтьева [90] и историко-эволюционного подхода А.Г. Асмолова [11–13], развивающие культурно-историческую психологию, служат важными ориентирами для поиска решений при создании основ конструирования психологических технологий противодействия экстремизму и терроризму, диагностике рисков ксенофобии и повышения безопасности личности, общества и государства на основе принципов толерантности. Ю.П. Зинченко считает, что неправомерно рассматривать экстремизм, терроризм и ксенофобию отдельно друг от друга, так эти феномены тесно взаимосвязаны и имеют единые корни их формирования [53].

Отдельные ученые (В.Н. Томалинцев (2001), В.И. Красиков (2006), В.И. Чупров и Ю.А. Зубок (2009), Ю.С. Бузыкина (2011), Н.В. Муращенкова и В.В. Гриценко (2014)) рассматривают психологические истоки экстремизма в природном стремлении человека к экстремальности. Оба понятия экстремизма и экстремальности произошли от единого корня *extremum*, характеризующего активность, напряженность и интенсивность. В отличие от экстремизма, экстремальность не всегда связана с деструктивным отношением к миру и разрушительными действиями [27, 84, 106, 142, 156]. Основной детерминантой, разграничивающей экстремальный (творческий) и экстремистский пути саморазвития и самореализации человека в мире, ученые считают нравственность. Потребность в экстремальности, присущая человеческой природе без нравственно-эстетической базы, может способствовать формированию бессодержательных, зловредных новаций, провоцирующих экстремистские проявления [154, 162–163]. Однако описанных условий, по мнению Н.В. Муращенковой и В.В. Гриценко (2014), недостаточно для возникновения и

развития комплекса экстремистских проявлений, а именно: экстремистского мироощущения, мировоззрения, идеологии, сознания и поведения. Они считают, что пусковым механизмом в развитии комплекса экстремистских проявлений (экстремистского мироощущения, мировоззрения, идеологии, сознания и поведения) является ксенофобия, рождающая страх и враждебность по отношению к миру [97, 106, 183–184]. На основе анализа научных работ Н.В. Муращенкова выделяет три структурных компонента феномена экстремизма: когнитивный, включающий специфическое сознание, представление о мире и экстремистскую идеологию; эмоциональный, включающий отношение к миру и окружающим и переживания, связанные с экстремистской идентификацией и осуществлением экстремистской деятельности; и поведенческий, включающий деструктивные действия, направленные на реализацию экстремистской идеологии [105].

Таким образом, в научной литературе понимание экстремизма представлено различными категориями, которые пока что не имеют методологического единства, но приближают к осмыслению феномена и способствуют раскрытию его сущности, в том числе и психологической. Сложность и многомерность феномена экстремизма, помимо всего прочего, обусловлены наличием его скрытых форм.

Проблема скрытого (латентного, потенциального) экстремизма в последнее время становится все более актуальной (В.Н. Томалинцев (2001), И.В. Вехов (2011), М.А. Одинцова, М.В. Тищенко (2014), Ю.Р. Зинченко (2014)) [30, 112, 142, 185–186]. Как отмечает Ю.Р. Зинченко, экстремизм не всегда сопровождается действиями, он может рассеиваться в общественном сознании, создавая основу для социальной напряженности, что влияет на восприятие мира молодежью [186], и, как отмечает И.В. Вехов, впоследствии воспроизводится и проявляется в будущих поколениях [30]. Так, В.Н. Томалинцев подчеркивает различие явных и скрытых форм экстремизма: «От явных форм экстремизма, подобных открытому террору, действия которого прямолинейны и однообразны (взрывы, поджоги,

захваты заложников и т.д.), скрытые формы экстремизма отличаются особой изощренностью и, в первую очередь, в области манипуляции индивидуальным и общественным сознанием. Они предполагают не только скрытность и неожиданность действия, но и подставку фактов, мнимую случайность, подстрекательство» [142, с. 27].

Многогранность феномена экстремизма отражается в видах и формах его проявления. К основным, наиболее распространенным видам экстремизма можно отнести политический, национальный, религиозный и информационный, к менее распространенным – экономический и экологический экстремизм. В общем виде политический экстремизм представляет собой деятельность личностей, руководимых радикальной идеологией определенных индивидов и социальных групп (политических партий и движений), направленную на дестабилизацию действующего политического режима с целью уничтожения существующей политической системы и изменения вектора культурного, экономического и социального развития [39, 50, 77, 87, 101, 111, 137, 169].

Религиозный экстремизм проявляется в крайней нетерпимости к представителям различных конфессий либо противоборстве внутри одной конфессии и часто используется в политических целях (религиозно-политический экстремизм), в борьбе религиозных организаций против светского государства или за утверждение власти представителей одной из конфессий [40]. В.В. Гурский (2012) выделяет две основные функции религиозного экстремизма: 1) политическая – захват власти с целью насаждения обществу ценностей экстремистской группы; 2) апологетическая – защита ценностей, выступающих ценностным ядром конкретной религии с помощью экстремистских методов [37]. Религиозный экстремизм характеризуется приверженностью к крайним толкованиям вероучений и методов действий по распространению своих взглядов и реализации собственных целей. Характерной чертой религиозного экстремизма являются крайняя нетерпимость к инакомыслию, проповедь своей

исключительности и превосходства над окружающими, что, несомненно, представляет опасность для стабильного существования государства [121, 172].

Национальный экстремизм выражается в утверждении превосходства и исключительности определенной нации или расы и направлен на разжигание национальной нетерпимости, дискриминацию в отношении представителей иных народов. Среди факторов, инициирующих религиозный экстремизм, П.Н. Ермаков (2012) выделяет как внешние, так и внутренние, имеющие личностную природу. К личностным относит особенности ценностно-смысловых ориентаций, установок, мотивации различных социальных, возрастных или этнических групп, подчеркивая, что национальный характер, который относят к причинам агрессивного поведения, существует исключительно в психологических ценностях личностей и только через них получает отражение в духовной деятельности нации [46].

Т.И. Бонкало, В.А. Ильин, С.В. Бонкало (2015), анализируя взаимосвязь этнонациональных установок с особенностями психосоциального развития молодежи, приходят к выводу, что содержание этнонациональных установок напрямую связано с разрешением базисных кризисов психосоциального развития. Полученные ими результаты свидетельствуют о том, что чем отчётливее выражена тенденция к позитивному разрешению этих кризисов, тем менее значимы для индивида вопросы, связанные с национальной принадлежностью и национальными стереотипами [25].

Также стремительно развивается новый вид экстремизма – информационный [47–48, 129]. Данный вид экстремизма связан с образованием глобального информационного общества, благодаря развитию компьютерных и телекоммуникационных технологий. Интернет-пространство является наиболее перспективным средством пропаганды экстремистских материалов в силу большого охвата аудитории, минимальных затрат на и распространения информации, сложность привлечения к ответственности лиц, размещающих экстремистские материалы, и т.д. [47, 89, 100]. Поэтому информационный

экстремизм является подготовительной ступенью на пути развития других видов экстремизма, благоприятной средой для развития и усвоения экстремистской идеологии.

Таким образом, проведенный теоретический анализ указывает на то, что экстремизм представляет собой спектр эмпирически фиксируемых событий и процессов, при этом допускаются произвольность и определенный субъективизм в определении объема данного явления и его сущностных характеристик. Для психологической науки экстремизм является сравнительно новым предметом изучения, который представлен отдельными эмпирическими исследованиями его проявлений.

1.2 Теоретические и прикладные аспекты изучения экстремистской направленности личности в предметном поле психологии

Проблема экстремистской направленности носит междисциплинарный характер и существует на разных уровнях гуманитарного и социального знания: философско-бытийном, правовом и социально-психологическом. На психологическом уровне анализ феномена экстремизма как проблемы личности до сих пор не нашел должного отражения в научных исследованиях. При этом актуальность исследования экстремистской направленности личности не вызывает сомнений в контексте осознания той роли, которую играет направленность в понимании жизнеосуществления человека.

Основными теориями, рассматривающими проблему направленности личности, являются труды отечественных мыслителей С.Л. Рубинштейна (2002), А.Н. Леонтьева (2005), В.Н. Мясищева (1969), К.К. Платонова (1986), Б.Ф. Ломова (1984) [90, 93, 108, 118, 124]. Одним из первых, кто внес вклад в понимание сущности направленности личности, был С.Л. Рубинштейн. По его мнению, направленность личности служит источником многообразной и разносторонней деятельности, в процессе которой изменяются содержание мотивов этой

деятельности. Рассматривая направленность личности, С.Л. Рубинштейн выделял взаимосвязь предметного содержания (направленность на что-то) и напряжения, возникающего при этом [123]. Человек постоянно стремится удовлетворить свои потребности (интересы), в случае возникновения проблем с их удовлетворением он испытывает напряжение (беспокойство), которое является источником неопределенного стремления в поиске опредмечивания потребностей и формирования мотива деятельности. Направленность человека представляет собой динамическое взаимодействие внутреннего и внешнего. Приводя пример о том, как общественно значимые цели становятся для человека личностно значимыми, С.Л. Рубинштейн отмечает, что в переходе от «должного» в «желаемое» и заключается самая специфическая и своеобразная черта направленности человека и тенденций, которые ее образуют [124]. В противном случае «должное» противостоит влечениям, образуя между ними антагонизм, который может стать причиной формирования деструктивной направленности личности. По мнению С.Л. Рубинштейна, главная роль в направленности человека заключается в его идеалах, которые являются стимулом и регулятором его развития [123], образующиеся под воздействием общественных оценок [35]. Таким образом, структура направленности представляет собой иерархию потребностей, интересов, идеалов, установок и тенденций, связанную с основными сферами человеческой деятельности.

Направленность личности как смыслообразующий мотив, как иерархию мотивов и личностных смыслов, ориентирующих деятельность личности, предлагает рассматривать А.Н. Леонтьев. Ученый выделяет два основных вида мотивов: смыслообразующие мотивы, побуждая деятельность, придают ей личностный смысл, и мотивы-стимулы, выполняющие роль побудительных факторов без смыслообразующей функции [90]. Через систему мотивации направленность личности также рассматривает Л.И. Божович (1968), определяя ее как устойчиво доминирующую систему мотивов, внутреннюю позицию личности [20].

В своей динамической концепции К.К. Платонов представляет личность как взаимосвязанный ряд подструктур: направленность и отношение личности (желания, интересы, склонности, стремления, идеалы, убеждения, мировоззрение); опыт (знания, навыки, умения и привычки); индивидуальные особенности психических процессов (память, эмоции, ощущения, мышление, восприятие, чувства, воля); биопсихические свойства (половые и возрастные свойства личности, типологические свойства личности, темперамент) [118]. Направленность, по его мнению, представляет собой «высший уровень личности, ее первую подструктуру» [118, с. 137]. Значимую роль в направленности играют убеждения, так как они отражают не только знание о действительности, но и оценивают ее элементы (правильные – неправильные, важные – неважные). В основе убеждений личности лежат ценностные ориентации, которые представляют идеологические, политические, моральные, эстетические основания оценок личностью окружающей действительности и ориентации в ней. То есть убеждения – это синтез знаний, интеллектуальных, эмоциональных и волевых проявлений личности [35, 110, 118].

В отличие от С.Л. Рубинштейна, К.К. Платонов включил в понятие «направленность» такие высшие человеческие проявления, как индивидуальная картина мира и убеждения [118]. В свою очередь С.Л. Рубинштейн свою структуру пополнил таким понятием, как установка [119]. Здесь следует отметить, что многие ученые отводят установкам основополагающую роль в личности и ее направленности (Б.Ф. Ломов, Д.И. Фельдштейн, Л.И. Божович, В.А. Ядов, Д.И. Узнадзе, В.А. Ивашенко) [21, 66, 93, 126, 145, 147]. Именно система установок придает направленности устойчивый стабильный характер и проявляется на всех уровнях ее структуры.

Содержательным к определению направленности является и подход В.Н. Мясищева, который рассматривал понятие направленности личности как «доминирующее отношение», представляющее собой активную, сознательную, интегральную, избирательную, основанную на опыте связь личности с

различными сторонами действительности. По его мнению, направленность включает цели, мотивы, интересы, идеалы, убеждения, определяющие избирательность отношений, активность человека и смысл его жизни [108].

В качестве ведущей подструктуры направленности Б.М. Теплов, А.В. Иващенко выделяют мировоззрение как сложившуюся систему убеждений и взглядов (на природу, общество, человеческие отношения), которые определяют доминирующие жизненные цели [64–66, 141].

Ценностную природу направленности личности и ценностные ориентации как ее оформляющие категории подчеркивают Л.В. Зубова и М.Н. Григорьева [59]. Убеждения в качестве ведущей подструктуры направленности выделяют В.Н. Мясищев и К.К. Платонов. Основополагающую роль установок отмечают все исследователи данного вопроса, используя понятия устойчивость, избирательность. По мнению ведущих специалистов (Б.Д. Фельдштейн, Б.Д. Ломов, В.А. Ядов, Д.И. Узнадзе, А.Г. Асмолов), мотивационная установка придает всей системе направленности личности устойчивый характер, а деятельности личности – стабильность [10–11, 93, 126, 136, 145, 147].

Таким образом, в качестве ведущих мотивационных образований исследователями рассматриваются такие, как цели, ценности, идеалы, убеждения, установки, мировоззрение. Данное разнообразие подходов, однако, отражает не противоречие во взглядах на проблему, а скорее подчеркивает тот факт, что в системе, определяющим свойством которой является динамичность, ведущим становится то мотивационное образование, которое приобретает качества устойчивого доминирования и долговременности [71].

В зарубежной психологии проблема направленности личности не получила широкого освещения. В зарубежных психологических словарях отсутствует определение направленности, хотя используется категория «направленный» – определяющий такой диапазон личностных проявлений, когда становится возможным только один из множества вариантов [23, с. 479]. Ш. Бюлер и Г. Олпорт (2002), исследуя жизненные истории, используют термин

«направленность». По мнению Ch. Buhler (1959), под направленностью может пониматься жизненная цель, которая регулирует поступки человека и которой он руководствуется, и это является особой жизненной целью и интенцией [166]. Направленность личности, по Г. Олпорту, представляет собой характеристику зрелой личности, сущность которой определяется как развитие в определенном направлении, умение стремиться к поставленной цели, достигать ее, характеризуя активность личности. При этом Г. Олпорт констатирует, что направленность зрелой личности сфокусирована вовне. А у незрелых личностей направленность характеризуется простейшей и сиюминутной мотивацией [114]. Э. Фромм на основе изучения особенностей развития личности выводит понятие общей направленности личности, которая соотносится со структурой личности, характером и определяет основные ее модели поведения [151]. К.Г. Юнг в своей работе выделяет два типа эго-направленности, подразумевая под этим жизненную установку, определяющую модель поведения, делающую это поведение предсказуемым [159]. Б. Басс предлагает типологию направленностей личности, в основе которой лежат доминирующие ориентации, выделяя доминирующие направленности личности: направленность на себя, направленность на общение и направленность на дело [71]. То есть в направленности наравне с представленностью мотивационных компонентов в характеристиках типов направленности выделяют и личностные черты.

Опираясь на точки зрения таких авторов, как Э. Фромм, А. Адлер, К. Хорни, Л.В. Зубова и М.Н. Григорьева констатируют, что единство позиций представленных авторов заключается в рассмотрении направленности как ведущей, системообразующей характеристики личности, определяющей целостность всей ее структуры. Как интегральная характеристика личности, направленность представляет собой универсальную основу любых ее проявлений, которые реализуются в контексте отношений к миру, людям, самому себе и в отношении к деятельности, что отражается в соответствующей типологии направленности, имеющей как социально положительный полюс, так и социально

отрицательный. Кроме того, направленность, высшими формами которой являются такие психологические образования, как цели, ценности, убеждения, мировоззрение, личностные смыслы, способствует устойчивости и избирательности деятельности личности и определяет ее нравственный облик и социальную ценность и значимость для общества [35, 59, 71, 154–155].

Один из способов классификации типов направленности личности основывается на критерии доминирующего отношения к себе и окружающим людям, при этом ведущее место отводится результатам деятельности личности в социальном плане и особенностям межличностных взаимодействий. На основе чего выделяют социальную, просоциальную и положительную направленность (Д.И. Фельдштейн, Л.И. Божович, А.В. Иващенко, Л.В. Зубова, М.Н. Григорьева, С.А. Беличева). И на другом полюсе – асоциальную направленность как явление, выступающее непосредственной причиной противоправного поведения личности, в основе которой лежат асоциальные мотивы, установки, позиция, вредные привычки, системы враждебного отношения к себе и к миру, определяя склонность субъекта к выбору противоправных средств и способов удовлетворения своих потребностей (Д.И. Фельдштейн, Л.И. Божович, Ю.М. Антонян, А.В. Иващенко, Л.В. Зубова, М.Н. Григорьева, С.А. Беличева, А.А. Кириенко).

Асоциальная направленность связана с отрицанием ценностей общества, их подменой, с доминированием материальных ценностей над ценностями общественными, что ведет к целенаправленным действиям и поведению, не соответствующим общественным ценностям (бродяжничеству, воровству, наркомании, алкоголизму, токсикомании) [58–59, 127]. Л.И. Божович (1997) использовала понятия социальной, общественной и общественно отрицательной направленности для характеристики отношения личности к окружающим людям в форме активного стремления к обществу и подчинения своих интересов интересам коллектива либо для обозначения личности и ее деятельности, в основе которых лежат приобретенные общественно отрицательные интересы, потребности, навыки и привычки [21].

С.А. Беличева (1994), исходя из представлений о характере деятельности, характере отклонений в поведении, наравне с понятием асоциальной направленности использует термины антиобщественной, криминогенной противоправной направленности личности для обозначения результата аккумуляции личности в себе определенных негативных влияний, испытываемых ею в процессе социализации [18, с. 61]. В целом на сегодняшний день большинством исследователей под асоциальной направленностью понимается иерархическая структура нравственно-мотивационной сферы, доминирующие мотивы которой имеют антиобщественный характер, а искаженные ценностно-нормативные представления определяют склонность личности к выбору противоправных средств и способов (не соответствующим общественным ценностям) удовлетворения своих потребностей [71].

В контексте теории общей направленности личности правомерно говорить об экстремистской направленности личности как особом виде асоциальной направленности. Термин «экстремистская направленность» широко применяется в юридической науке, однако не в отношении личности, а в отношении преступной деятельности. К примеру, Р.М. Узденов (2008) преступления экстремистской направленности характеризует как преступления, совершаемые в целях незаконного присвоения, захвата или изменения власти, а также воздействия на принятие решений органами власти в интересах экстремистов; а равно по мотивам ненависти или вражды к гражданам, в зависимости от принадлежности их к определенному полу, расе, национальности, языку, религии, политическим убеждениям, происхождению, должностному или социальному положению, принадлежности к какой-либо иной социальной группе [144].

Под преступлениями экстремистской направленности А.А. Васильченко и А.А. Швыркин (2008) понимают предусмотренные уголовным законом преступные деяния, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, любую деятельность соучастников в таком

деянии, а также публичную клевету в их совершении против лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации [29].

На необходимость различать понятия «преступления экстремистской направленности» и «преступления, связанные с экстремистской деятельностью» указывает С.Н. Фридинский (2004). Ученый считает, что под преступлениями, связанными с экстремистской деятельностью, следует считать общественно опасные деяния, посягающие на конституционные права и свободы человека и гражданина, общественную безопасность и общественный порядок, общественную нравственность, основы конституционного строя, безопасность государства и совершенные по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Обязательным их признаком является наличие действий экстремистского характера. Под преступлениями же экстремистской направленности С.Н. Фридинский понимает только лишь общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 148, 149, ч. 1 и 2 ст. 213, 214, 234, 244, 280 и 282 УК РФ и совершенные по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [149–150].

Несмотря на имеющиеся противоречия и широкую трактовку понятия «экстремистская направленность» в юридической науке, авторы (Н.Г. Иванов, Ю.М. Антонян, А.П. Козлов, А.С. Лаврив, Ю.С. Пестерева) сходятся во мнении, что особое значение при квалификации указанных преступлений приобретает определение мотива. В данном случае он утрачивает факультативный характер и становится обязательным элементом субъективной стороны состава, подлежащим неопременному доказыванию. Мотив преступления – это порожденное системой потребностей осознанное и оцененное побуждение, принятое лицом в качестве идеального основания и оправдания своего преступного деяния [7, 76, 88, 117, 158]. По мнению Н.Г. Иванова (1997), в качестве мотивообразующих факторов

поведения, в частности преступного поведения, могут выступать как осознанные, так и неосознанные побуждения. В качестве составляющих мотива необходимо рассматривать потребности человека, субъективно переживаемые в виде влечений и желаний, которые он испытывает в определенной ситуации. В принципе мотивы преступлений можно свести к трем их психологическим разновидностям: потребностям, эмоциям (чувствам) и интересу. Мотивы преступлений – это не статические, но, как и все психическое, динамические образования. В ходе создания мотивации непрерывно возникают и развиваются все новые и новые внешние условия ее протекания, поэтому в процессе деятельности мотивы изменяются, трансформируются [63].

Мотив преступления А.П. Козлов (2004) рассматривает, говоря о двух уровнях мотивации преступного поведения. На первом уровне происходит осознание потребности, т.е. формируется стремление к достижению желаемой цели. Данный мотив может быть любым (и корысть, и ненависть к конституционному строю). По мнению автора, этот мотив не негативен, не позитивен, он социально нейтрален и будет оставаться таким до тех пор, пока субъект не перейдет к действию, более того – к преступному действию [76]. На втором же уровне происходит выбор способа удовлетворения опредмеченной потребности, достижения цели, т.е. выбора преступного либо законопослушного поведения. По мнению А.П. Козлова, круг мотивов выбора преступного поведения гораздо уже круга мотивов вообще, к ним автор относит мотивы самоутверждения, восстановления социальной справедливости, стремления к самосохранению [76].

Подлинный экстремистский мотив, как считает А.С. Лаврив (2012), представляет собой определенный образ мысли, основанный на устойчивой, формирующейся либо уже сформировавшейся в сознании лица системе ценностей, способ решения проблем, предопределяющий выбор преступного поведения. Лицо выбирает преступное поведение, нарушение закона в силу того, что он приемлет для себя только категорический способ решения проблемы, когда

видит только «черное» и «белое». Именно поэтому массу вопросов вызывает квалификация «экстремистского» хулиганства, так как хулиганство уже само по себе совершается со специфическим хулиганским мотивом. «Экстремистский» мотив сейчас, с точки зрения законодателя, – это мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Однако в действительности же экстремистский мотив можно охарактеризовать также как крайнюю, обостренную форму какого-либо чувства (например, фанатичная любовь или приверженность, в противопоставление ненависти), крайне грубое, ярко выраженное, циничное, категоричное отношение к общепризнанным нормам и ценностям, охраняемым государством и законом, крайнее, бескомпромиссное противопоставление себя существующим нормам, полное отрицание, выходящая за грани форма приверженности к взглядам, идеям, способам [88].

Таким образом, экстремистская направленность в отношении личности, с точки зрения юридической науки, представляет собой стремление преступника совершить преступление по мотиву идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Для психологической науки понятие «экстремистская направленность» не является традиционным, его упоминание можно встретить лишь в нескольких работах, посвященных изучению феномена «экстремизм». Так, по мнению О.А. Корниловой, экстремистская направленность выражается в принятии личностью экстремистской идеологии и перестройке всей мотивационно-поведенческой сферы в соответствии с этой экстремистской идеологией, которая является основной характеристикой содержания экстремизма как психического склада личности. Важнейшую роль в структуре этой направленности играет экстремистская потребность изменения жизненной ситуации, неременной реализации сверхценной идеи социального реформаторства. По ее мнению,

экстремистская направленность личности должна быть рассмотрена в связи с порождаемыми ею и сопровождающими ее эмоциональными переживаниями, являющиеся существенным элементом экстремизма как специфического психического склада личности. Механизм реализации экстремистской направленности связан с особыми эмоциональными состояниями и особыми поведенческими актами [78–81].

Экстремистскую направленность личности О.Р. Онищенко (2009) рассматривает с позиции конформизма. Она считает, что экстремистская направленность поведения молодежи может представляться в виде внешне противоположного явления конформизму – нонконформизма, или негативизма. По ее мнению, конформное и нонконформное поведение в молодежной среде может усиливаться за счет высокого уровня внушаемости [116]. Ю.М. Антонян и М.Д. Давитадзе (2004) отмечают, что внушаемость относится к числу тех внутренних обстоятельств, которые активно участвуют в детерминации преступного поведения. Наиболее очевидна внушаемость в форме некритичной податливости влиянию извне в групповых преступлениях молодежи, в том числе экстремистской направленности [9]. Как отмечает О.Р. Онищенко, в формировании экстремистской направленности личности основными детерминантами являются психологические особенности личности. Достаточно часто внушаемые и конформно формирующиеся идеи заполняют вакуум личностных поисков, самоопределения, попытки духовного обретения себя подростком и юношей. Экстремистские идеи в таком случае просты и понятны, они подкреплены примером, лозунгом и имеют конкретную цель, эмоционально усилены соответствующей запросам молодежи пропагандистской литературой [116].

Обобщив результаты исследований по проблеме направленности, Л.В. Зубова и М.Н. Григорьева (2007) приходят к выводу, что системным качеством данного свойства личности является его ценностная природа, следовательно, направленность определяет социальную и нравственную ценность личности. По их мнению, ценности являются одним из главных критериев сформированности

того или иного типа направленности [59]. Л.И. Божович (1997) в качестве критериев рассматривает достаточно широкий спектр проявлений, характеризующих систему отношений подростка (жизнь в семье, положение в школе, внутреннюю позицию по отношению к учению). Основу данных проявлений составляют потребности и стремления как побудители поведения, а также цели и жизненные перспективы, освобождающие от непосредственных ситуативных влияний и побуждающие действовать в том или ином направлении [21]. С.А. Беличева (1994), стремясь выработать некую обобщенную модель подхода к личностной направленности, в том числе и асоциальной, предлагает выделять три блока (уровня) критериев, характеризующих данное свойство: когнитивный, отражающий знания и представления о нормах общества; эмоционально-волевой, отражающий содержательную сторону переживаний, в которых проявляется отношение к другим людям и на основе этого осуществляется регуляция собственного поведения; поведенческий, представленный поступками и общим характером деятельности личности в системе отношений к другим, к обществу [18, с. 60].

Исследуя особенности формирования девиантного поведения молодежи (в том числе и склонность к экстремисткой деятельности), С.В. Бонкало и Т.И. Бонкало (2015) затрагивают проблему формирования жизненной позиции молодежи, которая тесно взаимосвязана с направленностью личности. По их мнению, жизненная позиция представляет собой интегральную характеристику личности, раскрывающуюся в системе отношений к себе, к другим людям и к окружающему миру в целом и составляющую ориентировочную основу для их личностного саморазвития и самоизменения. Направленность жизненной позиции определяется доминирующими интересами и проявляется в действиях, выражающих отношение к миру и социуму [24]. С.В. Бонкало и Т.И. Бонкало в структуре жизненной позиции выделяют такие компоненты как когнитивный, аксиологический, эмоциональный, экзистенциальный, поведенческий и

акмеологический, сочетание которых определяет конструктивный и деструктивный характер жизненной позиции [24].

Продуктивной интегративной моделью, позволяющей описать личность с точки зрения ее нравственно-психологического облика, принадлежит А.В. Иващенко, Н.В. Фроловой (1996), Л.В. Зубовой, О.А. Щербининой (2008) предложившим четыре блока критериев, характеризующих ее интеллектуальный, мотивационный, оценочно-эмоциональный, поведенческий аспекты. Данные аспекты охватывают следующие проявления: интеллектуальный (характеристика знаний и познавательных интересов), мотивационный (характеристика мировоззренческих установок, проявление разумных потребностей, наличие коллективистских мотивов), оценочно-эмоциональный (характеристика уровня эмоциональных переживаний, проявляющихся во взаимоотношениях с людьми и в деятельности), поведенческий (отражение социальной активности личности: трудовой, общественно-политической, а также готовность участвовать в общественно полезных делах) [64–66, 157].

Таким образом, на основе анализа различных взглядов на структуру направленности личности были выделены основные компоненты, позволяющие исследовать экстремистскую направленность личности, к ним отнесены:

1. Когнитивный компонент – содержит информацию, представления личности о правилах и нормах поведения в системах отношений «я и другие люди», «я и общество», «я и дело», о собственных внутренних моральных стандартах и принципах и их соответствии и несоответствии нормам и традициям, принятым в обществе.

2. Ценностно-мотивационный компонент – представляет содержательную характеристику потребностей, стремлений, желаний, интересов, специфику целей, жизненных перспектив, нравственных ценностей и ценностных ориентаций, побуждающих действовать в том или ином направлении.

3. Эмоционально-оценочный компонент – отражает содержательную сторону переживаний, в которых проявляются отношение к явлениям и фактам

действительности, к другим людям и к самому себе, а также реакция на информацию о социальных значениях, переживания, связанные с нравственными ценностями; способность в построении линии поведения руководствоваться высшими чувствами (совестью, ответственностью, чувством долга, альтруизма, сострадания).

1.3 Проблема типологизации индивидуально- и социально-психологических характеристик личности с экстремистской направленностью

На данном этапе изучения экстремизма он представлен широким спектром эмпирически фиксируемых событий и процессов, при этом допускаются произвольность и определенный субъективизм в определении объема данного явления и его сущностных характеристик. Поэтому одной из приоритетных и сложных задач современной психологии является создание типологии психологических особенностей людей, склонных к экстремизму и терроризму, а также лиц, поддерживающих и оправдывающих их.

Общая психология сосредоточена на поиске сущностных характеристик личности экстремиста через анализ особенностей организации психической жизни данных субъектов. Исследования, построенные на данном основании, имеют своей целью вскрыть некие общие психологические характеристики лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность, и прийти к заключению о том, что сущность экстремизма порождается особенностями личностного и группового сознания, «структурой сознания, зависимой как от нашей антропологической природы, так и от некоторых необходимых фаз в социальном развитии» [84, с. 70].

Сложности подобных исследований обусловлены как проблемами, связанными с непосредственным изучением экстремистов (их недоступность, закрытость и т.д.), так и невозможностью создания обобщенного профиля

типичного экстремиста или террориста [120, 135], что связано с многообразием видов экстремизма, личностных типов и позиций, которые занимают экстремисты в организации (лидеры, постоянные члены-исполнители, периферийные участники, сочувствующие и т.д.) [5].

Как уже отмечено, экстремизм затрагивает проблему безопасности как государства, так и личности, поэтому практические разработки данной проблемы особо важны для правоохранительных органов как институтов борьбы с экстремистскими проявлениями и для образовательных учреждений как институтов социализации и профилактики возможных отклонений в развитии и самореализации детей и молодежи [57, 134, 140, 165]. Ю.П. Зинченко, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова (2011) отмечают, что «портрет террориста/экстремиста» – это то, что мечтали бы получить в свое распоряжение службы безопасности для контртеррористической деятельности, особенно для организации профилактической работы [57].

В юридической психологии личность экстремиста изучается с позиции криминалистической характеристики. Как верно заметил Р.Л. Ахмедшин (2006), «криминалистическое изучение личности преступника должно быть преимущественно ориентировано на личность как носителя социально-психологических характеристик, выраженных в ее криминалистически значимых поведенческих реакциях, отражающихся в конкретных условиях преступного события» [15, с. 10]. Изучение осужденных за преступления экстремистского содержания позволило составить портрет индивидуальных особенностей экстремиста/террориста. Так, преступления экстремистского содержания свойственны в основном мужчинам (92% мужчин, 8% женщины). Однако, по данным МВД России, сегодня членами и даже лидерами молодежных экстремистских организаций (группировок) все чаще становятся молодые девушки. Возраст лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, распределялся следующим образом: на лиц до 25 лет приходится 81% преступлений экстремистского содержания, в возрасте от 25 до 40 лет – 14%

и старше 40 лет – 5%. Данные показатели подтверждаются и исследованием Д.Н. Еремина (2010), которое показало, что подавляющее число экстремистов (70%) – лица молодого возраста (от 18 до 30 лет) [45].

Два основных вида личности среди лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, выделяет А.В. Сергеева (2012). Первый – это лицо мужского пола, в возрасте от 25 до 37 лет, имеющее высшее или среднее специальное образование, работающее, обладающее ярко выраженными организаторскими способностями. Второй – лицо мужского пола, в возрасте до 20 лет, в том числе несовершеннолетнее, имеющее неоконченное среднее или среднее специальное образование, не работающее, обладающее высокой степенью внушаемости. Интересным является тот факт, что 85% экстремистов ранее не имели судимость и не привлекались к уголовной ответственности. Отсутствие судимостей у лиц, занимающихся экстремистской деятельностью, говорит об отсутствии стойкой противоправной направленности личности [131].

Поиск существенных характеристик личности экстремиста через анализ особенностей организации психической жизни вскрывает общие психологические характеристики лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность. Однако здесь обнаруживается проблема, заключающаяся в недостаточности эмпирической базы подобных исследований. Как верно замечает М. Сейджман (2008), «отсутствие эмпирических данных является настоящим бичом открытых психологических исследований экстремизма, что оставляет широкое поле для диких спекуляций» [130, с. 90]. Практически все исследователи едины в том, что субъект экстремистской деятельности крайне многообразен, при этом отсутствует единство в том, какие конкретно личности следует считать экстремистскими. Исследователи солидарны здесь в том, что субъект экстремизма не един, а представляет собой ряд типов, имеющих различные личностные характеристики. Многообразие типов экстремиста, представленных в психологической науке, еще находится на стадии разработки, не имеет единых концептуальных оснований и требует расширения базы и методов исследования в данном направлении [125].

Так, М. Сейджман предпринял глубокое и всестороннее изучение террористов на основе большого массива эмпирических данных, направленное на поиск возможных психических отклонений в их личности. Он исходит из того, что психологический подход «концентрируется на поиске какого-то особенного внутреннего свойства террористов, которое отличает их от нормальных людей и объясняет их поведение» [130]. Одним из вариантов такого отличия может выступать тезис о терроризме как психическом заболевании.

В итоге исследователь приходит к выводу, опираясь на факты биографии почти 200 террористов, что терроризм не является душевным расстройством. Отмечаемый у этих личностей фанатизм, считает М. Сейджман, «не душевное расстройство, а принцип, определяющий и направляющий их жизни. В противном случае нам пришлось бы отнести к душевным расстройствам наличие любых сильных убеждений, будь то религиозных, политических, профессиональных или относящихся к сфере развлечений. При анализе фактов не обнаружилось ни закономерностей в том, что касается эмоциональных травм в прошлом, ни каких-либо свидетельств какой бы то ни было патологической ненависти или паранойи» [130, с. 90]. М. Сейджман отрицает утверждение о том, что террористы являются социопатами, психопатами или лицами с параноидальным или антисоциальным расстройством личности. Подавляющее большинство в его значительной выборке террористов вели себя нормально. Более того, М. Сейджман подчеркивает, что «хотя антисоциальные личности могут стать индивидуальными террористами, они не сумеют прижиться в террористической организации» [130, с. 91].

Американский психиатр отдельно исследовал самоубийственные акты терроризма, доказывая, что суицид террористов не порождается их психическими патологиями. Итоги тридцатилетних исследований террористов также не позволили выявить в их среде сколько-нибудь заметные образцы душевных болезней. «С точки зрения душевного здоровья террористы на удивление нормальны», – констатирует он [130, с. 93]. В Германии было проведено исследование, изучавшее досье на членов группировки Баадер Мейнхоф. В нем

для анализа использовался значительный качественный и количественный материал о каждом члене группы – от записей в роддоме до дошкольных, школьных и университетских оценок, включающий беседы с членами семей, соседями, друзьями, сравнение с контрольной выборкой. Оно также не обнаружило никаких значимых отличий террористов от обычных людей в том, что касается наличия психопатологии [57]. Исследователи J. Becker (1977), G. Wagenlehner (1978), K. Kellen (1998) отмечали, что мотивы террористов РАФ были неполитические и больше связаны с пережитыми психологическими травмами и страдали от острого страха, агрессии и мазохистских желаний, заставляя их видеть мир в нереалистическом свете [164, 174, 182].

С данными, полученными западными исследователями, отчасти согласуются и результаты, полученные российскими исследователями. В частности, В.А. Соснин (2008) отмечает, что явная психопатология среди террористов достаточно редкая вещь [135]. Их озабоченность проблемами безопасности и секретности можно объяснить потребностью в выживании [130]. Однако нельзя отрицать тот факт, что в ходе изучения отдельных типов личностей, относимых исследователями к экстремистам/террористам, были получены достаточно значимые результаты, раскрывающие особенности психической деятельности и восприятия мира у данных индивидов [125].

Сосредоточенность внимания на внешних признаках экстремистской направленности до недавнего времени практически вытеснила проблемы, связанные с глубинными, причинными личностными основаниями становиться членом экстремистской организации. Однако концентрация внимания лишь на внешних факторах дает одностороннюю картину феномена «экстремизм». Так, М. Сейджман собрал информацию о детстве 69 террористов и «не обнаружил ни единого свидетельства травмы в детстве, описанной ими самими, их друзьями или родственниками» [130, с. 93]. Более того, в детстве многих террористов не только не били, но, напротив, баловали. Представляются несостоятельными попытки

объяснить возникновение экстремизма лишь влиянием только социокультурных и идеологических условий.

В работах Х. Томэ и Х. Кэхеле (1996), Н. Мак-Вильямса (2006), N. J. Smelser (2007), Е.Н. Юрасовой (2008), М.Ф. Мусаеляна (2010) [96, 107, 143, 160, 181] представлена следующая психологическая структура личности исполнителей экстремистско-террористической деятельности: нарциссический радикал, порожденный яркой, чаще фанатичной приверженностью какой-либо идеологии; выраженный параноидальный радикал как следствие ориентации на насилие и утраченное, групповую идентичность, преобладающей над эго-идентичностью. Раскрывая эти положения, Е.Н. Юрасова говорит о том, что параноидный радикал будет порождать повышенную тревожность и повышенную агрессивность. При этом агрессия будет носить ненаправленный либо переадресованный характер (направлена не на конкретных лиц, а на некий присущий им признак, например, национальность, либо на случайных людей, либо применяется для привлечения внимания третьих лиц). И нарциссический, и параноидный радикалы характеризуются преобладанием архаичных защит, сильно искажающих реальность. В свою очередь, это повлечет сложности совладания с трудными жизненными ситуациями, т.е. непродуктивные копинг-стратегии. Наличие выраженных архаичных защит, являющихся весьма инертными психическими образованиями, приведет также к такой личностной особенности, как ригидность [160, 168].

На основе анализа личностей террористов (экстремистов) Ю.М. Антонян также выделяет психологические особенности личности экстремиста. Для личности террориста (экстремиста) характерны тенденция к экстернализации и параноидальные характеристики. Помимо этого, в качестве характерных черт личности экстремиста фигурируют постоянная оборонительная готовность, чрезмерная поглощенность собой и незначительное внимание к чувствам других. Ю.М. Антонян и В.В. Гульдман (1991) отмечают, что «параноидальность у террористов сочетается с ригидностью, застреванностью эмоций и переживаний,

которые сохраняются на длительный срок даже после того, как исчезла вызвавшая их причина» [6, с. 11]. Помимо этого, Ю.М. Антонян упоминает о нарциссизме террористических личностей. По его мнению, их характеризует примат эмоций над разумом, непосредственно активных реакций на действительность над ее осмыслением; предвзятость оценок, низкий порог терпимости, даже полная нетерпимость к инакомыслию и отсутствие должного самоконтроля. В структуре такой личности значительное место занимают игровые мотивы. Исследователь указывает на легкость и естественность восприятия такими личностями идей насилия и его реализации, а также на определенную тягу к смерти. Психолого-психиатрические особенности личности террориста во многом определяются тем, что он «непосредственно соприкасается со смертью, которая, с одной стороны, влияет на его психику, поступки и на события, в которые он включен, а с другой – его личностная специфика такова, что он стремится к ней... Это террорист – некрофил» [7, с. 114].

Исследование социально-психологической сущности экстремизма, реализуемое в контексте психологии изучения зла и насилия, осуществил С.Н. Ениколопов (2011). Анализируя значения термина «зло», представленные в науке, он приходит к выводу о том, что говорить о зле можно в том случае, если присутствуют следующие элементы: насильственные вредные действия, не соразмерные с провоцирующими условиями, а также постоянство и повторение таких действий [43]. При этом центральным содержательным элементом насилия, по мнению ученого, является «принуждение, всегда осуществляемое через воздействие на психику человека средствами, посягающими на его физическое или духовное благополучие», а отличительными характеристиками – «применение силы, приводящее к ущербу, наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, опускающему уровень их удовлетворения ниже потенциально возможного» [43, с. 312]. Ученый отмечает, что угроза насилия также является насилием. Исходя из данных трактовок, по нашему мнению, экстремизм и его пропаганда представляют собой разновидность зла и

насилия. Как отмечает С.Я. Ениколопов, практически все исследователи указывают на наиболее характерные черты личности террористов: комплекс неполноценности, высокая агрессивность, низкая самоидентификация, самооправдание, личностная и эмоциональная незрелость, постоянная готовность защитить свое «Я», стремление самоутвердиться, чрезмерная поглощенность собой, незначительное внимание к чувствам и желаниям других людей, фанатизм [44, 178]. И.В. Абакумова, А.В. Мирошниченко и Ю.Ю. Дмитриев (2015), исследуя экстремизацию молодежи в рамках влияния информационного потока на их уровень агрессивности и напряженности, пришли к выводу, что в основе выбора информационного контента сети Интернет лежат психологические особенности пользователей. Ими был разработан алгоритм «экспресс-диагностики», направленный на измерение уровня агрессивности и враждебности среди населения в зависимости от выбора того или иного интернет-контента, в том числе и многоходового перехода по гиперссылкам [3]. В результате исследованиями были выделены индивидуально-типологические особенности молодежи, которые могут привести к вовлечению их в экстремистскую группировку или склонить к негативным социальным поступкам. А именно: разнонаправленные тенденции реакций (агрессия–тревожность, интроверсия–экстраверсия, сенситивность–спонтанность, ригидность–эмоциональная лабильность и т.п.), внутреннее психоэмоциональное напряжение, акцентуации характера и социальная дезадаптация [1–2].

Рассмотрение экстремизма в контексте трех форм насилия, которые описывает в своей работе J. Galtung (1990) [170], позволяет сделать вывод о том, что экстремистское поведение и деятельность отдельных личностей и групп можно отнести к прямому насилию; действия власти, общества, провоцирующие социальное, этническое и т.п. неравенство, – к структурному насилию; а экстремистская идеология и ее пропаганда являются примером культурного насилия [106, 170, 171]. При этом экстремистские идеи (как компоненты культурного насилия), обличенные в форму псевдопатриотизма, лжеборьбы за

права народа, формирующие позитивные представления об экстремизме и терпимое и/или позитивное отношение к данному явлению, в конечном счете, используются для оправдания и легитимизации прямого и структурного насилия (распространения социального неравенства и экстремистских проявлений). В результате экстремистские проявления начинают рассматриваться населением как необходимые, справедливые действия, нормальные, естественные явления. Все это в итоге ведет к экстремизации массового сознания, распространению и принятию в обществе экстремистской идеологии, формированию экстремистской направленности личности.

Можно выделить ряд личностных предрасположенностей, которые часто становятся побудительными мотивами вступления индивидов на путь экстремизма/терроризма: сверхсосредоточенность на защите своего «Я» путем проекции с постоянной агрессивно-оборонительной готовностью; недостаточная личная идентичность, низкая самооценка; сильная потребность в присоединении к группе, т.е. в групповой идентификации или принадлежности; социальная изолированность и отчужденность, потеря жизненной перспективы. При этом нельзя сказать, что приведенный набор данных характеристик является каким-то обобщенным психологическим профилем личности экстремиста/террориста. Важное значение, в ряде случаев, имеют политико-идеологические мотивы вступления в террористическую группу. Но они чаще являются формой рационализации более глубинных личностных мотивов – стремления к укреплению личностной идентичности и, что особенно важно, потребности принадлежности к группе [27, 175, 176].

Психологические особенности молодежного экстремизма, который в научной литературе исследуется как его отдельный вид, О.В. Корнилова (2012) рассматривает с позиции экстремальности сознания молодого человека. Наиболее распространенными формами экстремальности являются индивидуальные и групповые настроения, представляющие собой преобладающий чувственный и рациональный уровни сознания молодежи. Рост экстремальности,

проявляющийся в повседневной жизни, как правило, в рисковом (девиантном) поведении, выступает предпосылкой как делинквентного (правонарушающего), так и виктимного поведения, а также специфических увлечений, в том числе необычными видами деятельности, экстремальными видами спорта, различными радикальными идеями [78].

По мнению О.В. Корниловой, специфические экстремистские и террористические мотивы совершения правонарушений возникают в сфере пересечения экстремальности, делинквентности и радикальных идей, например, вражда и ненависть к некоторым социальным группам и общностям. Экстремистская направленность, выражающаяся в принятии личностью экстремистской идеологии и перестройке всей мотивационно-поведенческой сферы в соответствии с этой экстремистской идеологией, является основной характеристикой содержания экстремизма как психического склада личности. Важнейшую роль в структуре этой направленности играет экстремистская потребность изменения жизненной ситуации, неременной реализации сверхценной идеи социального реформаторства. Поскольку эмоциональные переживания являются неотъемлемой частью психики человека, экстремистская направленность личности должна быть рассмотрена в связи с порождаемыми ею и сопровождающими ее эмоциональными переживаниями, которые являются существенным элементом экстремизма как специфического психического склада личности. Механизм реализации экстремистской направленности связан с особыми эмоциональными состояниями и особыми поведенческими актами [78–81].

Склонность к экстремистскому поведению молодежи рассматривают Е.С. Майкова и Т.И. Бонкало (2013), выделяя следующие социально-психологические факторы, детерминирующие его формирование: макрофакторы (особенности социально-культурного развития), микрофакторы (особенности непосредственного социального окружения), индивидуально-психологические факторы (низкий уровень рефлексии, эмпатии, установки на эго-центризм) и

социально-психологические (низкий уровень самооценки, толерантности, локуса контроля) [95].

Как отмечает И.В. Погодин (2012), «лица, совершающие преступления экстремистской направленности, в основном молодые люди, с несформировавшимися взглядами, сторонники вульгарной идеологии, борющиеся за «чистоту» расы, проповедующие религиозную нетерпимость, стремящиеся к установлению примитивного миропорядка, основанного исключительно на насилии. Характерной чертой идеологов экстремизма является их пренебрежение жизнью как врагов, так и соратников» [119, с. 44; 128]. К.А. Абульханова (2002) подчеркивает, что в проблеме молодежного экстремизма необходимы исследования идентичности (самоидентичности) представителей молодежи, так как экстремизм означает их поиск оптимальных форм социального взаимодействия. Личность, используя категоризацию и идентификацию, выстраивает модели собственного жизненного пространства, осознает свою идентичность [4]. В.Ф. Богуславская (2010), рассматривая структуру коллективистской идентичности экстремистских организаций, отмечает, что в основе молодежного экстремизма лежит этноцентризм – совокупность групповых конфликтных представлений, эмоционально-чувственных состояний и идеология вражды между своей и другими группами, при чем позитивные характеристики своей группы резко подчеркиваются и преувеличиваются, а свойства других групп оцениваются по стандартам своей группы и при этом могут принижаться. Можно предположить, что структура коллективистской идентичности экстремистских организаций может обеспечивать психологическую основу для индивидуального поведения, где на личностном уровне происходит формирование групповой идентичности [19]. Исследователи проблемы молодежного экстремизма сходятся во мнении, что причина экстремизации молодежи кроется в особенностях самой молодежи – незавершенностью процессов экономической, политической и духовной социализации, мировоззренческой неустойчивостью, недостаточной социально-психологической

зрелостью, поверхностным восприятием противоречивости социального бытия, склонностью к максимализму и неумеренностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей [1, 27, 41, 60, 78, 86, 105, 116].

В индивидуально-психологических особенностях личности с экстремистской направленностью можно выделить основные критерии, на которые авторы опираются при изучении этой направленности: социальные (возраст, образование, профессия, роль в преступлении экстремистского содержания, социально-экономическая и политическая ситуация и т.д.), социально-психологические (идеология, морально-этические и нравственные ценностные ориентации, мировоззрение, идентичность, девиантность, маргинальность) и психологические (мотивационная и эмоциональная сфера, установки, сознание, агрессивность, психопатологические и патохарактерологические особенности, направленность личности и т.п.).

В психологической литературе предпринимаются попытки классифицировать и типологизировать характерные особенности экстремистской направленности личности. Рассматривая наиболее известные попытки поиска специфических черт «личности экстремиста/террориста», Ю.П. Зинченко, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова (2011) уделяют особое внимание классификации и объяснения поведения экстремиста/террориста с точки зрения психодинамического подхода, разработанного J. Horgan (2014) [173].

В рамках этого подхода выделяются следующие характеристики, свойственные экстремистам/террористам: 1. Маккиавеллизм. Желание манипулировать как своими жертвами, так и прессой, публикой, властью. Исследователи подчеркивают, что потенциальному террористу достаточно увидеть примеры террористической деятельности других – и его собственная агрессивность возрастает. 2. Нарциссизм. Терроризм часто рассматривается как специфическая форма нарциссического гнева в контексте нарциссической травмы. Нарциссический гнев выражается через стремление приобрести или удерживать власть посредством унижения других. Нарциссизм может

проявляться и через желание защищать одну социальную группу от других, будь то реальный или воспринимаемый враг. Следует отметить, что подобное желание представляет собой один из фундаментальных мотивов, который способен привлечь к террористическим группам большее количество людей. 3. Идеализм. Образованные молодые люди могут присоединиться к террористическим группировкам из-за своих искренних политических или религиозных убеждений. Люди, имеющие идеалистические взгляды, более склонны к разочарованию в реальности и, как следствие, к переживанию фрустрации [57, 173].

Попытку типологизировать социально-психологические характеристики осужденных, отбывающих наказания за преступления экстремистской направленности, осуществил П.Н. Казберов (2014–2016). В 2014 г. им было организовано сплошное исследование осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность на территории РФ. В качестве типологических критериев выступали особенности проявления эмоционального состояния, механизмы психологических защит, временная перспектива, самоотношение, самооценка, саморегуляция и самореализация осужденных данной категории, а также возраст, уровень образования, профессиональное самоопределение, мотив преступления, регион проживания. В результате П.Н. Казберовым был выделен портрет типичного осужденного за преступления экстремистской направленности, отметив его отличительные особенности среди осужденных за другие преступления. К социальным характеристикам относятся: средний возраст (33–35 лет), низкий уровень образования, отсутствие семейных ценностей, отсутствие профессии, аддиктивность, чаще мотивами преступления являются конфессиональные, национально-этнические, политические, экономические и исторические мотивы. К психологическим характеристикам были отнесены: социальная отчужденность, низкие способности к саморегуляции и самореализации, доминирование неконструктивных форм механизмов психологической защиты, косвенная агрессия, неадекватная и нестабильная

самооценка, неспособность конструирования сбалансированного временного континуума [67–70].

Исследуя проблему психологических особенностей экстремистов/террористов, Д.В. Ольшанский (2002) описывает личность экстремиста/террориста как «особый тип людей, у которых рациональные компоненты в поведении и характере почти отсутствуют, а эмоциональные преобладают до такой степени, что становятся аффективными» [115, с. 140].

С эмоциями связаны морально-нравственные проблемы («комплекс греховности»), иногда мучительные для террористов при достаточно высоком уровне образования и интеллектуального развития. Д.В. Ольшанский предлагает выделять три синдрома, которые являются попыткой классифицировать психологические особенности экстремистов/террористов: «Синдром Зомби» проявляется в постоянной естественной сверхбоеготовности, активной враждебности по отношению к реальному или виртуальному врагу, устремленности на сложные боевые действия. Это «синдром бойца». Такие люди постоянно живут в условиях войны, они всячески избегают ситуаций мира и покоя, блестяще владеют оружием. К основным психологическим характеристикам представителей данного типа относятся стремление к экстремальному жизнеосуществлению, сексуальной самореализации в экстремальных условиях, трудности адаптации к спокойной, социально приемлемой жизни, склонность к самоограничению, совестливость, альтруистичность, впечатлительность и ранимость.

«Синдром Рембо» выражается в невротической структуре личности, раздираемой конфликтом между стремлением к острым ощущениям и переживаниями тревоги, вины, стыда, отвращения за свое участие в них. Для подобных людей характерны осознание добровольно возложенной на себя «миссии» спасения мира, мысль о благородных альтруистических обязанностях, позволяющих реализовать агрессивные стремления. Это «синдром миссионера».

«Синдром камикадзе-шахэда» свойствен террористам-смертникам, уничтожающим себя вместе со своими жертвами в ходе террористического акта. К основным психологическим характеристикам таких людей относятся экстремальная готовность к самопожертвованию как признак гиперкомпенсации, искаженная самооценка, подсознательное признание собственной несостоятельности. Террорист-«камикадзе» счастлив возможности отдать свою жизнь и забрать на «тот свет» с собой как можно больше врагов. Для этого он должен как минимум преодолеть страх собственной смерти. Многочисленные свидетельства говорят, что террористы боятся не самой смерти, а связанных с нею обстоятельств: ранений, беспомощности, вероятности попадания в руки полиции, пыток, издевательств. Вот почему террористы скорее готовы к самоубийству, чем к самосохранению. Поскольку реально они присваивают себе право распоряжаться чужими жизнями (жизнями своих жертв), то право распоряжаться собственной жизнью подразумевается автоматически [115].

В зависимости от роли лиц, совершающих преступления экстремистского содержания в составе экстремистской группы, А.В. Ростокинский (2008) выделяет четыре вида личности экстремистской направленности: хулиганствующие «попутчики»; посредственные или второстепенные исполнители; непосредственные или «идейные» исполнители и координаторы, составляющие «ядро» или «актив» экстремистской организации; лидеры, организаторы и спонсоры, использующие экстремистов в собственных целях и обеспечивающие им прикрытие от преследования. Недостатком предложенной А.В. Ростокинским типологии является то, что она относится лишь к групповому экстремизму и не применима для индивидуального [122].

Подобные критерии использует и А.М. Сысоев (2008) в своей классификации участников экстремистских организаций. Он выделяет пять типов экстремистов: 1. Идеиный тип личности экстремиста пропагандирует радикальную идеологию и экстремистские методы претворения в жизнь соответствующих идей, обладает организаторскими способностями и навыками внушения. 2. Истинный тип личности

экстремиста – неуравновешенный, эмоционально возбудимый, с деформированной направленностью личности, с преобладающим негативным отношением к общественным ценностям. 3. Игровой тип личности экстремиста отличается невысоким уровнем интеллекта, отсутствием правосознания, неустойчивостью мотивов и нестабильностью эмоциональных состояний. 4. Зависимый тип личности экстремиста характеризуется низкими волевыми качествами, низкой самоорганизацией, преобладает установка «Я как все». 5. Случайный (ситуационный) тип личности экстремиста совершает преступление экстремистского содержания под влиянием сложившейся ситуации [139].

В зависимости от степени подверженности лиц, совершающих преступления, экстремистским воззрениям, Р.М. Узденов (2008) выделяет их типы: идейно-самостоятельный тип – личность, осознанно и целесообразно вступающая на путь экстремизма; «зависимый тип» (экстремист за компанию) – личность, чья социальная позиция формируется за счет активного внешнего воздействия микросферы, СМИ и других источников. В зависимости от мотивов деятельности данные типы делятся на подтипы: 1) экстремист-хулиган: преследует цель экстремистского характера при наличии хулиганских мотивов либо преследует цель хулиганского характера при наличии экстремистских мотивов; 2) корыстный экстремист: преследует цель экстремистского характера при наличии корыстных мотивов и наоборот; 3) обычный экстремист: имеет цель и мотивы экстремистского характера [144]. Д.В. Сочивко (2007) [42] предлагают говорить о том, что психологический портрет экстремиста един, но он может проступать с разной степенью выраженности. В этом случае можно выделять «типичного участника террористической деятельности», «ярко выраженного типа участника террористической деятельности» и «аморфного типа». При этом к первому типу принадлежит, по их мнению, три четверти экстремистов. Таким образом, получается, что наиболее массовым будет экстремист со стертыми, сглаженными отклонениями.

И. Сундиев (2008) выделяет две группы: наемники и творцы террора. Первая группа – профессиональные убийцы, спокойные, расчетливые, уравновешенные, лица с высоким уровнем самоконтроля. Совершенно иные характеристики у «творцов террора», которые преданы делу террора «всем сердцем» и в принципе могут быть ориентированы на суицидальный террор. С позиций психологии – это крайне неуравновешенные, психопатические личности. Это лица того склада, для которого характерны преобладание эмоций над разумом, непосредственных активных реакций на действительность над ее осмыслением, предвзятость оценок, низкий порог терпимости и отсутствие должного самоконтроля. Они достаточно легко сживаются с идеей насилия. Как подчеркивают исследователи, по своим психологическим особенностям данная группа террористов также должна быть близка к убийцам, но это не профессиональные киллеры [138].

Таким образом, современные попытки классификации личностных особенностей экстремистов основаны на рассмотрении большого спектра характеристик личности, часть из которых можно обнаружить практически в каждой девиации личности. Однако осуществленный анализ представленных в научной практике типологий личности экстремиста позволяет выделить ряд закономерностей (общепсихологических и социально-психологических). Наиболее характерными из них являются: направленность личности (ценности, мировоззрение, мотивы, стремления, установки), нарушение идентичности и эмоциональной сферы (без явных психических отклонений), а также роль в экстремистской организации и неуспешная профессиональная самореализация.

Выводы по первой главе

Современное понимание в психологии экстремистского в личности представлено противоречивыми взглядами на природу экстремизма, в основе которого лежат различные индивидуально-психологические и социальные характеристики, т.е. исследование феномена сводится к изучению спектра

эмпирически фиксируемых характеристик, процессов и событий. Но экстремизм как феномен имеет сложное психологическое содержание, которое не может быть сведено к отдельной функции или характеристики – это сложный, многоуровневый и многокомпонентный феномен, изучение которого наиболее перспективно в русле системно-антропологического подхода. Этот подход позволяет сформулировать представление об экстремизме и экстремистской направленности как о системе взаимосвязанных компонентов, свойств и отношений – среда, личность и ситуация.

Теоретический анализ феномена экстремизма как научной категории позволяет сделать вывод, что сущностью экстремизма является осознанная деятельность, направленная на приближение результата крайними средствами, отличающимися от установленных норм и правил. В генезисе экстремизма одно из важных мест занимает личность экстремиста. Сложное сочетание индивидуальных, личностных и социально-психологических свойств экстремиста позволяет говорить о существовании экстремистской направленности личности. Направленность представляет собой стержень личности, структурирующий все другие свойства и проявления, детерминирующий их содержание, систему отношений человека с миром. В данном контексте экстремистская направленность жизнедеятельности представляет собой антисоциальный способ самореализации личности, отличный от общепринятого. Таким образом, экстремистская направленность личности представляется как совокупность устойчивых мотивов, взглядов, убеждений, потребностей и устремлений экстремистского содержания, как некое интегративное свойство личности, обуславливающее экстремистское поведение человека и его самоосуществление в экстремистской деятельности.

В ходе анализа общепсихологических представлений на природу направленности личности выделены ее компоненты: ценностно-мотивационный, эмоционально-оценочный и когнитивный, на основе которых определены критерии экстремистской направленности для ее эмпирического изучения.

Глава 2 Организация и методы исследования структурных компонентов экстремистской направленности личности

Глава посвящена описанию организации и методического обеспечения исследования. В ней дается описание теоретических предпосылок разработки модели и программы эмпирического исследования, включающей обоснование логики, этапов исследования, содержание авторской анкеты, комплекс психодиагностический методик, направленный на изучение взаимосвязи компонентов экстремистской направленности личности (на выборке осужденных за экстремистскую деятельность и студенческой молодежи). Описаны характеристика выборки исследования и методы математической статистики, позволяющие обеспечить достоверность полученных психодиагностических данных.

2.1 Концепция и программа исследования

Теоретико-методологическими основаниями исследования являются положения системной антропологической психологии (В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, О.М. Краснорядцева, О.В. Лукьянов, И.О. Логинова) [72–75, 92, 94]; представления о личности и ее направленности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов, Л.И. Божович, А.Г. Асмолов, Д.И. Фельдштейн, В.А. Ядов) [13, 21, 90, 93, 118, 123, 126, 147]; исследования феномена экстремизма и его проявлений (Ю.П. Зинченко, Д.В. Ольшанский, В.А. Соснин, В.Н. Томалинцев, О.А. Корнилова и др.) [56, 78, 115, 135, 142].

Рассмотрение экстремизма как сложного, гетерогенного социально-психологического феномена Ю.П. Зинченко (2011) предлагает через системный подход, который позволяет сформулировать представление феномена как системы, выявить закономерности ее проявления в единстве его компонентов,

свойств и отношений. Отталкиваясь от его представлений о сложной природе экстремизма и его легитимного рассмотрения в качестве системного феномена, была предпринята попытка проанализировать проблему и исследовать ее в русле системной антропологической психологии. Выбор методологического направления исследования обусловлен следующим:

- в системной антропологической психологии человек понимается как открытая самоорганизующаяся система, которая «расширяется и усложняется за счет взаимодействия с внешним, делая его внутренним» (Клочко, 2005) [70, с. 103];

- категориальный аппарат системной антропологической психологии включает в себя понятия (самоопределение, самореализация, самоосуществление, жизненный путь и т.д.), которые позволяют приблизиться к осмыслению проблемы перехода «от того, чего он хочет, к чему он стремится (направленность личности), к тому, чего он может (способности)» (Рубинштейн, 2002) [123], от «возможного» к «императивному» (Леонтьев, 2011) [91], «пребывающему в потенции», которая при определенных условиях обретает направленность (Клочко, 2007; Логинова, 2010) [72, 92].

Понимание экстремистской направленности основано на представлении об общей направленности личности и конкретизировано согласно особенностям деятельности по самоосуществлению, на которое направлен человек, и представляет собой совокупность мотивов, взглядов, убеждений, потребностей и устремлений экстремистского содержания, ориентирующих человека на самореализацию в экстремистской деятельности. Основываясь на структурно-компонентном содержании направленности личности, были выделены критерии, позволяющие получить представление о содержательных особенностях экстремистской направленности человека. В качестве критериев были выделены: знания, представления и понимание феномена экстремизма и его причин (когнитивный компонент); стремления, желания, интересы в отношении экстремистской деятельности, нравственные ценности,

побуждающие к экстремистским действиям (ценностно-мотивационный компонент); отношение к «Другим» (к представителям различных национальностей, иного вероисповедания, мигрантам), отношение и оценка действий экстремистского содержания, рефлексия экстремистских действий (эмоционально-оценочный компонент).

Проблема исследования заключается в недостатке теоретических и эмпирических исследований направленности личности в контексте экстремизма, в то время как выявление ее особенностей, структурных компонентов и потенциальных проявлений является актуальной, поскольку открывает возможность более точной дифференциации экстремистской направленности личности и ее типологизации.

Целью исследования являются изучение экстремистской направленности как системного свойства личности и выявление особенности взаимосвязей ее структурных компонентов в реальных и потенциальных проявлениях.

Для достижения поставленной цели были выделены следующие задачи:

1. Провести теоретический анализ основных научных подходов к изучению феномена экстремизма в различных социогуманитарных науках (психологических, философских, социологических, юридических).

2. На основе теоретического анализа отечественных и зарубежных исследований феномена экстремизма и проблемы направленности личности определить понятие «экстремистская направленность личности», его структуру и содержание.

3. Изучить особенности взаимосвязей содержательных характеристик компонентов экстремистской направленности личности.

4. Выделить типы экстремистской направленности в контексте ее реальных и потенциальных проявлений.

5. Выявить через сравнительно-сопоставительный анализ структурных компонентов потенциальной и реализованной в криминальном поведении экстремистской направленности прогностические возможности ее формирования

для разработки программ профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде.

Этапы эмпирического исследования. На первом этапе проведен анализ и обобщены теоретические исследования отечественных и зарубежных ученых по изучаемой проблеме, были определены проблема, объект, предмет, цели и задачи исследования, сформулированы гипотезы исследования, выбраны методы исследования, разработана программа эмпирического исследования. На втором этапе были проведены анкетирование и психодиагностическое исследование респондентов на двух выборках (осужденные за экстремизм и студенческая молодежь), сформирована электронная база респондентов. На третьем этапе был проведен количественный и качественный анализ результатов исследования с применением методов математической статистики, обобщены и интерпретированы результаты исследования, сформулированы выводы исследования.

В программе исследования учитывались положения об актуальности изучения содержания экстремистской направленности личности, о роли ее когнитивных, ценностно-мотивационных и эмоционально-оценочных компонентов, (о взаимной, прямой и обратной связи между ними); о переоценке ценностей и трансформации жизненной позиции личности в условиях отбывания наказания; об актуальности и особой значимости для молодежи в силу возрастных психологических особенностей проблемы самореализации и поиска себя; о динамичности моментов потенциальности (вероятности) экстремистских побуждений. Относительная корректность сравнительного исследования респондентов представленных групп, анализ различий которых позволил выявить условные паттерны потенциального проявления экстремистской направленности личности, учитывалась при интерпретации полученных данных.

Логика эмпирического исследования.

Основываясь на понимании экстремистской направленности как многоуровневого, многокомпонентного, системного свойства личности был

проведен многомерный анализ данных, включающий изучение особенности взаимосвязей структурных компонентов экстремистской направленности личности и ее потенциальных проявлений.

В качестве групп изучения были выбраны осужденные за экстремистскую деятельность (модельная группа исследования) с целью изучения особенностей взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности, реализованной в криминальном поведении (факт участия их в экстремистской деятельности установлен в результате следственных мероприятий) и студенческая молодежь, не имеющая опыта участия в экстремистской деятельности, с целью выявления потенциальных проявлений экстремистской направленности личности.

Вначале был проведен анализ эмпирических данных в выборке осужденных за экстремизм. Анализ содержания их ответов на вопросы авторской анкеты, разработанной на основе критериев экстремистской направленности, позволил выделить типы экстремистской направленности личности осужденных. Результаты психодиагностики с помощью многомерного статистического анализа позволили получить характеристики особенностей взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности.

Результаты психодиагностического исследования осужденных за экстремизм выступили в качестве типологической модели вариантов взаимосвязей структурных компонентов экстремистской направленности личности. Эта модель была применена для изучения потенциальных проявлений экстремистской направленности студенческой молодежи. Затем проводился сравнительный анализ типов реальных и потенциальных проявлений экстремистской направленности личности с целью выделения ее возможных прогностических элементов.

2.2 Выборка исследования

В исследовании приняли участие 284 человека, которые составили две группы респондентов: лица, осужденные за экстремизм (52 человека), и студенческая молодежь (232 человека). Выбор исследовательских групп был обусловлен предметом и целью исследования.

1. Первую группу исследования составили осужденные за преступления экстремистского/террористического содержания и преступления, сопутствующие им (далее по тексту осужденные за экстремизм). Так как изучение личности с экстремистской направленностью в процессе ее участия в экстремистской деятельности является затруднительной процедурой, в исследование были включены респонденты, чье участие в экстремистской деятельности было установлено следственными органами. На момент исследования осужденные за экстремизм отбывали наказание за преступления экстремистского содержания в пенитенциарном учреждении УФСИН России по Томской области по следующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: 69, 105, 126, 205, 206, 209, 210, 222, 278, 280, 282 (публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности, организация экстремистского сообщества, организация деятельности экстремистской организации, захват заложника, создание вооруженной группы и т.п.). В группу осужденных за экстремизм вошли 52 мужчины в возрасте от 25 до 63 лет, средний возраст респондентов $37 \pm 8,65$ лет (рисунок 1).

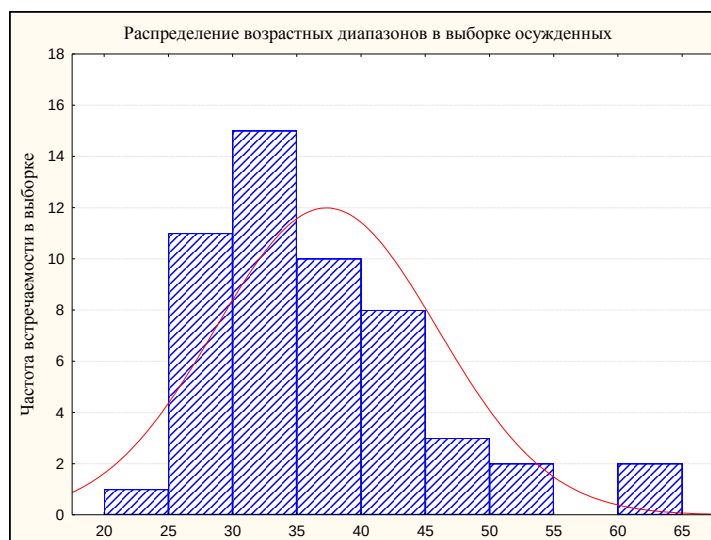

Рисунок 1 – Возрастной диапазон в выборке осужденных

Срок исполнения наказаний за совершенные преступления составил от 7 до 25 лет, средний срок $13,85 \pm 4,41$ лет. Первую судимость по указанным статьям имели 88% респондентов (46 человек), 12% (6) ранее были судимы по статьям, не связанным с экстремистской деятельностью (кража, хранение оружия, хулиганство, нанесение вреда здоровью). Исследование проводилось спустя полгода после прибытия осужденного в пенитенциарное учреждение для снятия эффекта дезадаптации, свойственного для каждого вновь прибывшего. Выборка формировалась на основании исследования официальных документов и следственных материалов – приговора и биографии, что позволило составить первичное представление о социально-демографических, уголовно-правовых и психологических особенностях осужденного, его семейном положении и условиях трудовой деятельности. Респонденты данной группы исследования были отнесены к группе с экстремистской направленностью, реализованной в криминальном поведении. Выборка осужденных за экстремизм выступала в качестве модельной группы исследования.

2. Во вторую группу вошли студенты высших учебных заведений трех городов – Томска (ТГУ, ТУСУР), Екатеринбурга (УГМУ) и Санкт-Петербурга (СПбГУ), обучающиеся на юридическом, психологическом, экономическом, фармацевтическом, электротехническом, радиоконструкторском факультетах.

Они не имели опыта участия в экстремистской деятельности, были отнесены к группе с потенциальной экстремистской направленностью. В эту группу вошли 232 студента 1–5 курсов, средний возраст $20,56 \pm 2,3$ лет (рисунок 2), из них 89 человек мужского пола и 143 – женского.

Рисунок 2 – Возрастной диапазон в выборке студентов

2.3 Методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось в бланковом режиме. В выборке осужденных за экстремизм тестирование проходило в индивидуальной форме, в выборке студентов – в форме очного анонимного группового тестирования. У респондентов предварительно спрашивали устное согласие принять участие в тестировании, все участники были проинформированы о том, что они могут завершить тестирование в любой момент, их просили сообщать о любом дискомфорте во время тестирования. Участникам исследования пояснялась процедура тестирования, кратко объяснялась цель исследования, выдавался пакет психодиагностических методик. Инструкции к тестам предъявлялись в устной и письменной форме. Время выполнения тестовых методик не ограничивалось.

Выбор пакета психодиагностического инструментария определялся целью, объектом и предметом исследования и позволил изучить личность (насколько того требует проблема исследования) во взаимосвязи с ее экстремистской направленностью. Был разработан комплекс методик с целью изучения особенности содержания и взаимосвязей структурных компонентов экстремистской направленности в реальных и потенциальных ее проявлениях. Всего в исследовании было использовано шесть опросников, включая анкету:

1. Авторская анкета была разработана согласно выделенным критериям, позволяющим изучить содержание структурных компонентов экстремистской направленности (когнитивного, ценностно-мотивационного, эмоционально-оценочного). Для этой цели в анкете были выделены три блока вопросов, которые соответствовали компонентам экстремистской направленности личности. Анкета состояла из двух вариантов, которые были адаптированы для исследуемых выборок (осужденных за экстремизм и студентов). Анкета (А1), разработанная для осужденных за экстремизм, состояла из 12 вопросов, направленных на изучение компонентов экстремистской направленности личности через: знания, представления и понимание феномена «экстремизм» и его причин (вопросы 1, 2); актуальные стремления, желания, интересы в отношении экстремистской деятельности, так и ценности и мотивы, побудившие к экстремистским действиям (вопросы 3, 4 и 11); отношение к «Другим» (представителям различных национальностей, иного вероисповедания и мигрантам), а также оценку собственных действий экстремистского содержания, осознание вины, рефлекссию экстремистских действий (вопросы 6–10 и 12) (Приложение А).

Анкета (А2), разработанная для студенческой молодежи, состояла из 11 вопросов, направленных на изучение компонентов потенциальных проявлений экстремистской направленности личности (потенциальной экстремистской направленности личности) через: знания, представления и понимание феномена «экстремизм» и его причин (вопросы 1, 2), потенциальные стремления, желания, интересы в отношении экстремистской деятельности (вопросы 4, 5), отношение к

«Другим» (представителям различных национальностей, иного вероисповедания и мигрантам) (вопросы 7, 9–11) (Приложение Б). В анкетах были также дополнительные вопросы, отражающие публичность, опыт столкновения с экстремизмом в повседневной жизни и интерес респондентов к событиям экстремистского характера. Анализ компонентов экстремистской направленности личности (когнитивного, ценностно-мотивационного, эмоционально-оценочного) позволит изучить ценностно-смысловое пространство личности в аспекте отношения к экстремизму.

2. Для раскрытия эмоционально-оценочного компонента направленности применялся сокращенный Миннесотский многоаспектный личностный опросник («Мини-мульт») в адаптации В.П. Зайцева (2004) [52], который основан на сопоставлении контрастных свойств, образующих профиль личности. Опросник ориентирован на выявление наиболее распространенных ситуативных или застойных личностных особенностей, обусловленных условиями жизнедеятельности по спектру таких характеристик личности, как фон настроения, тип реагирования на стресс, защитные механизмы, адаптированность, стиль межличностного поведения, черты характера, самооценка и пр. В опроснике особое внимание уделено диагностике эмоциональной сферы личности (5 из 8 базовых шкал характеризуют эмоциональное состояние личности), что определило включение методики в диагностический комплекс исследования. Опросник содержит 71 вопрос, состоит из 11 шкал, 3 из которых оценочные, измеряющие искренность испытуемого, степень достоверности результатов тестирования и величину коррекций, вносимых чрезмерной осторожностью испытуемого. Остальные 8 шкал являются базовыми и оценивают свойства личности. Краткая характеристика шкал методики: 1. Шкала L (ложь) оценивает искренность испытуемого. 2. Шкала F (достоверность) выявляет недостоверные ответы. 3. Шкала К (коррекция) позволяет «сгладить» искажения, вносимые чрезмерной осторожностью и контролем испытуемого во время тестирования. 4. Нs (ипохондрия, в норме педантичность–контроль) измеряет «близость»

испытуемого к астено-невротическому типу. 5. Шкала D (депрессия, в норме пессимистичность) определяет степень субъективной депрессии, моральный дискомфорт, тенденцию к волнениям, депрессивную реакцию на стресс. 6. Шкала Ну (истерия, в норме эмоциональная лабильность) определяет склонность к невротическим защитным реакциям конверсионного типа, степень выраженности истерических черт, характеризующихся демонстративностью поведения, повышенной внушаемостью, слабостью сознательной регуляции поведения, несоответствием между малой глубиной переживаний и яркостью их внешних выражений. 7. Шкала Pd (психопатия, в норме импульсивность) измеряет сходство испытуемого с социопатическим вариантом развития личности. 8. Шкала Pa (паранояльность, в норме ригидность) измеряет степень «близости» испытуемого к паранояльному типу личности, склонность к ригидной, тугоподвижной системе в подходе к решению различных проблем с догматическим упорством. 9. Шкала Pt (психастения, в норме тревожность) диагностирует лиц с тревожно-мнительным типом характера, которым свойственны тревожность, боязливость, нерешительность, постоянные сомнения в сделанном и сказанном. 10. Шкала Sc (шизоидность, в норме индивидуалистичность) измеряет выраженность шизоидных личностных особенностей, индивидуального и субъективного в поведении, высказываниях и социальной адаптации. 11. Шкала Ma (гипомания, в норме оптимизм и активность) предназначена для измерения степени близости личности к гипертимному типу личности. В исследовании использовалось нормативное название шкал.

3. Для раскрытия мотивационного компонента направленности личности применялся тест «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана (1990) [51, с. 23-43.]. Методика представляет собой опросный сбор диагностических симптомов по заданным мотивационным свойствам и состоит из 14 групп утверждений. Каждая из них разделяется на 8 альтернативных пунктов. Испытуемый должен выразить свое отношение к каждому из них, оценив по

пятибалльной системе (всего испытуемый дает 112 ответов). Все утверждения группируются по следующим шкалам: 1. Мотивация поддержания жизнеобеспечения (П) отражает заботу субъекта о насущных условиях существования, стремление обеспечить себя и своих близких материальными ресурсами жизни. Из мотивов-интересов непосредственно включает в себя телесные нужды, пищу, секс, приобретение. 2. Мотивы комфорта (К) и безопасности являются, по сути, продолжением мотивации поддержания жизнеобеспечения. Это та же забота о средствах существования, но в более совершенных, удобных, надежных проявлениях, приносящих больше удовольствий. Включает в себя комфорт, порядок, удовольствие, развлечение, приобретение, защита, безопасность. 3. Статусно-престижная мотивация (С) представляет собой мотивы поддержания жизнедеятельности и комфорта в социальной сфере. В ней отражается стремление субъекта получать внимание окружающих, престиж, положение в обществе, влияние и власть. Включает такие мотивы-интересы, как внимание, уважение, честолюбие, доминирование. 4. Мотивация общения (О), присоединения к группе естественна и понятна всем. В то же время может выражаться как в положительных устремлениях – аффилиация, опека, внимание, так и в социально отрицательных – унижение, угождение, подчинение, агрессия. 5. Мотивация общей активности (Д) отражает энергичность, стремление субъекта приложить свою энергию и умения в той или иной сфере деятельности. Включает в себя такие мотивы-интересы, как собственно активность, выносливость, упорство, возможно, противодействие. 6. Мотивация творческой активности (ДР) отражает стремление субъекта использовать свою энергию и возможности в той сфере, где можно получить творческие результаты. Включает в себя созидание, достижение, понимание, познание. 7. Мотивация принести общественную пользу (ОД) является высшим стремлением человека, особенно если при этом используются и достигаются творческие результаты. Простой аргумент в пользу этого: если бы эта мотивация доминировала у всех или у большинства людей, то общество уверенно

направлялось бы по пути к идеальному, подобно описанному А. Маслоу «эвпсихическому» сообществу. Мотивационные шкалы, отражающие собой основные мотивационные направленности личности, представлены в континууме от потребительного, поддерживающего (группа мотивов П–К–С) к производительному, развивающему – в материальной, духовной и социальной сферах (группа мотивов Д–ДР–ОД), или, другими словами, от потребностей «дефицита» к потребностям «роста» (по Маслоу), от «обладания» к «бытию» (по Фромму). Мотив направленности на общение (О) как самостоятельный мотивационный фактор может служить как целям сугубо потребительного характера (потребительное, корыстное общение), так и целям развития и социальной интеграции. В данном исследовании были использованы только мотивационные шкалы опросника.

4. Для раскрытия ценностного компонента направленности личности использовалась методика «Культурно-ценностный дифференциал» (КЦД) Г.У. Солдатовой, И.М. Кузнецова и С.В. Рыжовой (1998) [133], направленная на изучение групповых ценностей, которые являются маркерами национального (этнического) самосознания и элементами самопонимания личности в контексте собственной этнической группы. Включение данного теста в методический инструментарий было обусловлено ростом межэтнической напряженности, которая является фактором формирования современных конфликтов на национальной и этнической почве (ксенофобия, мигрантофобия, национальный экстремизм, шовинизм и т.п.). Методика состоит из 12 пар антонимичных существительных и направлена на измерение групповых ценностных ориентаций в четырех сферах жизненной активности: ориентации на группу, ориентации на власть, ориентации друг на друга и ориентации на изменения. Методика содержит четыре шкалы: 1. Шкала «Ориентация на группу – ориентация на себя» рассматривается с позиций внутригрупповой поддержки (взаимовыручка – разобщенность), подчиненности группе (подчинение – самостоятельность) и традиционности (верность традициям – разрушение традиций). 2. Шкала

«Ориентация на изменения» рассматривается в диапазоне «открытость переменам – сопротивление переменам» по параметрам открытости – закрытости культуры (открытость – замкнутость), ориентации на перспективу (устремленность в будущее – устремленность в прошлое), степени риска (склонность к риску – осторожность). 3. Шкала «Ориентация друг на друга» рассматривается в диапазоне «направленность на взаимодействие – отвержение взаимодействия» по параметрам толерантности – интолерантности (миролюбие – агрессивность), эмоциональности (сердечность – холодность) и мотивации достижения (уступчивость – соперничество). 4. Шкала «Ориентация на власть» рассматривается в диапазоне «сильный социальный контроль – слабый социальный контроль» по параметрам подчинения запретительным и регулирующим стандартам общества (дисциплинированность – своеволие, законопослушность – анархия) и значимости авторитета (уважение власти – недоверие к власти). Методика представляет собой диаметрально противоположные пары существительных (диапазоны), каждое из которых оценивается по четырехбалльной шкале, затем подсчитывается суммарный балл каждого полярного континуума (диапазона) в пределах одной шкалы и проводится оценка групповых ценностей по восьми подшкалам (диапазонам).

5. Для определения параметров самоосуществления человека применялась шкала «Самодетерминации личности» Б. Шелдона (Sheldon, 1995) в адаптации Е.Н. Осина (2011) [91, 177, 180], направленная на изучение субъективного переживания человеком самостоятельности хода собственной жизни, принимаемых и воплощаемых решений с опорой на собственные ценности, а не на требования окружающих, ситуации или среды. Опросник представляет собой адаптацию, по результатам апробации на русскоязычных выборках, шкалы самодетерминации К. Шелдона. Шкала самодетерминации измеряет субъективное определение человеком того, насколько он сам определяет ход собственной жизни и насколько его жизнь соответствует его желаниям. Опросник включает в себя две шкалы: 1. Шкала автономии измеряет степень воспринимаемого выбора,

или степень уверенности человека в том, что у него есть в жизни возможность выбора и что он сам делает этот выбор, определяя ход собственной жизни. Люди с высокими баллами (от 39 до 45) ощущают жизнь как подвластную их собственному контролю, ощущают, что они сами способны выбирать направление собственной жизни и принимать решения, определяющие ее ход; таким образом, они принимают на себя ответственность за ход своей жизни. Люди с низкими баллами (от 9 до 26), напротив, ощущают, что их жизнь определяется не столько их собственными желаниями и усилиями, сколько внешними факторами; они переживают отсутствие выбора. Это переживание может отражать действительную ситуацию (когда обстоятельства вынуждают человека действовать так, как он не хотел бы), а может быть скрытой формой снятия с себя ответственности за собственную жизнь. Средние баллы (от 27 до 38) свидетельствуют о среднем уровне переживания выбора.

2. Шкала самовыражения измеряет, в какой мере человек переживает собственную жизнь как соответствующую его собственным желаниям, потребностям и ценностям. Высокие баллы (от 45 до 50) свидетельствуют о переживании самовыражения, когда человек чувствует, что его жизнь действительно соответствует ему. Это соответствие связано с переживанием самоидентичности, когда человек принимает свои чувства и действия как собственные, не стремясь дистанцироваться от них. Низкие баллы (от 10 до 30) свидетельствуют о неудовлетворенности жизнью, ощущении, что жизнь проживается не так, как хотелось бы. Это связано с переживанием самоотчуждения, когда человек стремится дистанцироваться от собственных чувств и поступков. Средние баллы (от 31 до 44) свидетельствуют об умеренном переживании самовыражения.

6. Для изучения акцентуированных свойств характера, которые могут стать причиной нарушения адаптации, использовался «Характерологический опросник» Э.И. Мещеряковой (1992) [99]. Опросник предназначен для диагностики черт и акцентуаций характера, сконструированного на основе аналитико-эмпирического подхода. Опросник включает 11 типов-шкал (10 основных и одну проверочную):

1) демонстративный (Д) – повышенная способность к вытеснению, подвижность, легкость в установлении контактов, эгоцентризм, потребность во внимании; 2) циклоидный (Ц) – периодические смены настроения (фазы настроений), зависимость от внешних событий; 3) лабильный (Л) – крайне изменчивое настроение, резко колеблющееся от незначительных поводов; 4) гипертимный (Г) – высокая активность, подвижность, общительность, болтливость, выраженность жестов и мимики; 5) сензитивный (С) – робость, стеснительность, обидчивость, чрезмерная чувствительность, впечатлительность, чувство собственной неполноценности; 6) астено-невротический (А) – повышенная утомляемость при общении, раздражительность, склонность к тревожным опасениям за свою судьбу; 7) эпилептоидный (Э) – склонность к повторяющимся периодам тоскливо-злобного настроения с накапливающимся раздражением и поиском объекта, на котором можно сорвать злость; 8) психастенический (П) – нерешительность, склонность к бесконечным рассуждениям, любовь к самоанализу, мнительность; 9) шизоидный (Ш) – замкнутость, отгороженность от окружающего, неспособность или нежелание устанавливать контакты, снижение потребности в общении; 10) неустойчивый (Н) – постоянная тяга к развлечениям, получению удовольствий, праздность, безделье, безволие в учебе, труде и выполнении своих обязанностей, слабость и трусливость; 11) коррекции (К) – чем меньше показатель, тем достовернее результаты. Опросник применялся только на выборке осужденных за экстремизм.

Методы математической статистики. Выбор модели анализа данных и статистических методов обусловлен логикой и задачами эмпирического исследования. Для обработки и анализа данных использовались следующие методы статистики: анализ таблиц сопряженности, расчет описательных статистик, многомерный анализ соответствий, факторный, кластерный, дисперсионный анализ [109]. Математическая обработка проводилась в программе Statistica 6.0 и 8.0.

Глава 3 Результаты эмпирического исследования структурных компонентов экстремистской направленности личности

Глава посвящена анализу, систематизации, обобщению и интерпретации эмпирических результатов диссертационного исследования экстремистской направленности личности (потенциальной и реализованной в криминальном поведении).

3.1 Особенности взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности, реализованной в криминальном поведении

На первом этапе исследования стояла задача изучения особенностей экстремистской направленности осужденных за экстремистскую деятельность. С этой целью были проанализированы ответы на анкету, включающую вопросы, позволяющие раскрыть компоненты экстремистской направленности личности (выделенные в первой главе): 1. Когнитивный компонент, отражающий знания, представления и понимание феномена «экстремизм» и его причин. 2. Ценностно-мотивационный компонент, отражающий стремления, желания, интересы в отношении экстремистской деятельности, нравственные ценности, побуждающие к экстремистским действиям. 3. Эмоционально-оценочный, отражающий содержательную сторону переживаний, в которых проявляется отношение к «Другим» (к представителям различных национальностей, вероисповедания и мигрантам). Для решения этой комплексной задачи был проведен частотный анализ ответов на вопросы анкеты.

На первом этапе были проанализированы ответы на вопросы когнитивного блока анкеты. Когнитивный блок анкеты содержит вопросы о понимании

феномена экстремизма и его причин. В таблице 1 представлен частотный анализ ответов на когнитивный блок анкеты.

Таблица 1 – Частота встречаемости ответов на вопросы когнитивного блока анкеты

Ответы на вопросы анкеты	Количество ответов	% от общего числа ответов
Знание об экстремизме		
Знаю	48	92,31
Не знаю	4	7,69
Всего	52	100
Причины экстремизма		
Целенаправленное разжигание агрессии	38	73,08
Деформация системы ценностей	7	13,46
Недостаточное правовое просвещение граждан	2	3,85
Другое	5	9,61
Всего	52	100

Из таблицы 1 видно, что большинство осужденных за экстремизм (92,31%) понимают, что такое экстремизм. Причинами экстремизма ответившие назвали целенаправленное разжигание агрессии (73,08%).

Ценностно-мотивационный блок анкеты включает вопросы об оправдании экстремистских действий (смыслы экстремистских действий), о возможных причинах членства в экстремистских организациях. В таблице 2 представлен частотный анализ ответов на вопросы ценностно-мотивационного блока анкеты.

Данные таблицы 2 показывают, что большинство ответивших (44,23%) считают, что нет таких условий и обстоятельств, которые могли бы объяснить или оправдать действия экстремистского характера. Осужденные за экстремизм (26,92%), которые вкладывали какие-либо смыслы в действия экстремистов, рассматривая их с позиции пользы окружающим, приписывали им романтические мотивы экстремистской деятельности: «Донесение идеи до народа, государства», «Защита определенной группы людей». Ответы осужденных на вопрос о возможных мотивах членства в экстремистских организациях распределились на

два варианта: никакие причины не могут мотивировать их стать членами экстремистских группировок (61,5%) и идеологические мотивы «Я согласен с позицией этой группы» (38,5%). Большинство осужденных за экстремизм (40,38%) в ответах на вопрос о мотивах совершенного ими преступлений экстремистского содержания выбрали вариант «Другое», не раскрывая ответа.

Таблица 2 – Частота встречаемости ответов на вопросы ценностно-мотивационного блока анкеты

Ответы на вопросы анкеты	Количество ответов	% от общего числа ответов
Оправдание экстремистских действий		
Никогда не будут оправданы	23	44,23
Донесение идеи до народа, государства	14	26,92
Защита определенной группы людей	11	21,15
Другое	4	7,7
Всего	52	100
Возможные мотивы участия в экстремистской деятельности (актуальные)		
Нет их	32	61,5
Согласен с позицией экстремистской группы	20	38,5
Всего	52	100
Мотив преступления экстремистского содержания		
Личные причины (неприязнь к определенным лицам)	20	38,46
Религиозные причины	8	15,39
Желание привлечь внимание общественности	3	5,77
Другое	21	40,38
Всего	52	100

Из ответивших 38,46% совершили преступление по мотивам неприязни к определенным лицам, 15,39% совершили преступление по религиозным мотивам и 5,77% указали мотив преступления «Желание привлечь внимание общественности». Тот факт, что осужденные за экстремизм допускают возможные мотивы участия в экстремистской деятельности (в их случае

продолжение экстремистской деятельности), может свидетельствовать о том, что в отношении экстремизма у них существуют устойчивые мотивы, которые не трансформировались даже после осуждения, и они все еще допускают вероятность участия в экстремистской деятельности (т.е. допускают вероятность продолжения участия в ней).

Эмоционально-оценочный компонент экстремистской направленности личности отражает содержательную сторону переживаний, в которых проявляется отношение к Другим (по национальности, религии). Основываясь на том, что наиболее распространенными видами экстремизма являются национальный и религиозный, вопросы данного блока анкеты отражали содержание установок в отношении представителей других национальностей, иных религий, в отношении к процессу миграции, а также оценку собственных действий экстремистского содержания, осознание вины, рефлекссию экстремистских действий. В таблице 3 представлен частотный анализ ответов на вопросы эмоционально-оценочного блока анкеты.

Таблица 3 – Частота встречаемости ответов на вопросы эмоционально-оценочного блока анкеты

Ответы на вопросы анкеты	Количество ответов	% от общего числа ответов
Отношение к другим национальностям (расизм, шовинизм)		
Не имеется неприязни	25	48,08
Неприязнь к отдельным национальностям	12	23,08
Испытываю неприязнь	10	19,23
Другое	5	9,61
Всего	52	100
Отношение к лозунгу «Россия для русских» (национализм)		
Россия – многонациональная страна	33	63,46
Каждый народ должен жить на своей территории	7	13,46
Не знаю	12	23,08

Продолжение таблицы 3

Всего	52	100
Влияние религии на взаимоотношения		
Религия не влияет на взаимоотношения людей	30	57,69
Некоторые религии несовместимы	15	28,85
Затрудняюсь ответить	7	13,46
Всего	52	100,00
Отношение к миграции		
Отрицательно	16	30,77
Положительно	6	11,54
Благоприятно влияет на демографию и экономику	11	21,15
Безразлично	8	15,39
Затрудняюсь ответить	10	19,23
Другое	1	1,92
Всего	52	100
Осознание ответственности за совершенное преступление (вина за преступление)		
Виноват я сам	28	53,85
Виновны третьи лица (провокаторы)	15	28,85
Виновато государство	5	9,61
Виновны алкоголь или наркотики	1	1,92
Другое	3	5,77
Всего	52	100
Рефлексия преступления		
Жертва обстоятельств	34	65,38
Борец за идею	8	15,39
Другое	10	19,23
Всего	52	100

Из таблицы 3 видно, что большинство осужденных за экстремизм (48,08%) не испытывают неприязни в отношении представителей других национальностей, не имеют негативных установок в процессе взаимодействия с ними. Среди ответивших неприязнь испытывают 42,31% осужденных за экстремизм, при этом

независимо от национальности испытывают 19,23% ответивших, по отношению к отдельным национальностям – 23,08%. В ответах на вопрос о согласии с лозунгом «Россия для русских» 63,46% считают, что «Россия – многонациональная страна»; 13,46% считают, что «Каждый народ должен жить на своей территории»; 23,08% ушли от ответа, выбрав вариант «Не знаю». В ответах на вопрос «Могут ли представители разных религий сосуществовать мирно?» 57,69% осужденных за экстремизм ответили отрицательно; 28,85% респондентов считают, что религия влияет на взаимоотношения людей; 13,46% затруднялись дать ответ на вопрос. В отношении к росту миграции на территории России ответы осужденных за экстремизм распределились следующим образом: 30,77% относятся отрицательно; 11,54% – положительно; 21,15% отстранились от личного отношения к процессу, заменив его объяснением благоприятных последствий миграции для общества и страны; безразличное отношение к миграции свойственно для 15,39% опрошенных, не смогли дать однозначного ответа 19,23%.

Вопросы «Кем вы себя считаете после Вашего осуждения?» и «Как Вы считаете, кто виноват в Вашем преступлении?» отражают некую рефлекссию собственного поведения осужденных за экстремизм, осознание совершенного преступления. Большинство осужденных за экстремизм (53,85%) считают себя виноватыми в совершении преступления, при этом большинство (65,38%) из них также считают себя жертвой обстоятельств. Перекалывать вину за преступление характерно для 40,38% ответивших, указывая в качестве «виновных» третьи лица (провокаторов), государство и психоактивные вещества (алкоголь или наркотики). 15,39% осужденных за экстремизм считают себя борцами за идею, 19,23% выбрали ответ «Другое», не раскрывая его.

С целью изучения структуры таблиц сопряженности ответов на вопросы анкеты и определения скрытых факторов, объясняющих взаимосвязи между выбором тех или иных вариантов ответов, проводился многомерный анализ соответствий (Multiple correspondence analysis – MCA). Анализ соответствия аналогичен факторному анализу, его отличие в том, что исследуются таблицы

сопряженности категориальных данных, взвешенные с применением критерия Пирсона хи-квадрат для определения связи между ними. В результате сопряженности нескольких признаков (ответов на вопросы анкеты) были получены четыре группы ответов с меньшим расстоянием между признаками, представленные на рисунке 3.

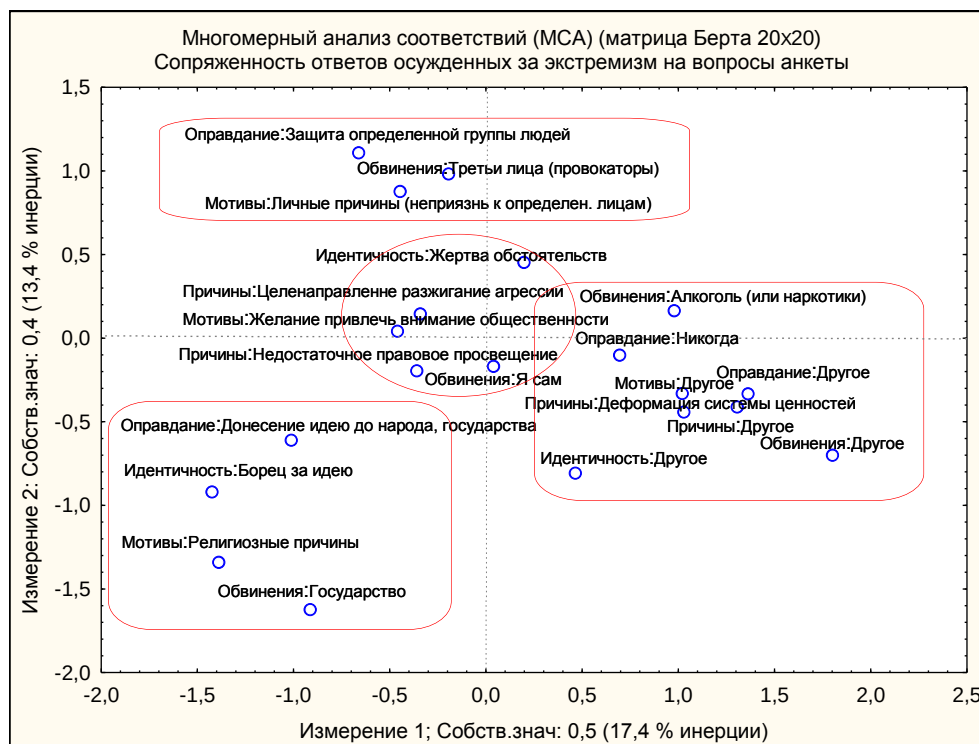

Рисунок 3 – Многомерный анализ ответов осужденных за экстремизм на вопросы анкеты

Результаты многомерного анализа соответствий ответов осужденных за экстремизм на вопросы анкеты, отраженные на рисунке 3, позволили выделить типы экстремистской направленности, которые получили условное название согласно их содержанию:

1. Первая группа характеризуется объединением следующих вариантов ответов: «Оправдание экстремистских действий – защита определенной группы людей», «Кто виновен в преступлении – третьи лица», «Мотивы преступления – неприязнь к отдельным лицам». Данная группа ответов была названа «Защитник».

2. Вторая группа ответов объединила такие варианты: «Оправдание экстремистских действий – донесение идеи до народа, государства», «Кто виновен в преступлении – государство», «Мотивы преступления – религиозные», «Кем вы себя считаете после Вашего осуждения – борец за идею». Данная группа ответов была названа «Борец».

3. Третья группа характеризуется сопряженностью следующих ответов на вопросы: «Причины экстремизма – деформация системы ценностей/другое», «Оправдание экстремистских действий – никогда/другое», «Мотивы преступления – другое», «Кто виновен в преступлении – алкоголь/наркотики/другое», «Кем вы себя считаете после Вашего осуждения – другое». Преобладание варианта ответа «Другое» на вопросы анкеты без раскрытия содержания было проинтерпретировано как неопределенности в отношении к экстремистской деятельности. Данная группа ответов получила название «Ищущий».

4. Четвертая группа ответов объединила следующие варианты: «Причины экстремизма – целенаправленное разжигание агрессии/недостаточное правовое просвещение граждан», «Мотивы преступления – желание привлечь внимание общественности», «Кто виновен в преступлении – я сам», «Кем вы себя считаете после Вашего осуждения – жертвой обстоятельств». Данная группа ответов получила название «Жертва».

Таким образом, выделены четыре типа экстремистской направленности – «Защитник», «Борец», «Ищущий» и «Жертва», которые были обозначены как типы экстремистской направленности, реализованной в криминальном поведении.

Анализ соответствий ответов на вопросы анкеты не показывает, как именно в изучаемой выборке разбиваются по группам испытуемые и кто именно в какие группы входит. Для того чтобы выявить типологию наблюдений, использовался группирующий кластерный анализ по методу Уорда (Ward's method) (Приложение В).

В результате кластерного анализа по ответам на вопросы анкеты, выборка разделилась на два кластера. В первый кластер вошли 30 осужденных за

экстремизм, во второй – 22. Для того чтобы оценить вклад каждой переменной в кластер проводилась сопряженность признака принадлежности к кластерам с ответами на вопросы анкеты (Приложение Г).

Сопряженность ответов на вопросы анкеты позволила установить, что Кластер 1 включил осужденных за экстремизм, которым больше свойственны типы экстремистской направленности «Жертва» и «Ищущий», а в Кластер 2 вошли респонденты, которым свойственны типы «Борец» и «Защитник». Сопряженность ответов позволила выявить дополнительные различия между типами экстремистской направленности, которые не были обнаружены с помощью многомерного анализа соответствий. Для типов экстремистской направленности «Борец» и «Защитник» больше свойственно считать, что религия влияет на взаимоотношения людей ($\chi^2=17,1$; $p<0,0001$), и принимать участие в политических митингах ($\chi^2= 44,3$; $p<0,0001$). То есть для них свойственны публичное выражение своего недовольства и интолерантные установки на религиозной основе.

Следующей задачей исследования являлось определение взаимосвязи между выделенными типами экстремистской направленности и ролью в преступлении – организатор, соучастник, исполнитель экстремистской деятельности (роль в преступлении установлена по материалам следствия). С этой целью был проведен кластерный анализ с использованием метода Уорда (Ward's method) и метрики Сити-Блок (City-block Manhattan). В результате кластеризации данных были получены два кластера, объединивших типы экстремистской направленности и роли в преступлении, представленные на рисунке 4.

Как видно на рисунке 4, роль в преступлении «исполнитель» больше связана с типами экстремистской направленности «Жертва» и «Ищущий», роли в преступлении – «соучастники» и «организатор» сильнее связаны с типами экстремистской направленности «Борец» и «Защитник». Полученные данные указывают на взаимосвязь роли участия осужденных за экстремизм в экстремистской деятельности и типа экстремистской направленности,

отражающей смыслы и отношения субъектов данной деятельности. Выявленные взаимосвязи могут свидетельствовать о том, что личностные смыслы экстремизма у осужденных исполнителей экстремистских актов (типы «Жертва» и «Ищущий») характеризуются низким уровнем осмысленности, большей подчиненностью группе, ориентированностью на групповые ценности, перенимаемые без должного осмысления. Это подтверждают трансформация и изменение смыслов экстремизма в условиях заключения.

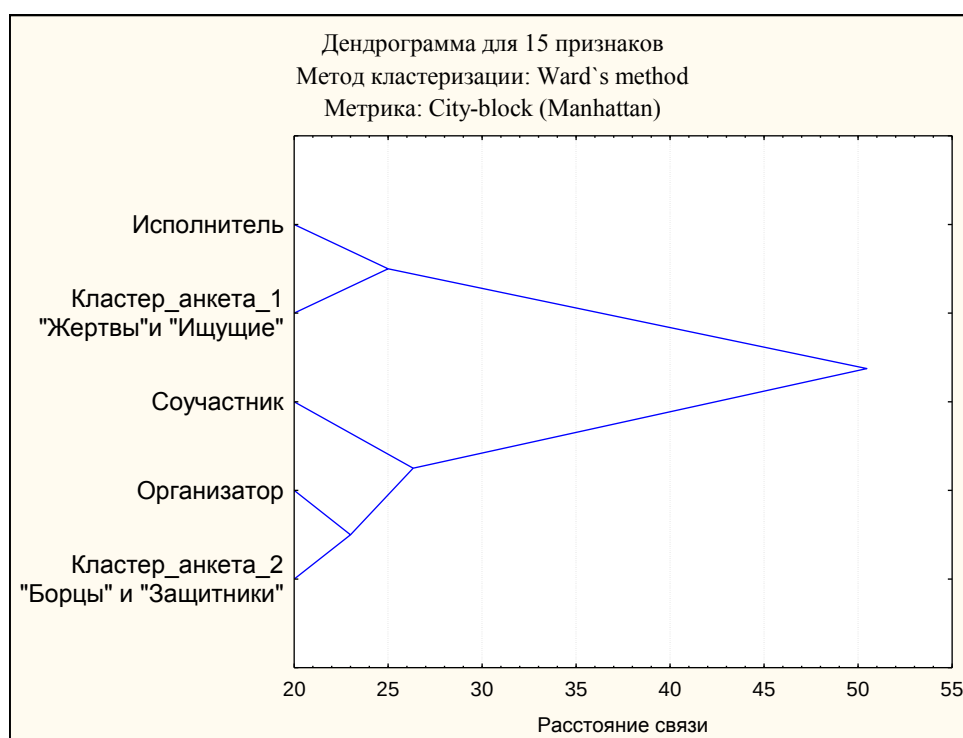

Рисунок 4 – Кластеризация типов экстремистской направленности и роли в преступлении

Осужденные соучастники и организаторы экстремистских актов (типы «Борец» и «Защитник»), напротив, характеризуются устойчивостью картины мира, осмысленностью экстремистской деятельности. Это подтверждает тот факт, что их смыслы экстремизма сохранились даже в условиях отбывания наказания.

На следующем этапе анализа данных проводилось углубленное изучение структурных компонентов направленности личности осужденных за экстремизм. С этой целью обработка данных осуществлялась с помощью методов

описательной статистики. Полученные результаты средних значений показателей (в сравнении с нормативными) используемого психодиагностического инструментария («Мини-мульт», «Шкала самодетерминации личности», «Культурно-ценностный дифференциал», «Диагностика мотивационной структуры личности») свидетельствуют о том, что для осужденных за экстремизм свойственны средние значения по всем шкалам использованных методик (Приложение Д).

С целью определения латентной структуры компонентов направленности личности, объясняющей внутренние закономерности их взаимосвязи, был проведен факторный анализ методом вращения главных компонент Варимакс с нормализацией Кайзерас (Varimax normalized). В факторный анализ были включены все методики психодиагностического комплекса («Мини-мульт», «Самодетерминация личности», «Культурно-ценностный дифференциал», «Характерологический опросник», «Диагностика мотивационной структуры личности»). В результате были выделены четыре фактора, анализу подверглись показатели с нагрузками $\geq 0,5$, результаты представлены в таблице 4. Для определения количества факторов использовался критерий каменистой осыпи scree plot (графический метод, предложенный R.B. Cattell) [167].

Таблица 4 – Факторная структура личностных особенностей осужденных за экстремизм

Шкала	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
L (ложь)	–0,43	–0,12	–0,59	0,19
F (достоверность)	–0,38	0,01	0,1	–0,15
K (коррекция)	–0,52	–0,04	–0,53	0,23
Hs (педантичность – контроль)	–0,88	–0,01	–0,24	0,09
D (пессимистичность)	–0,79	–0,35	–0,1	–0,16
Hу (эмоциональная лабильность)	–0,85	–0,26	–0,12	0,09

Продолжение таблицы 4

Pd (импульсивность)	-0,79	-0,16	-0,22	-0,02
Pa (ригидность)	-0,74	-0,02	0,04	-0,22
Pt (тревожность)	-0,81	-0,20	-0,31	0,07
Sc (индивидуалистичность)	-0,90	-0,09	-0,3	-0,05
Ma (оптимизм, активность)	-0,22	0,33	0,15	0,08
Автономия	0,21	0,36	-0,58	-0,25
Самовыражение	0,38	0,30	-0,55	-0,22
Ориентация на группу	0,21	0,14	-0,17	0,69
Ориентация на себя	0,11	-0,05	0,06	-0,59
Соппротивление переменам	-0,09	0,05	0,31	-0,38
Открытость переменам	-0,22	-0,05	-0,27	0,19
Направленность на взаимодействие	-0,04	0,35	0,01	0,69
Отвержение взаимодействия	-0,30	-0,23	-0,27	-0,59
Сильный социальный контроль	0,16	0,10	-0,13	0,76
Слабый социальный контроль	0,07	-0,10	0,15	-0,69
Демонстративность	0,21	0,33	0,57	-0,08
Циклоидность	0,11	0,16	0,72	-0,09
Лабильность	0,29	0,27	0,47	-0,09
Гипертимность	-0,10	0,56	0,42	-0,32
Сензитивность	-0,19	-0,01	0,67	-0,30
Астено-невротичность	0,09	0,04	0,74	-0,37
Эпилептоидность	0,34	0,27	0,53	-0,25
Психастеничность	0,33	0,12	0,67	0,06
Шизоидность	0,23	0,17	0,67	0,05
Неустойчивость	0,18	-0,10	0,42	-0,46
Коррекция	0,24	0,44	0,09	0,00
Мотивация поддержания жизнеобеспечения	0,15	0,85	0,21	0,14
Мотивы комфорта	0,37	0,72	-0,14	0,02
Статусно-престижная мотивация	0,09	0,87	0,11	0,18
Мотивация общения	0,06	0,82	0,03	0,13
Мотивация общей активности	0,01	0,82	0,1	0,23

Окончание таблицы 4

Мотивация творческой активности	0,16	0,81	0,13	0,15
Мотивация принести общественную пользу	0,15	0,86	–0,03	0,11
Объясненная дисперсия	6,59	6,42	5,63	3,99
Доля в общей дисперсии	0,17	0,16	0,14	0,10

В состав Фактора 1 вошли показатели шкал теста «Мини-мульт» с отрицательными нагрузками: К (коррекция), Нs (педантичность – контроль), D (пессимистичность), Ну (эмоциональная лабильность), Pd (импульсивность), Ра (ригидность), Pt (тревожность), Sc (индивидуалистичность). Данный фактор объединяет следующие черты: ориентация на референтную группу при низких коммуникативных навыках (уступчивость, консервативность, пониженная чувствительность к средовым воздействиям, отсутствие дипломатичности, эмпатии), эмоциональная устойчивость/недостаточная сдержанность, самоуверенность/самокритичность, скептицизм. Данный фактор объединяет личностные особенности, некоторые из них полярные, противоположные по смыслу и содержанию, поэтому он получил название «Личностная индифферентность».

В состав Фактора 2 вошли показатели всех шкал теста «Диагностика мотивационной структуры личности» с положительными нагрузками (мотивация поддержания жизнеобеспечения, мотивы комфорта, статусно-престижная мотивация, мотивация общения, мотивация общей активности, мотивация творческой активности, мотивация принести общественную пользу) и показатели шкалы теста «Характерологический опросник» (гипертимность). Данный фактор характеризует выраженная активность во всех сферах жизнедеятельности, на основе чего он получил название «Мотивационная сверхактивность».

В состав Фактора 3 вошли показатели шкал характерологического опросника с положительными нагрузками (демонстративность, циклоидность, сензитивность, астено-невротичность, эпилептоидность, психастеничность, шизоидность) и отрицательными нагрузками показателей шкал опросника

«Самодерминация личности» (автономия и самовыражение). Данный фактор объединяет такие особенности, как повышенная утомляемость, раздражительность, аффективность эмоциональных переживаний, нерешительность, тревожность, восприимчивость к внешним воздействиям, замкнутость, переживание отсутствия выбора, самоотчуждение, неудовлетворенность жизнью. Данный фактор отражает преимущественно выраженные черты характера, поэтому он был назван «Выраженность акцентуаций».

В состав Фактора 4 вошли показатели шкал теста «Культурно-ценностный дифференциал» с положительными нагрузками (ориентация на группу, направленность на взаимодействие, сильный социальный контроль) и показатели с отрицательными нагрузками (ориентация на себя, отвержение взаимодействия, слабый социальный контроль). Данный фактор отражает приоритет групповых ценностей над личностными, подчинение своих интересов интересам группы, т.е. характеризует коллективное самоопределение и идентификацию. На основе содержания фактора он был назван «Выраженность экстернальности».

На следующем этапе исследования были определены взаимосвязи между полученными факторами и типами экстремистской направленности личности, реализованной в криминальном поведении (в группе осужденных за экстремизм). Для проверки взаимосвязей использовался дисперсионный анализ (ANOVA) по F-критерию Фишера. В результате анализа были выявлены статистически значимые зависимости, представленные на рисунке 5.

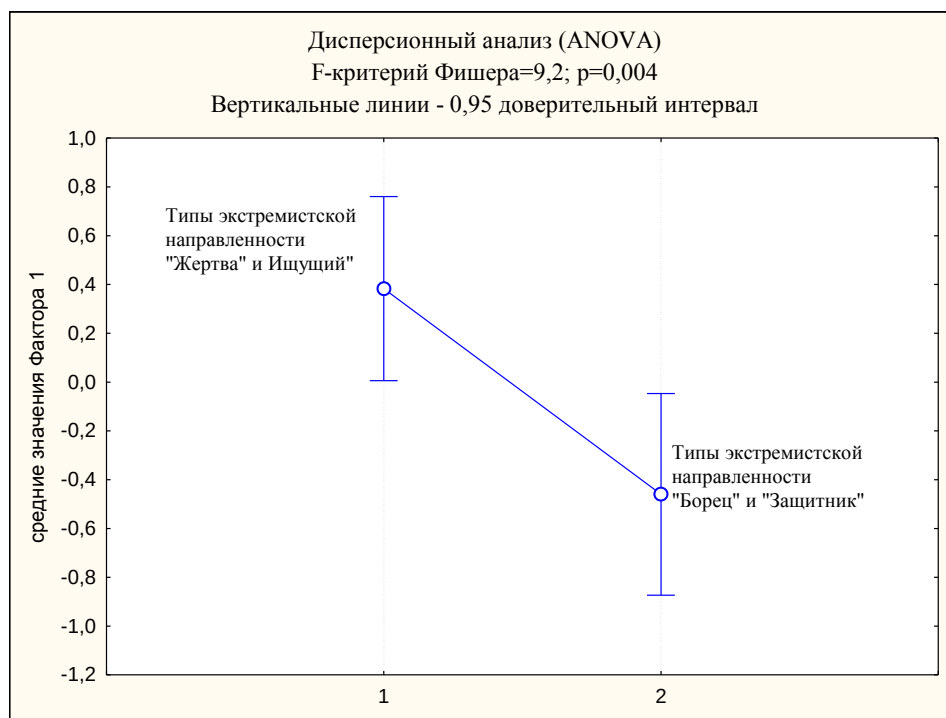

Рисунок 5 – Взаимосвязь фактора «Личностная индифферентность» и типов экстремистской направленности

Как видно на рисунке 5, для осужденных с типами экстремистской направленности «Жертва» и «Ищущий» больше свойственна взаимосвязь с фактором «Личностная индифферентность», чем для осужденных с типами «Борец» и «Защитник». Это свидетельствует о том, что для осужденных, кому свойственны данные типы экстремистской направленности, характерны внутриличностная противоречивость, ориентированность на референтную группу, затруднения в межличностном взаимодействии, ригидность, конформизм.

На следующем этапе исследования был проведен кластерный анализ шкал каждой из психодиагностических методик с целью последующего установления взаимосвязи между психодиагностическими кластерами и типами экстремистской направленности. Кластеризация проводилась для переменных по методу k-средних. Данный алгоритм применяется для оптимального разделения всего набора объектов на кластеры, минимизируя внутрикластерную дисперсию и максимизируя межкластерную. На рисунке 6 представлен кластерный анализ шкал теста «Мини-мульти».

Как видно на рисунке 6, в результате кластерного анализа были выделены два кластера с пониженными значениями шкал теста «Мини-мульт» (Кластер 1) и с повышенными (Кластер 2).

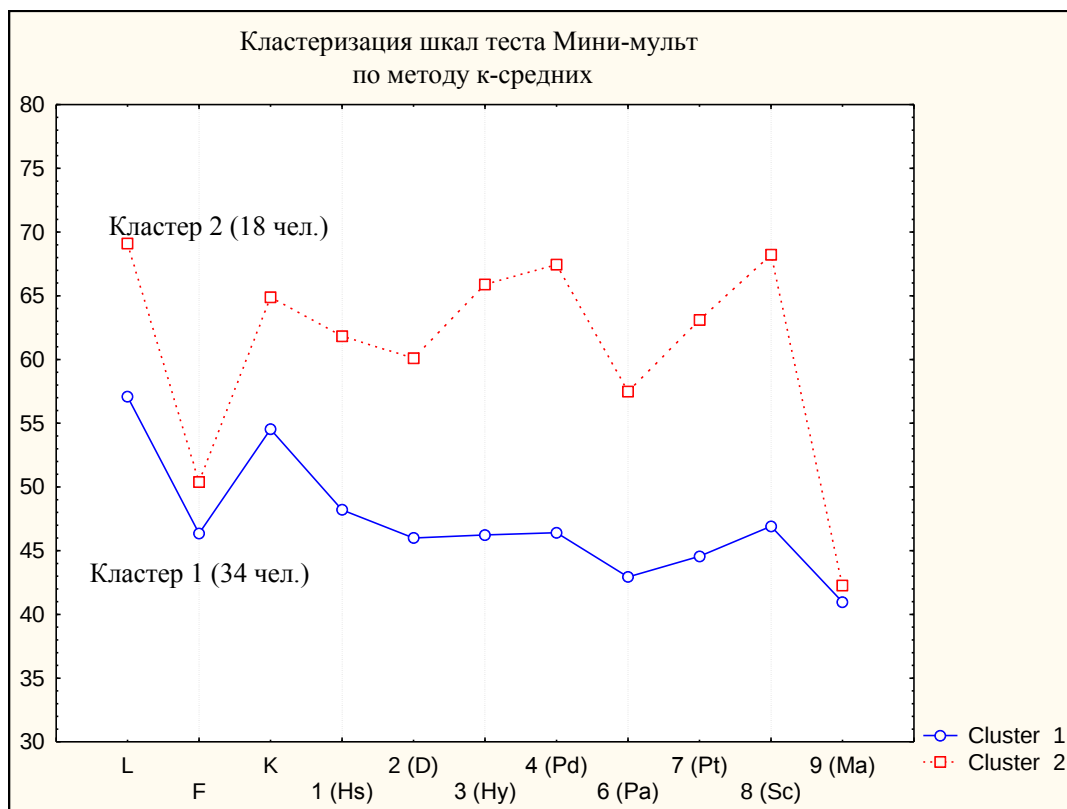

Рисунок 6 – Результаты кластеризации шкал методики «Мини-мульт»

Для Кластера 1 характерен «утопленный» профиль теста «Мини-мульт», отражающий защитные реакции осужденных, вошедших в данный кластер, в виде стремления избежать откровенности и приблизить ответы к норме, тенденцию к подчеркиванию своих миротворческих устремлений, гибкое мышление, легкую смену концепций, готовность отказаться от собственной точки зрения. Для Кластера 2 профиль теста «Мини-мульт» характеризуется тремя ведущими пиками шкал L (ложь), Pd (импульсивность) и Sc (индивидуалистичность), что отражает стремление осужденных, вошедших в данный кластер, выглядеть в благоприятном свете, низкий контроль эмоциональных проявлений, спонтанность поступков, импульсивность, своеобразие мотивов поведения и высказываний, индивидуализм, умение организовать людей, стремление к лидерству,

антисоциальные тенденции или асоциальные позиции, конфликтность, агрессивность. По шкалам Pd (импульсивность) и Sc (индивидуалистичность) различия максимальны, то есть эти шкалы лучше всего дифференцируют осужденных по психодиагностическим критериям. По шкалам F (достоверность) и Ma (оптимизм, активность) различия минимальны.

Далее был проведен кластерный анализ шкал теста «Самодетерминация личности», представленный на рисунке 7.

Рисунок 7 – Результаты кластеризации шкал теста
«Самодетерминация личности»

На рисунке 7 видно, что в результате были выделены два кластера – с пониженными значениями (Кластер 1) и с повышенными значениями шкалы автономии и самовыражения (Кластер 2).

Кластерный анализ шкал теста «Диагностика мотивационной структуры личности» также разделил показатели на два кластера, результаты представлены на рисунке 8.

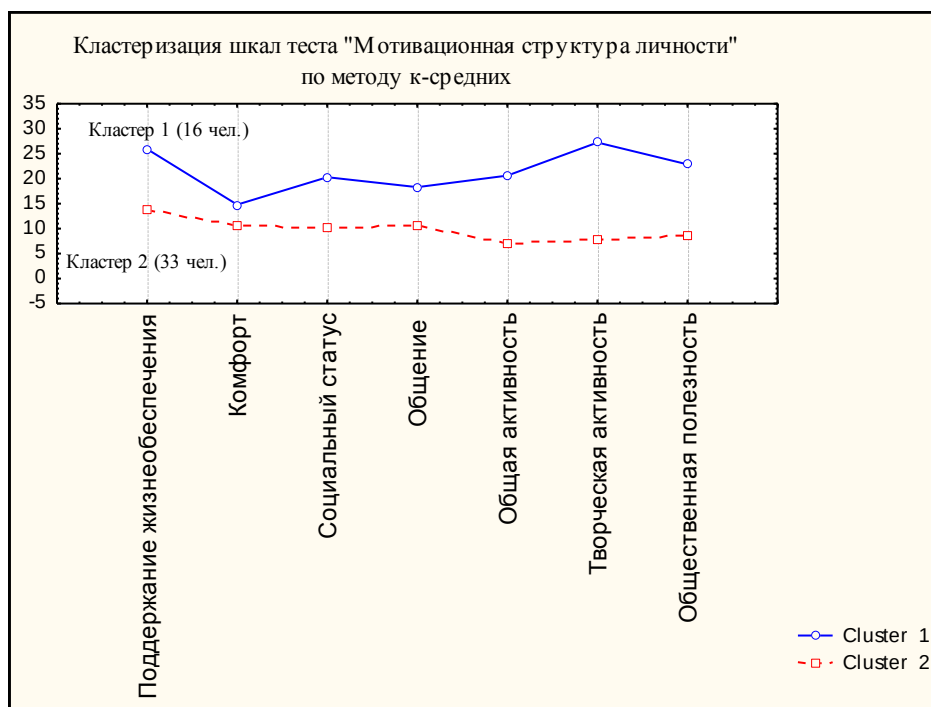

Рисунок 8 – Результаты кластеризации шкал методики
«Диагностика мотивационной структуры личности»

Рисунок 8 демонстрирует, что для Кластера 1 характерны повышенные значения шкал методики «Диагностика мотивационной структуры личности», для Кластера 2 – пониженные. При этом наибольшие различия между кластерами наблюдаются по шкале «Мотивация творческой активности», что свидетельствует о том, что для представителей Кластера 1 более свойственно стремление к созиданию, поиску творческого, духовного, «высокого», склонность к творческому пониманию и познанию мира.

По результатам кластерного анализа шкал Характерологического опросника выделили также два кластера, представленные на рисунке 9.

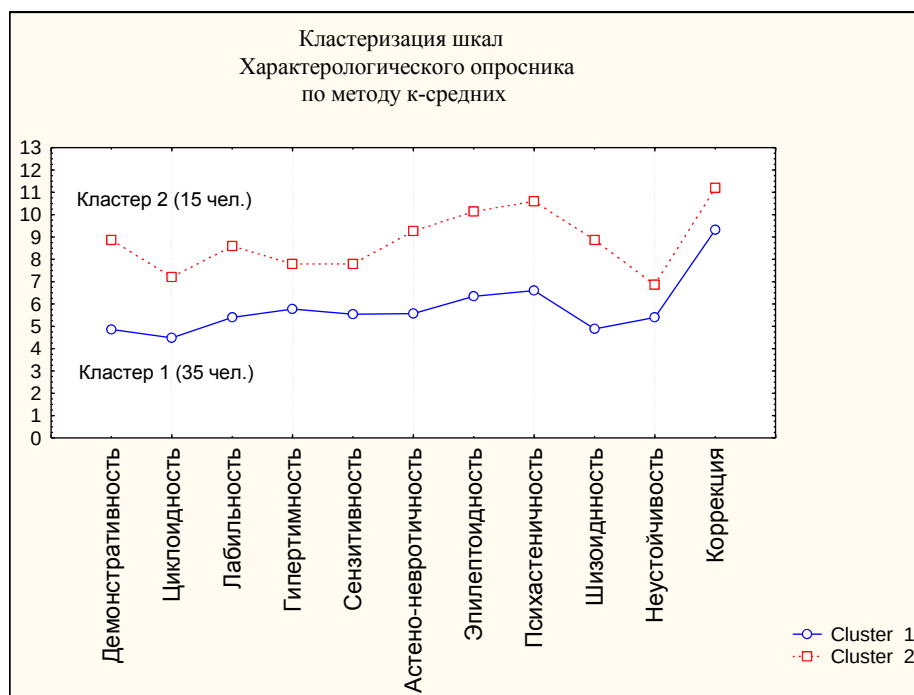

Рисунок 9 – Результаты кластеризации шкал теста
«Характерологический опросник»

Как видно на рисунке 9, для Кластера 1 характерны пониженные значения шкал Характерологического опросника, для Кластера 2 – повышенные. Максимальные различия наблюдаются по шкалам «Демонстративность» и «Психастеничность», минимальные значения – по шкалам «Неустойчивость» и «Коррекция».

Результаты кластерного анализа шкал методики «Культурно-ценностной дифференциал» представлены на рисунке 10.

Рисунок 10 – Результаты кластеризации шкал методики
«Культурно-ценностный дифференциал»

Из рисунка 10 видно, что в результате кластерного анализа были выделены два кластера, которые в отличие от предыдущих психодиагностических кластеров имеют непрямолинейный характер различий (высокие – низкие значения). Наиболее сильные отличия наблюдаются по шкалам «Направленность на взаимодействие», «Отвержение взаимодействия», «Сильный социальный контроль», «Слабый социальный контроль». Для Кластера 1 характерны более высокие значения по шкалам «Направленность на взаимодействие» и «Сильный социальный контроль» и пониженные значения по шкалам «Отвержение взаимодействия» и «Слабый социальный контроль». Кластер 2, соответственно, имеет противоположные характеристики. По остальным шкалам группирующих различий не наблюдается. Учитывая нелинейные различия, кластеры были названы согласно их характеристикам. Кластер 1 отражает приоритет групповых ценностей (миролюбие, уступчивость, доброжелательность, дисциплинированность), Кластер 2 отражает – групповых ценностей

(агрессивность, соперничество, равнодушие, своеволие). Кластер 1 получил название «Социабельный», Кластер 2 – «Антисоциальный».

На следующем этапе анализа проверялись связи психодиагностических кластеров с кластерами по данным анкеты. С этой целью был проведен кластерный анализ с использованием метода Уорда (Ward's method) и метрики Сити-Блок (City-block Manhattan). В результате кластеризации данных были получены два кластера, объединившие типы экстремистской направленности и психодиагностические кластеры, представленные на рисунке 11. Группирующая кластеризация переменных позволила установить комплексные взаимосвязи структурных компонентов и содержательно наполнить типологию экстремистской направленности личности.

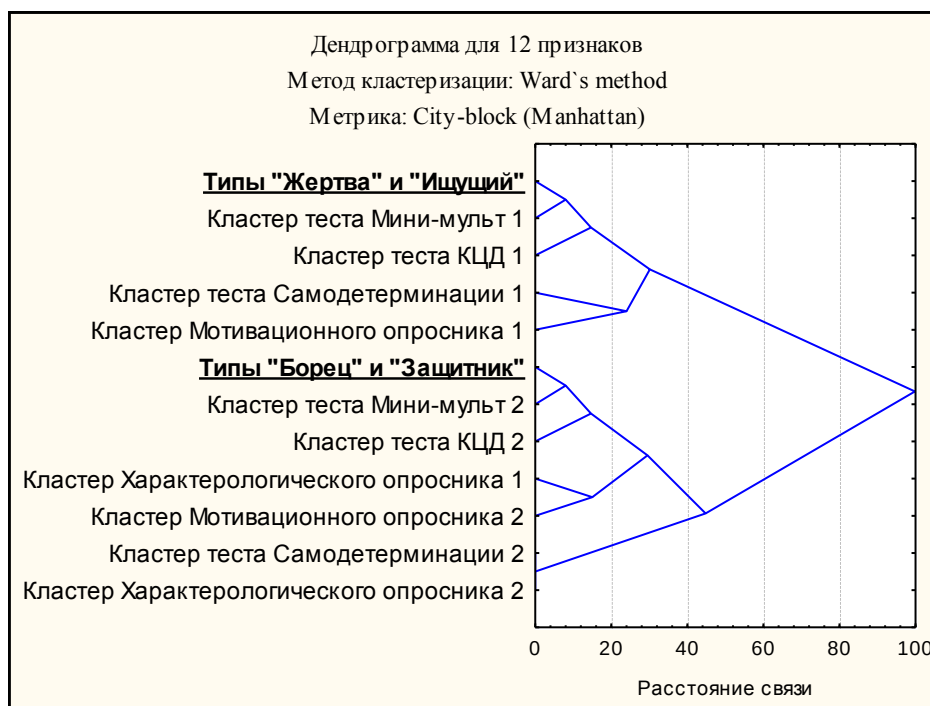

Рисунок 11 – Кластерный анализ результатов анкетирования и психодиагностики осужденных

Как видно на рисунке 11, типы «Жертва» и «Ищущий» сильнее связаны с Кластером 1 теста «Мини-мульти» (пониженные значения шкал), с Кластером 1 («Социабельный») теста «Культурно-ценностный дифференциал», с Кластером 1

теста «Самодетерминация личности» (пониженные значения шкал), с Кластером 1 теста «Диагностика мотивационной структуры личности» (повышенные значения шкал). Типы «Борец» и «Защитник» связаны с Кластером 2 теста «Мини-мульти» (повышенные значения), с Кластером 1 («Антисоциальный») теста «Культурно-ценностный дифференциал», с Кластером 1 теста «Самодетерминация личности» (повышенные значения шкал), с Кластером 1 теста «Мотивационная структура личности» (пониженные значения шкал), с Кластерами 1 и 2 Характерологического опросника (пониженные и повышенные значения шкал).

На основе обобщения полученных результатов исследования описывается типологическая модель экстремистской направленности личности осужденных за экстремистскую деятельность:

Тип «Жертва и ищущий» характеризуется нарушением личностной целостности, проявляющейся в сочетании диаметральных характеристик личности, отсутствием заостренности индивидуально-личностных черт, переживанием самоотчуждения, отсутствием выбора способа самореализации и самоосуществления, стремлением перекладывать ответственность за собственную жизнь на внешние обстоятельства. Отмечаются выраженное стремление подчиняться группе, ориентация на групповые ценности, принимаемые без должного осмысления и отсутствия формирования личностных смыслов принадлежности к группе, при высокой мотивации и направленности на все сферы жизнедеятельности (материальные, социальные, духовные). Отдельные характеристики данного типа можно сопоставить с группоцентрическим уровнем смысловой сферы (типом социального характера), выделенного Б.С. Братусем (1985) [26]. Учитывая роль в преступлении (исполнитель), трансформацию смыслов экстремистской деятельности (негативное или неопределенное отношение к экстремизму, осознание вины), можно говорить о ложных смыслах экстремизма, навязанных извне. Экстремистская деятельность выступала как способ самореализации, с готовыми «смыслами» жизни и их романтической

направленностью (великая миссия, важное дело, быть полезным обществу, группе и т.п.) без обретения личностных смыслов экстремизма.

Тип «Борец и защитник» характеризуется наличием выраженных личностных особенностей (как отрицательных, так и положительных), целеустремленностью, импульсивностью, агрессивностью, своеобразием мотивов, ориентацией на собственные ценности, самотождественностью, стремлением к лидерству, самовыражению, реализации собственных желаний и потребностей во взаимосвязи с отвержением групповых ценностей и асоциальной позицией. Учитывая роль в преступлении (организатор, соучастник) и отсутствие трансформации смыслов экстремистской деятельности в условиях отбывания наказания (оправдание экстремистских действий, потенциальную готовность продолжения экстремистской деятельности, перекладывание вины за экстремистскую деятельность на внешние факторы – третьи лица, государство), можно говорить о том, что в этом случае экстремистская деятельность выступает способом взаимодействия с миром, жизнеосуществления.

3.2 Особенности взаимосвязи структурных компонентов потенциальной экстремистской направленности личности

Следующей задачей исследования являлось изучение особенностей потенциальной экстремистской направленности в группе студенческой молодежи. В качестве критериев анализа, характеризующих потенциальную экстремистскую направленность, также исследовались характеристики когнитивного, ценностно-мотивационного и эмоционально-оценочного компонента.

На первом этапе обработки результатов были проанализированы ответы на вопросы когнитивного блока анкеты (понимание студентами феномена экстремизма). Когнитивный блок анкеты также содержал вопросы о понимании

феномена «экстремизм». В таблице 5 представлен частотный анализ ответов на когнитивный блок анкеты.

Таблица 5 – Частота встречаемости ответов на вопросы когнитивного блока анкеты

Ответы на вопросы анкеты	Количество ответов	% от общего числа ответов
Знание что такое экстремизм		
Знаю	182	78,79
Не знаю	12	5,19
Затрудняюсь ответить	37	16,02
Всего	231	100
Причины экстремизма		
В целенаправленном разжигании агрессии	89	41,59
В деформации системы ценностей	59	27,57
В многонациональности населения	34	15,89
В недостаточном правовом просвещении граждан	20	9,35
Другое	12	5,6
Всего	214	100

Из таблицы 5 видно, что большинство студентов (78,79%) понимают, что такое экстремизм; 21,21% ответивших не имеют четкого представления о данном феномене. Причинами экстремизма студенты в основном считают внешние, социальные факторы, то есть экстремизм ассоциируется с социальным феноменом, а не связывается с конкретными личностными особенностями экстремистов, их мотивами и целями. Соотношение феномена «экстремизм» с личностью экстремиста присутствует лишь в открытых ответах студентов о причинах экстремизма («Другое» = 5,16%): «в человеческой природе», «в глупости», «в агрессии», «чтобы сбросить напряжение».

Ценностно-мотивационный блок анкеты отражал потенциальную активность личности по отношению к экстремистской деятельности, их вероятностные мотивы, которые могли бы стать причинами вступления студентов

в экстремистскую группировку. В этот блок вошли вопросы, которые отражали понимание мотивов экстремистов в осуществлении экстремистской деятельности, т.е. смыслы, которые студенты вкладывают в оправдание действий экстремистов, вопросы, отражающие вероятностные (потенциальные) мотивы участников исследования и опыт столкновения с проявлением экстремизма.

Таблица 6 – Частота встречаемости ответов на вопросы ценностно-мотивационного блока анкеты

Ответы на вопросы анкеты	Количество ответов	% от общего числа ответов
Оправдание экстремистских действий		
Никогда	124	57,94
Донесение идеи до народа, государства	43	20,1
Защита определенной группы людей	31	14,49
Не знаю	4	1,87
Другое	12	5,6
Всего	214	100
Личные мотивы участия в экстремистской деятельности		
Никакие	135	63,08
Если это решит какую-либо проблему в обществе	36	16,82
Если я согласен с позицией этой группы	25	11,7
Если это принесет материальную выгоду	6	2,8
Если это принесет новые ощущения	3	1,4
Если будет возможность познакомиться с интересными людьми	1	0,47
Другое	8	3,73
Всего	214	100
Опыт столкновения с проявлением экстремизма		
Не сталкивался	115	49,8
Сталкивался	82	35,5
Затрудняюсь ответить	34	14,7
Всего	231	100

Данные таблицы 6 показывают, что большинство студентов (57,94%) считают, что нет таких условий и обстоятельств, которые могли бы объяснить или оправдать действия экстремистского характера. Студенты (40,19%), которые вкладывали какие-либо смыслы в действия экстремистов, рассматривая их с позиции пользы окружающим, приписывали им романтические мотивы экстремистской деятельности: «Донесение идеи до народа, государства», «Защита определенной группы людей». То есть именно те смыслы, которые пропагандируют экстремисты, позиционируя себя «борцами» и «защитниками» (параграф 3.1). В ответах «Другое» (5,6%) студенты пытались осмыслить и объяснить экстремистские действия наличием психических нарушений у экстремистов, глупостью и воздействием на них гипнозом. Ответы студентов на вопрос о потенциальных личных мотивах членства в экстремистских организациях распределились следующим образом: 63,08% ответивших считают, что никакие причины не мотивируют их стать членами экстремистских группировок; романтический мотив (если это решит какую-либо проблему в обществе) указывают 16,82%; идеологический (если я согласен с позицией этой группы) – 11,7%; остальные распределились по материальным (2,8%), коммуникативным мотивам (0,47%) и мотивам удовольствия (1,4%). В ответах «Другое», свойственные 3,73% ответивших, присутствовали такие мотивы: «угроза жизни и здоровья близких», «защита близких», «глупость». 49,8% участников исследования не имели личного опыта столкновения с проявлениями экстремистских действий; 35,5% ответивших имели такой опыт.

Эмоционально-оценочный блок анкеты отражает содержательную сторону переживаний, в которых проявляется отношение к Другим (по национальности, религии). Основываясь на том, что наиболее распространенными видами экстремизма являются национальный и религиозный, вопросы данного блока анкеты отражали содержание установок в отношении представителей других национальностей, иной религии, а также в отношении к процессу миграции (и к мигрантам).

Таблица 7 – Частота встречаемости ответов на вопросы эмоционально-оценочного блока анкеты

Ответы на вопросы анкеты	Количество ответов	% от общего числа ответов
Неприязнь к другим национальностям (расизм, шовинизм)		
Нет	129	55,6
Отдельные нации этого заслуживают	53	22,84
Да	31	13,36
Другое	19	8,2
Всего	232	100
Согласие с лозунгом «Россия для русских» (национализм)		
Нет, Россия – многонациональная страна	153	66,81
Да, каждый народ должен жить на своей территории	39	17,03
Не знаю	22	9,61
Другое	15	6,55
Всего	229	100
Влияние религии на взаимоотношения		
Религия не влияет на взаимоотношения людей	146	63,76
Некоторые религии несовместимы	46	20,09
Затрудняюсь ответить	23	10,04
Другое	14	6,11
Всего	229	100
Отношение к миграции		
Отрицательно	83	36,24
Безразлично	66	28,82
Затрудняюсь ответить	34	14,85
Благоприятно влияет на демографию и экономику	25	10,92
Положительно	16	6,99
Другое	5	2,18
Всего	229	100

Из таблицы 7 видно, что большинство студентов (55,6%) не испытывают неприязни в отношении представителей других национальностей, не имеют

негативных установок в процессе взаимодействия с ними; 36,2% ответивших имеют негативные установки, при этом 13,36% – независимо от национальности других, 22,84% – по отношению к отдельным национальностям. В «Другое» (8,2%) содержались ответы, отражающие неприязнь не к национальной принадлежности человека, а к его поведению и поступкам: «негативные чувства при аморальном поведении людей», «нет плохих наций, есть плохие люди», «отдельные люди этого заслуживают». В ответах на вопрос «Могут ли представители разных религий сосуществовать мирно?» 63,76% студентов ответили положительно. При этом 26,2% ответивших считают, что религия оказывает какое-либо влияние, из них 20,09% считают, что при взаимодействии людей некоторые религии несовместимы; 6,11% в ответах «Другое» дали более частное понимание того, как религия препятствует взаимоотношениям людей с разным вероисповеданием: «могут только теоретически», «могут, но религия влияет», «могут, но не получается», «религия мешает». В отношении к росту миграции на территории России распределение ответов студентов не дают четкого и однозначного понимания их отношения к данному процессу. Отрицательно к миграции относятся 36,24% ответивших, положительно – лишь 17,91%, при этом 10,92% отстраняются от личного отношения к процессу, заменяя его объяснением благоприятных последствий миграции для общества и страны. Оставшиеся ответы характеризуют безразличное отношение к миграции – 28,82%, не смогли дать однозначного ответа 14,85% студентов, в ответах «Другое» (2,18%) содержались частные ответы: «гуманно ограничить миграцию», «улучшить законы и ассимиляцию».

Следующей задачей исследования являлось изучение различий потенциальной экстремистской направленности среди студентов женского и мужского пола. Для определения различий использовались таблицы сопряженности с использованием критерия Пирсона хи-квадрат, результаты представлены в таблице 8.

Таблица 8 – Статистически значимые результаты анализа сопряженности ответов на вопросы анкеты студентов мужского и женского пола

Ответы на вопросы анкеты. Критерий Пирсона хи-квадрат (χ^2)	Студенты женского пола	Студенты мужского пола	Всего
Готовность участия в экстремистской деятельности, $\chi^2=6,10612$; $p=,047$			
Нет	67,4% (91)	55% (44)	135
Да	31,9% (43)	40% (32)	75
Другое	0,7% (1)	5% (4)	5
Всего	135	80	215
Неприязнь к другим национальностям (расизм, шовинизм), $\chi^2=24,1151$; $p=0,03$			
Религия не влияет на взаимоотношения людей	67,1% (96)	58% (51)	147
Некоторые религии несовместимы	17,5% (25)	23,9% (21)	46
Затрудняюсь ответить	10,5% (15)	9% (8)	23
Другое	1,4% (2)	5,7% (5)	7
Есть разногласия, но вряд ли это причина ненависти	0,7% (1)	0	1
Да, могут, но религия мешает	0	1,1% (1)	1
Могут, если каждый останется при своем мнении	0,7% (1)	0	1
Только теоретически	0,7% (1)	0	1
Могут, но религия влияет	0,7% (1)	2,3% (2)	3
Могут, но не получается	0,7% (1)	0	1
Всего	143	88	231

Анализ сопряженности показал, что для студентов женского пола характерна меньшая готовность к участию в экстремистской деятельности в сравнении со студентами мужского пола. Количество вариантов ответов на данный вопрос было уменьшено до положительных (независимо от мотива участия в экстремистской деятельности) и отрицательных, вариант ответов «Другое» содержал нетипичные ответы, которые не подошли по смыслу к двум первым вариантам. Студенты женского пола больше склонны считать, чем студенты мужского пола, что религия не влияет на взаимоотношения людей. В мужской выборке, по сравнению с женской, преобладает мнение, что некоторые религии несовместимы и что они оказывают негативное влияние на взаимоотношения представителей различных вероисповеданий.

Таким образом, анализ ответов на вопросы анкеты в студенческой выборке свидетельствует о том, что студенты имеют представление о феномене «экстремизм», причины экстремизма видят во внешних (социальных) факторах, в действиях экстремистов видят романтические мотивы, в потенциальных мотивах участия в экстремистской деятельности выделяют романтические и идеологические мотивы, негативные эмоции испытывают к представителям других национальностей и к процессу миграции. При этом для женской выборки студентов в меньшей степени, чем для мужской выборки, свойственны готовность стать членом экстремистской организации и более толерантное отношение к представителям другим национальностей.

Следующей задачей исследования являлось изучение личностных особенностей студентов, которые допускали вероятность своего участия в деятельности экстремистских групп по различным причинам (потенциальная готовность). Из общей выборки студентов была выделена группа, составленная из студентов с декларируемой ими готовностью стать участниками экстремистской группы (согласно ответам на ценностно-мотивационный блок анкеты). Подгруппа включала 71 человека (31% от общей выборки). Для решения данной задачи использовались методы описательной статистики и факторный анализ.

Результаты, полученные с помощью методов описательной статистики (анализ средних значений) по тестам «Мини-мульти», «Самодетерминация личности», «Культурно-ценностный дифференциал», «Диагностика мотивационной структуры личности», свидетельствуют о том, что для студентов, высказывающих потенциальную готовность стать членами экстремистских организаций, свойственны средние значения по всем шкалам использованных методик (Приложение Е).

Для выявления латентной структуры личностных особенностей студентов, допускающих вероятность своего участия в деятельности экстремистских групп (потенциальная готовность), проводился факторный анализ методом главных компонент (Varimax normalized). С помощью критерия каменной осыпи (scree

plot) были выделены четыре фактора, представленные в таблице 9 (анализу подверглись факторные нагрузки $\geq 0,5$).

Таблица 9 – Факторная структура в группе студентов, допускающих вероятность своего участия в экстремистской деятельности

Шкала	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
L (ложь)	–0,09	0,25	0,42	0,33
F (достоверность)	0,40	0,27	–0,41	0,20
K (коррекция)	0,25	–0,18	0,72	0,09
Hs (педантичность – контроль)	0,74	0,06	–0,21	0,02
D (пессимистичность)	0,79	0,01	–0,14	–0,03
Hu (эмоциональная лабильность)	0,85	–0,04	–0,17	0,01
Pd (импульсивность)	0,84	–0,07	0,03	0,15
Pa (ригидность)	0,76	–0,09	–0,10	0,11
Pt (тревожность)	0,71	–0,11	0,12	–0,07
Sc (индивидуалистичность)	0,87	–0,02	–0,04	0,21
Ma (оптимизм, активность)	0,19	0,16	–0,71	0,11
Автономия	–0,35	0,37	0,46	0,01
Самовыражение	–0,43	0,16	0,47	–0,05
Ориентация на группу	–0,18	0,10	0,24	–0,17
Ориентация на себя	0,04	0,02	–0,02	0,72
Соппротивление переменам	–0,12	0,08	0,22	–0,22
Открытость переменам	0,09	0,32	0,37	0,47
Направленность на взаимодействие	–0,09	0,09	0,54	–0,16
Отвержение взаимодействия	0,19	0,07	–0,17	0,67
Сильный социальный контроль	–0,14	0,19	0,31	–0,55
Слабый социальный контроль	–0,10	0,01	0,02	0,72
Поддержание жизнеобеспечения	–0,06	0,81	0,04	0,08
Комфорт	–0,12	0,65	–0,36	0,09
Социальный статус	–0,12	0,77	0,06	0,14
Общение	–0,15	0,79	–0,18	–0,00
Общая активность	0,07	0,84	0,00	–0,10
Творческая активность	0,00	0,76	0,24	–0,13
Общественная полезность	0,07	0,78	0,22	–0,05
Объясненная дисперсия	5,24	4,76	2,87	2,46
Доля в общей дисперсии	0,19	0,17	0,10	0,09

Как видно из таблицы 9, в состав фактора 1 вошли следующие показатели шкал теста «Мини-мульт» с положительными факторными нагрузками: Нs (невротический сверхконтроль), D (пессимистичность), Ну (эмоциональная лабильность), Pd (импульсивность), Ра (ригидность), Pt (тревожность), Sc (индивидуалистичность). Взаимосвязь показателей, вошедших в фактор, характеризует личностную незрелость, эмоциональную неустойчивость, частую смену эмоциональных переживаний, конфликтность, импульсивность, тревожность, нетерпеливость, агрессивность, склонность к риску, некомфортность установок, стремление отрицать общепринятые взгляды, которое может выражаться как в радикальных настроениях, так в склонности к новаторству. Данный фактор получил название «Выраженность индивидуальности». Можно предположить следующее: студентов, декларирующих потенциальную готовность стать членом экстремистской организации, психодиагностические данные которых вошли в этот фактор, привлекает в экстремистской деятельности возможность реализации собственной индивидуальности, своих неконформистских взглядов, возможность «быть самим собой», подчеркнуть свою уникальность, сопряженную со стремлением испытать острые ощущения, «экстрим».

В состав фактора 2 вошли показатели всех шкал теста «Диагностика мотивационной структуры личности» с положительными нагрузками («Поддержание жизнеобеспечения», «Комфорт», «Социальный статус», «Общение», «Общая активность», «Творческая активность», «Общественная полезность»). Тот факт, что в данный фактор вошли все эти мотивационные шкалы, отражающие как потребительские тенденции личности («Поддержание жизнеобеспечения», «Комфорт» и «Социальный статус»), так и функциональные (шкалы «Общая активность», «Творческая активность», «Общественная полезность») вместе с направленностью на общение (шкала «Общение»), говорит о том, что фактор 2 характеризует активную личностную позицию независимо от ее мотивационной направленности. Данный фактор получил название «Мотивационная сверхактивность». Можно предположить следующее: студентов,

декларирующих потенциальную готовность стать членом экстремистской организации, психодиагностические данные которых вошли в этот фактор, в экстремистской деятельности может привлекать реализация собственных потребностей – материальных (возможность обогатиться без особых усилий), социальных (престиж, чувство значимости), духовных (общение с новыми людьми и возможность «решить» актуальную проблему, выполнить «великую» миссию).

В состав фактора 3 вошли показатели шкал теста «Мини-мульти» с положительной нагрузкой К (коррекция), с отрицательной нагрузкой шкала Ма (оптимизм и активность), с положительной нагрузкой показателя шкалы теста КЦД «Направленность на взаимодействие». Взаимосвязь этих показателей указывает на стремление скрыть наличие каких-либо проблем и конфликтов, на демонстрацию социабельности с целью произвести положительное впечатление, направленность на взаимодействие, но не с достаточной для этого активностью. На основе полученных взаимосвязей фактор был назван как «Ищущий опору». Данный фактор объединяет группу показателей, характерных для студентов, определяющих свою зону комфорта с помощью других, способных их «оберегать, защищать», удовлетворяющих их потребность во взаимодействии.

В состав фактора 4 вошли показатели шкал теста КЦД с положительной нагрузкой «Ориентация на себя», «Отвержение взаимодействия», «Слабый социальный контроль» и с отрицательной нагрузкой шкала «Сильный социальный контроль». В этот фактор вошли шкалы только данного опросника, направленного на измерение групповых ценностных ориентации, что говорит о значимой роли культурных особенностей собственной национальной группы для студентов, показатели которых вошли в этот фактор. Их взаимосвязь характеризуют самостоятельность, отход от традиций, агрессивность, своеволие, недоверие к власти, поэтому фактор 4 был назван «Суверенность». Это согласуется с прогрессирующей тенденцией трансформации ценностей от коллективизма к индивидуализму в самосознании современной российской

молодежи. Подобные индикаторы этнического самосознания в группе студентов, высказывающих потенциальную готовность стать членами экстремистских организаций, могут свидетельствовать об отказе и обособлении от норм и ценностей собственной культуры и о поиске других идентификаций.

Полученные результаты в группе студентов, допускающих вероятность своего участия в экстремистской деятельности (определенная готовность), отражают только отдельные аспекты потенциальной экстремистской направленности. Понимая экстремизм как многоуровневый и многокомпонентный феномен, психологическое содержание которого не может быть сведено к отдельной функции или характеристике (Зинченко, 2014), был осуществлен многомерный анализ взаимосвязей структурных компонентов потенциальной экстремистской направленности личности, основанный на модели исследования осужденных за экстремизм.

Для достижения поставленной цели был проведен группирующий кластерный анализ выборки студентов с использованием метода Уорда (Ward's method) и метрики Сити-Блок (City-block Manhattan) с целью выявления типологии наблюдений. В результате кластеризации данных были получены три кластера, представленные на рисунке 12.

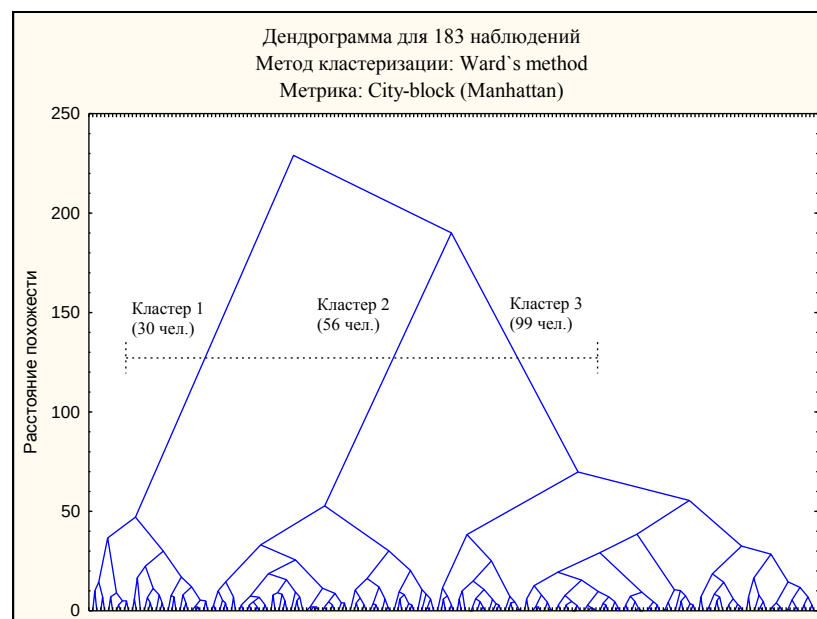

Рисунок 12 – Результаты кластерного анализа в выборке студентов

Как видно на рисунке 12, выборка разбилась на три наиболее отличающихся друг от друга кластера. В Кластер 1 вошли 30 человек, в Кластер 2 – 56 и в Кластер 3 – 99 человек. Для определения отличий кластеров друг от друга и вклада каждой переменной в кластер, проводилась сопряженность признака принадлежности к кластерам с ответами на вопросы анкеты с применением критерия Пирсона Хи-квадрат. В таблице 10 представлены достоверные различия сопряженности по критерию Пирсона Хи-квадрат.

Таблица 10 – Статистически значимые результаты анализа сопряженности признака принадлежности к кластеру и ответов на вопросы анкеты

Причины экстремизма ($\chi^2=5,68435$; $p=0,058$)	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
В многонациональности населения России	23,33% (7)	17,85% (10)	8,16% (8)	25
Целенаправленное разжигание агрессии	36,67% (11)	64,29% (36)	42,86% (42)	89
Недостаточное правовое просвещение	3,33% (1)	7,14% (4)	11,23% (11)	16
Деформация системы ценностей	20% (6)	8,93% (5)	33,67% (33)	44
Другое	16,67% (5)	1,79% (1)	4,08% (4)	10
Всего	100% (30)	100% (56)	100% (98)	184
Оправдание действий экстремистов ($\chi^2= 22,6$; $p=0,001$)	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Защита определенной группы людей	26,66% (8)	14,29% (8)	12,12% (12)	28
Донесение идеи до народа, государства	36,67% (11)	23,21% (13)	13,13% (13)	37
Никогда	20% (6)	57,14% (32)	67,68% (67)	105
Другое	16,67% (5)	5,36% (3)	7,07% (7)	15
Всего	100% (30)	100% (56)	100% (99)	185
Личные мотивы вступления в экстремистскую организацию ($\chi^2=179,2$; $p=0,00001$)	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Если я согласен с позицией этой группы	76,67% (23)	0	0	23
Если это принесет материальную выгоду	3,33% (1)	0	01,01% (1)	2
Если будет возможность познакомиться с интересными людьми	3,33% (1)	0	0	1
Если это принесет новые ощущения	0	0	03,03% (3)	3

Продолжение таблицы 10

Если это поможет решить какую-либо проблему в обществе	0	30,36% (17)	21,21% (21)	38
Никакие	0	69,64% (39)	73,74% (73)	112
Другое	16,67% (5)	0	01,01%	6
Всего	100% (30)	100% (56)	100% (98)	185
Националистические настроения ($\chi^2=41,8$; $p=0,0000001$)	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Нет, Россия – многонациональная страна	66,67% (20)	35,71% (20)	81,82% (81)	121
Да, каждый народ должен жить на своей территории	23,33% (7)	35,71% (20)	4,04% (4)	31
Не думал об этом	0	16,08% (9)	9,09% (9)	18
Другое	10% (3)	12,5% (7)	5,05% (5)	15
Всего	100% (30)	100% (56)	100% (99)	185
Неприязнь в отношении представителей других национальностей ($\chi^2=32,1$; $p=0,00001$)	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Да	10% (3)	25% (14)	6,06% (6)	23
Отдельные нации этого заслуживают	40% (12)	35,71% (20)	14,14% (14)	46
Нет	43,33% (13)	32,15% (18)	72,73% (72)	103
Другое	6,67% (2)	7,14% (4)	7,07% (7)	13
Всего	100% (30)	100% (56)	100% (99)	185
Отношение к миграции ($\chi^2=102,8$; $p=0,00000$)	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Всего
Отрицательно	30% (9)	85,71% (48)	9,09% (9)	66
Положительно	10% (3)	7,14% (4)	5,05% (5)	12
Благоприятно влияет на демографию и экономику	10% (3)	5,36% (3)	16,16% (16)	22
Безразлично	20% (6)	1,79% (1)	43,44% (43)	50
Затрудняюсь ответить	26,67% (8)	0	22,22% (22)	30
Другое	3,33% (1)	0	4,04% (4)	5
Всего	100% (30)	100% (56)	100% (99)	185

Анализ сопряженности показал, что для Кластера 1 на вопрос о причинах экстремизма в обществе характерно сравнительно равномерное распределение частот всех вариантов ответов, без значительного преобладания какого-либо одного ответа. Такая же ситуация наблюдается и в ответах на вопросы об оправдании экстремизма и об отношении к миграции. На вопрос о мотивах

возможного вступления в экстремистскую группу подавляющее большинство (76,67%) в Кластере 1 ответили «Если я согласен с позицией этой группы». При этом по остальным вариантам ответов на данный вопрос наблюдается нулевая частота или единичные ответы. На вопрос о согласии с лозунгом «Россия для русских» преобладают ответы «Нет, Россия – многонациональная страна» (66,67%). На вопрос «Испытываете ли Вы какие-либо негативные чувства по отношению к представителям других национальностей?» ответы студентов Кластера 1 разделились на две почти равные группы: 50% ответили утвердительно, 43,33% – отрицательно. На основе выявленного распределения сопряжённых ответов Кластер 1 условно был интерпретирован как тип потенциальной экстремистской направленности «Импонирование идей экстремизма».

Для Кластера 2 характерно следующие распределение ответов на вопросы анкеты, на вопрос о причинах экстремизма в обществе преобладают ответы «В многонациональности населения России» (17,85%) и «Целенаправленное разжигание агрессии» (64,29%). В ответах на вопрос об оправдании экстремизма чаще остальных встречаются ответы «Донесение идеи до народа, государства» (23,21%) и «Никогда» (57,14%). На вопрос о мотивах возможного вступления в экстремистскую группу большинство студентов, вошедших в Кластер 2, ответили «Никакие» (69,64%), вариант «Если это поможет решить какую-либо проблему в обществе» выбрали 30,36%. По остальным вариантам ответов на этот вопрос наблюдается нулевая частота или единичные ответы. На вопрос о согласии с лозунгом «Россия для русских» варианты ответов студентов разделились на две равные группы: варианты «Нет, Россия – многонациональная страна» и «Да, каждый народ должен жить на своей территории» выбрали по 35,71% студентов, вошедших в данный кластер. На вопрос «Испытываете ли Вы какие-либо негативные чувства по отношению к представителям других национальностей?» 25% ответили «Да», 35,71% – «Отдельные нации этого заслуживают» (суммарное количество утвердительных ответов составило 60,71%). В ответах на вопрос об

отношении к миграции большинство ответили (85,71%), что испытывают отрицательное отношение. В Кластер 2 вошло больше всего студентов (относительно всей выборки), ответы на вопросы которых отражают негативное отношение к мигрантам, представителям других национальностей, поэтому данный кластер условно был проинтерпретирован как тип потенциальной экстремистской направленности «Склонность к национализму».

Кластер 3 объединил студентов, в чьих ответах на вопрос о причинах экстремизма в обществе преобладают варианты «Целенаправленное разжигание агрессии» (42,86%) и «Деформация системы ценностей» (33,67%). В ответах на вопрос об оправдании экстремизма преобладает вариант ответа «Никогда» (67,68%). На вопрос о мотивах возможного вступления в экстремистскую группу большинство студентов, вошедших в Кластер 3, ответили «Никакие» (73,74%), вариант «Если это поможет решить какую-либо проблему в обществе» выбрали 21,21% опрошенных. На вопрос о согласии с лозунгом «Россия для русских» преобладают ответы «Нет, Россия – многонациональная страна» (81,82%). На вопрос «Испытываете ли Вы какие-либо негативные чувства по отношению к представителям других национальностей?», большинство студентов (72,73%) данного кластера ответили «Нет». В ответах на вопрос об отношении к миграции преобладает вариант «Безразлично» (43,44%), вариант «Затрудняюсь ответить» выбрали 22,22%. В Кластер 3 вошло больше всего студентов (относительно всей выборки), ответы на вопросы которых отражают негативное отношение к экстремистской деятельности, неприятие их идей и ценностей, толерантное отношение к представителям других национальностей, поэтому данный кластер условно был проинтерпретирован как антитип потенциальной экстремистской направленности «Склонность к толерантности».

Следующей задачей исследования было углубленное изучение особенностей взаимосвязи структурных компонентов потенциальной экстремистской направленности личности студентов. Ее решение включало два этапа обработки психодиагностических данных. На первом этапе был проведен

кластерный анализ шкал каждой из психодиагностических методик, на втором этапе подверглись кластеризации психодиагностические кластеры и кластеры по данным анкеты.

Кластерный анализ психодиагностических шкал проводился по методу k-средних. На рисунке 13 представлен кластерный анализ шкал теста «Мини-мульти».

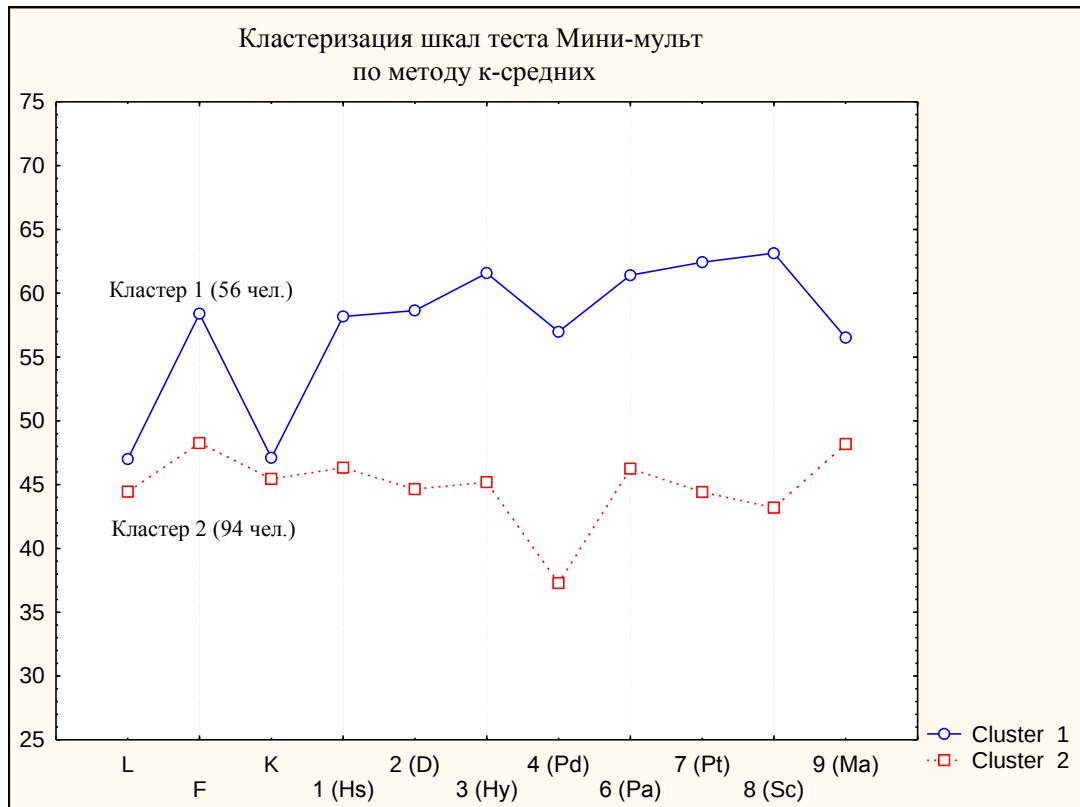

Рисунок 13 – Кластерный анализ шкал методики «Мини-мульти»

Как видно на рисунке 13, кластеризация шкал теста «Мини-мульти» позволила выделить два кластера: с повышенными (Кластер 1) и с пониженными значениями (Кластер 2). Для Кластера 1 профиль теста «Мини-мульти» характеризуется ведущими пиками по шкалам Ну (эмоциональная лабильность), Ра (ригидность), Pt (тревожность) и Sc (индивидуалистичность). Это отражает дисгармоничность студентов, вошедших в данный кластер, выражающуюся в сочетании стремлений ориентироваться на внешнюю оценку, и одобрение окружающих в сочетании с выраженным субъективизмом, своеобразием интересов, иерархии ценностей и трудностями межличностной коммуникации.

Отмечается склонность к идентификации с какой-либо формой деятельности, имеющей субъективно высокую значимость. Для Кластера 2 характерен «утопленный» профиль теста «Мини-мульт», отражающий сниженную мотивацию достижения, развитый самоконтроль, приверженность общепринятым нормам поведения, тенденцию к сохранению постоянных установок, интересов и целей, конформизм. Максимальные различия между кластерами наблюдаются по шкалам Pd (импульсивность) и Sc (индивидуалистичность), то есть эти шкалы лучше всего дифференцируют студентов, минимальные различия обнаруживаются по проверочным шкалам L (ложь) и K (коррекция).

Также кластеризации подверглись шкалы теста «Самодетерминация личности», результаты представлены на рисунке 14.

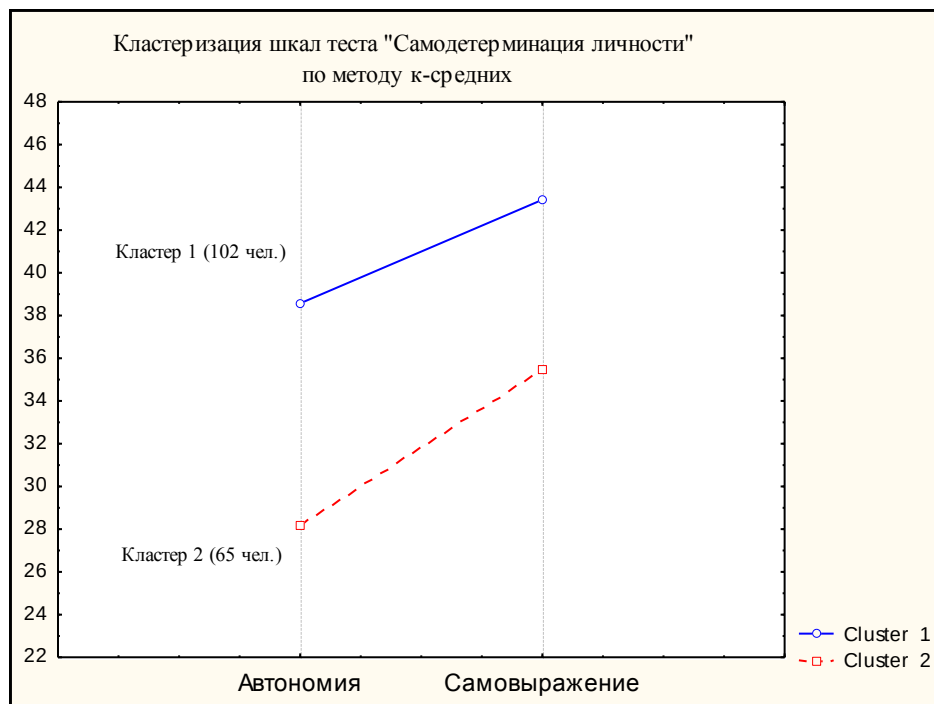

Рисунок 14 – Кластерный анализ шкал методики
«Самодетерминация личности»

В результате кластерного анализа были выделены два кластера по шкалам теста «Самодетерминация личности»: с повышенными (Кластер 1) и

пониженными (Кластер 2) значениями по шкалам автономии и самовыражения. Наибольшее различие между значениями шкал наблюдается по шкале автономии.

Кластеризация шкал теста «Диагностика мотивационной структуры личности» позволила выделить два кластера, представленные на рисунке 15.

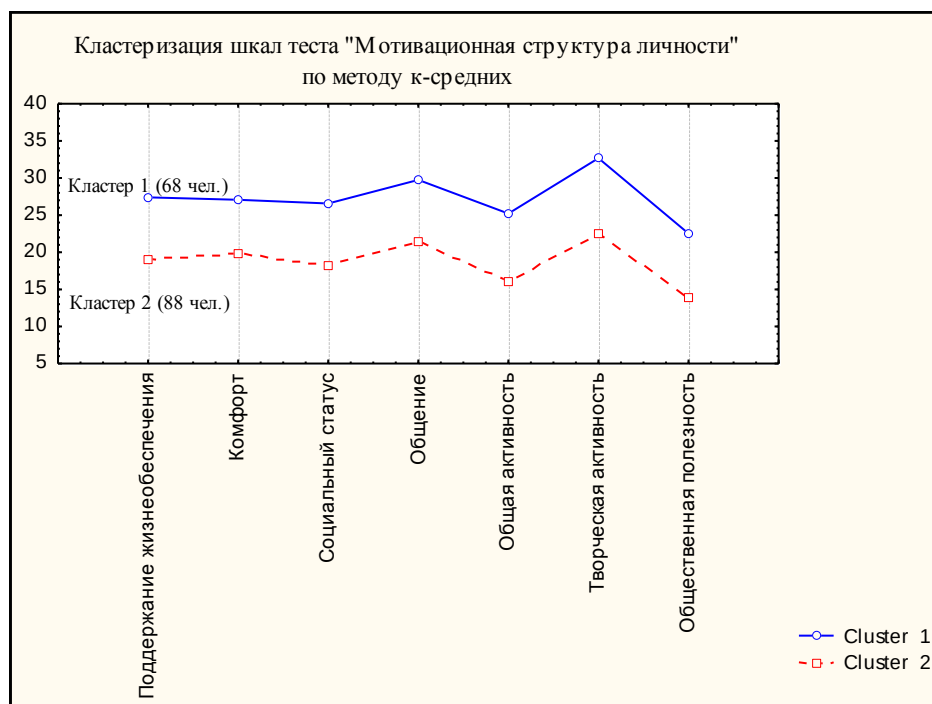

Рисунок 15 – Кластеризация шкал методики
«Диагностика мотивационной структуры личности»

Представленные на рисунке 15 кластеры шкал по тесту «Диагностика мотивационной структуры личности» также разделены по принципу повышенных (Кластер 1) и пониженных (Кластер 2) значений показателей шкал. При этом различия между значениями показателей примерно одинаковые.

Результаты кластерного анализа шкал методики «Культурно-ценностной дифференциал» представлены на рисунке 16.

Рисунок 16 – Кластерный анализ шкал методики

«Культурно-ценностный дифференциал»

Как видно на рисунке 16, были выделены два кластера, которые, в отличие от предыдущих психодиагностических кластеров, имеют нелинейный (высокие – низкие значения) характер различий. Для Кластера 1 характерны более высокие значения по шкалам «Ориентация на группу», «Направленность на взаимодействие», «Сильный социальный контроль» и более низкие по шкале «Отвержение взаимодействия». Кластер 2 характеризуется более низкими значениями по шкалам «Ориентация на группу», «Направленность на взаимодействие», «Сильный социальный контроль» и более высоким по шкале «Отвержение взаимодействия». По остальным шкалам группирующие различия минимальны. Учитывая нелинейные различия, кластеры были названы согласно их характеристикам. Кластер 1 отражает приоритет групповых ценностей, кластер 2 – отвержение групповых ценностей. Кластеры имеют схожую структуру различий с психодиагностическими кластерами теста КЦД в выборке осужденных

за экстремизм, поэтому данные кластеры получили идентичные названия. Кластер 1 был назван «Социабельный», Кластер 2 – «Антисоциальный».

Следующим этапом исследования являлось содержательное наполнение типологии потенциальной экстремистской направленности личности студентов. С этой целью был проведен кластерный анализ с использованием метода Уорда (Ward's method) и метрики Сити-Блок (City-block Manhattan) для выявления связи между кластерами анкеты (интерпретируемые как типы потенциальной экстремистской направленности) и психодиагностическими кластерами. В результате были выделены два кластера, представленные на рисунке 17.

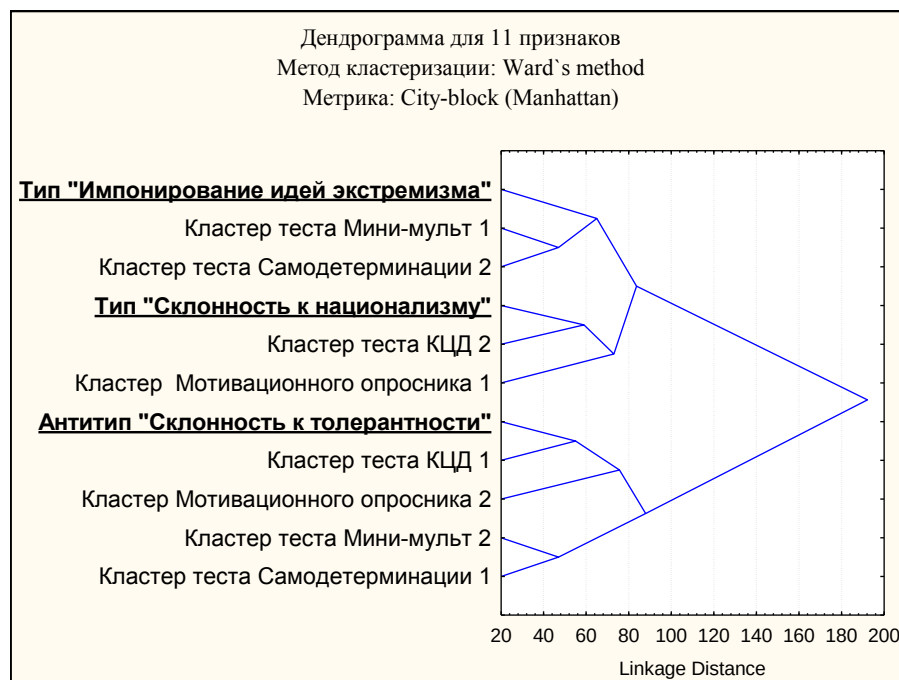

Рисунок 17 – Кластерный анализ результатов анкетирования и психодиагностики студентов

Группирующий кластерный анализ позволил установить, что типы потенциальной экстремистской направленности «Импонирование идей экстремизма» и «Склонность к национализму» образуют один кластер. При этом тип «Импонирование идей экстремизма» сильнее связан с Кластером 1 теста «Мини-мульт» (повышенные значения шкал) и с Кластером 2 теста «Самодетерминация личности» (пониженные значения шкал). Тип «Склонность к

национализму» имеет более сильную связь с Кластером 2 теста «Культурно-ценностный дифференциал», который был назван «Антисоциальный», и Кластером 1 теста «Диагностика мотивационной структуры» (повышенные значения). Второй кластер образует антитип потенциальной экстремистской направленности «Склонность к толерантности». Данный антитип связан с Кластером 1 теста «Культурно-ценностный дифференциал», который был назван «Социабельный», с Кластером 2 теста «Диагностика мотивационной структуры» (пониженные значения), с Кластером 2 теста «Мини-мульт» (пониженные значения шкал) и Кластером 1 теста «Самодетерминация личности» (повышенные значения шкал).

На основе обобщения полученных результатов исследования описывается типология взаимосвязей структурных компонентов экстремистской направленности личности студентов.

Типы «Импонирование идей экстремизма» и «Склонность к национализму». Выделенные типы характеризуют потенциальную экстремистскую направленность и имеют ряд как общих, так и отличительных особенностей. Оба типа характеризуются амбивалентностью, выражающейся в пренебрежении принятыми общественными нормами, отвержении групповых ценностей, ориентации на субъективное видение сущности явлений окружающего мира в сочетании с потребностью в одобрении и признании окружающих и поиском признания. Отмечаются неустойчивость самооценки, эмоциональная незрелость, затруднения в коммуникативной сфере, наличие внутренних противоречий, смешанного типа реагирования, проявляющегося в разнонаправленных тенденциях, выраженная потребность в актуализации своей индивидуальности, склонность к идентификации себя с деятельностью, имеющую высокую значимость. Для типа «Импонирование идей экстремизма» наиболее определяющими являются сосредоточенность на себе, субъективизм, отсутствие внутреннего равновесия, ощущение собственной неудовлетворенности, неполноценности и непродуктивности. С учетом потенциальной готовности стать

членом экстремистской организации и лояльности к действиям экстремистов, экстремистская деятельность может стать возможностью реализации субъективных (отличных от общепринятых стандартов) внутренних убеждений, способом адаптации и преодоления амбивалентности в отношениях с окружающими. Для типа «Склонность к национализму» наиболее характерными являются отвержение групповых ценностей, стремление к свободе и самостоятельности, к неорганизованному поиску возможности реализовать себя, проявляющегося в сверхактивности во всех сферах жизнедеятельности. Учитывая свойственные данному типу националистские тенденции (негативное отношение к мигрантам и представителям других национальностей), можно предположить, что экстремистская организация может служить местом, «свободным» от социальных ценностей, правил и норм, позволяющая приобщиться к целям, отвечающим внутренним интенциям.

Антитип «Склонность к толерантности» характеризуется приверженностью общепринятым нормам поведения, ориентацией на групповые ценности, тенденцией к сохранению постоянных установок, интересов и целей. Отмечаются уступчивость и доброжелательность в межличностном взаимодействии, адаптивность, рациональность в решении проблем, хороший самоконтроль, ориентация на будущее, удовлетворенность собственной жизнью, самотождественность. Учитывая негативное отношение к экстремистской деятельности, неприятие их идей и ценностей, толерантное отношение к представителям других национальностей, выделенные характерные особенности данного типа можно использовать при разработке программ профилактики экстремистских настроений в молодежной среде (предусматривающих развитие коммуникативных навыков, эмоциональной устойчивости, формирование позитивной групповой идентичности, самотождественности, принятия себя, актуализация ресурсов самореализации и самоосуществления).

3.3 Сравнительный анализ структурных компонентов потенциальной и реализованной в криминальном поведении экстремистской направленности личности

В результате исследования экстремистской направленности личности (потенциальной и реализованной в криминальном поведении) на выборке осужденных за экстремистскую деятельность и студентов в каждой группе выборки обнаружены особенности взаимосвязей структурных компонентов экстремистской направленности и выделены ее типы, и решением следующей задачи исследования являлся сравнительно-сопоставительный анализ результатов, полученных в обеих группах.

На первом этапе сравнительного анализа были сопряжены (с использованием критерия Пирсона хи-квадрат) ответы на вопросы анкеты по критериям экстремистской направленности в группе осужденных за экстремизм и в группе студентов, декларирующих готовность стать членами экстремистской организации. Анализу подверглись только те вопросы, которые совпадают в обоих вариантах анкеты (для студентов и осужденных за экстремизм). Содержательно когнитивного компонента экстремистской направленности личности включает знания, представления и понимание феномена экстремизма и его причин (параграфы 3.1 и 3.2). Согласно полученным данным в обеих группах большинство респондентов имеют представление о феномене экстремизма, отличием является то, что в студенческой группе встречается вариант ответа «Затрудняюсь» (19,72%), в группе осужденных за экстремизм данный вариант ответа был проигнорирован респондентами ($\chi^2=11,84$; $p=0,003$). То есть среди студентов, декларирующих потенциальную готовность вступить в экстремистскую организацию, не все имеют представления о самом феномене либо эти представления неопределенны и противоречивы. В ответах на вопрос о причинах экстремизма в обществе также обнаруживаются различия между осужденными за экстремизм и студентами с потенциальной готовностью вступить

в экстремистскую организацию. Осужденные за экстремизм чаще выбирают вариант «Целенаправленное разжигание агрессии» (73,08%), в отличие от студентов, чье мнение разделилось между ответами «В целенаправленном разжигании агрессии» и «В многонациональности населения» по 28,17%, «В деформации системы ценностей» (26,76%) и «В недостаточном правовом просвещении граждан» (11,27%) ($\chi^2=119,585$; $p=0,000$). Гомогенность ответов на вопросы когнитивного блока анкеты в выборке осужденных за экстремизм может свидетельствовать об их осознании феномена после осуждения. Наличие ответов, отражающих непонимание или неполное понимание феномена, разобщенность ответов студентов в причинах экстремизма, могут свидетельствовать о том, что события, вызывающие эмоциональные реакции (положительные или отрицательные), привлекают молодежь без должного осмысления самого феномена.

Сопоставление ответов на вопросы ценностно-мотивационного блока анкеты в обеих выборках не выявило достоверных различий, однако можно все же проанализировать некоторые тенденции в ответах осужденных за экстремизм и студентов, декларирующих потенциальную готовность стать членами экстремистской организации. Осужденные за экстремизм (44,23%) чаще, чем студенты (27,14%), выбирают ответ «Никогда не будут оправданы». Студенты (41,43%) чаще, чем осужденные за экстремизм (26,92%), вкладывают смыслы в действия экстремистов, связанные с пользой окружающим, приписывая им романтические мотивы экстремистской деятельности «Донесение идеи до народа, государства». В ответах на вопрос о потенциальных личных мотивах стать членом экстремистской организации большинство осужденных за экстремизм (61,54%) выбрали ответ «Никакие», остальные респонденты (38,46%) выбрали вариант «Согласен с позицией экстремистской группы». Так как в группу студентов вошли только респонденты, декларирующие потенциальную готовность стать членами экстремистской организации, то их ответы характеризуются лишь выбором мотива. Большинство студентов (50,70%) выбрали вариант «Решение

какой-либо проблемы в обществе» (данный вариант отсутствовал в анкете для осужденных). Выбор мотива «Согласен с позицией экстремистской группы» по количеству (33,80%) примерно совпадает с ответами осужденных за экстремизм. В ответах обеих групп прослеживаются идеологические мотивы участия в экстремистской деятельности, в студенческой группе обнаружена большая склонность идеализировать деятельность экстремистов, приписывая ей романтические мотивы. Полученные данные пересекаются с результатами исследования Н.В. Муращенковой (2014) о наличии в сознании молодежи конструктивных представлений о функциях экстремизма в обществе [102–106].

Сравнительный анализ ответов на вопросы эмоционально-оценочного блока анкеты в выборке осужденных за экстремизм и студентов позволил установить различия в отношении к представителям других национальностей и вероисповедания (ксенофобские и националистические склонности). В ответах на вопрос о согласии с лозунгом «Россия для русских» осужденные за экстремизм (63,46%) и студенты (58,57%) в большинстве ответили, что «Россия – многонациональная страна». Студенты (30%) больше склонны соглашаться с лозунгом, чем осужденные за экстремизм (13,46%), для осужденных больше характерно уклонение от ответа на вопрос (23,08%) ($\chi^2=25,77$; $p=0,000$). В ответах на вопрос об отношении к представителям другой национальности осужденные за экстремизм и студенты, дают примерно одинаковое количество отрицательных (48,08 и 45,07% соответственно) и положительных (42,31 и 45,07% соответственно) ответов. На вопрос о мирном существовании представителей различных религий (вероисповеданий) варианты ответов осужденных за экстремизм и студентов распределились примерно одинаково. Вариант «Некоторые религии несовместимы» выбрали 28,85% осужденных за экстремизм и 27,14% студентов, вариант «Религия не влияет на взаимоотношения людей» выбрали 57,69% осужденных за экстремизм и 51,43% студентов, вариант «Затрудняюсь ответить» – 13,46% осужденных за экстремизм и 12,86% студентов. На вопрос об отношении к процессу миграции студенты (45,07%), в отличие от осужденных за

экстремизм (30,77%), больше склонны давать ответ, характеризующий отрицательное отношение ($\chi^2=20,15$; $p=0,003$). Ответ, характеризующий положительное отношение, выбирают примерно одинаковое количество осужденных за экстремизм (11,54%) и студентов (15,49%). При этом только осужденные за экстремизм (21,15%) выбрали вариант «Это благоприятно влияет на демографию и экономику нашей страны» ($\chi^2=20,15$; $p=0,003$). Для студентов (23,94%) более свойственно безразличное отношение к процессу миграции, чем для осужденных за экстремизм (15,38%) ($\chi^2=20,15$; $p=0,003$). Осужденные за экстремизм (19,23%) больше склонны выбирать вариант ответа «Затрудняюсь ответить» в отличие от студентов (11,27%). Сравнительный анализ ответов на вопросы эмоционально-оценочного блока анкеты в выборке осужденных за экстремизм и студентов свидетельствует о том, что для обеих групп характерно противоречивое отношение к представителям других национальностей и вероисповедания. При этом студенты склонны выбирать более категоричные и агрессивные ответы, а осужденные за экстремизм проявляют осторожность в суждениях, предпочитая уклоняться от ответов или давать неопределенный ответ.

На следующем этапе исследования проводился сравнительный анализ средних показателей личностных особенностей в группе осужденных за экстремизм (группа 1) и в группе студентов, допускающих для себя возможность стать членом экстремистской организации (группа 2). Сравнение средних значений переменных с использованием критерия Манна–Уитни позволило выявить значимые различия в личностных особенностях и в групповых ценностных ориентациях респондентов в двух группах, результаты представлены в таблице 11. Кроме того, были обнаружены достоверные различия по всем шкалам опросника «Диагностика мотивационной структуры личности», в группе осужденных за экстремизм все показатели шкал были ниже, чем в группе студентов. Полученные различия по данному тесту были исключены из интерпретации, опираясь на предположение о том, что такая очевидная разница обусловлена средовыми (ситуационными) особенностями пребывания

осужденных в местах лишения свободы. В таблице 11 представлены только достоверные различия, по остальным показателям шкал (кроме шкал мотивации) значимых различий не обнаружено, что свидетельствует о близости исследуемых групп по переменным (шкалам) методик.

Таблица 11 – Сравнительный анализ личностных особенностей осужденных за экстремизм и студентов по тесту «Мини-мульти»

Шкала	Среднее группы 1	Среднее группы 2	Критерий Манна–Уитни	p
L (ложь)	61,25	46,42	565,5	0,00
F (достоверность)	47,75	52,77	1218	0,01
K (коррекция)	58,12	44,84	377	0,00
Pd (импульсивность)	53,69	43,72	1016,5	0,00
Ma (оптимизм и активность)	41,42	52,16	750	0,00

Согласно данным, отраженным в таблице 11, в выборке осужденных за экстремизм выше показатели по шкалам L (ложь), K (коррекция) и Pd (импульсивность). В студенческой выборке выше значения шкал F (достоверность) и Ma (оптимизм и активность). Отличительными особенностями осужденных за экстремизм (в сравнении со студентами) являются стремление выглядеть в благоприятном свете, социабельность, обусловленная различными причинами (особенности ситуации, ограниченность кругозора респондентов). Для них характерна неудовлетворенность жизнью, принадлежность к определенной группе, ощущение собственной неприспособленности, непонимания со стороны окружающих, снижение активности и уверенности в себе, неумение извлекать опыт из конфликтных ситуаций. Для студентов (в отличие от осужденных за экстремизм) более свойственны потребность в самовыражении, которая в основном реализуется через неконформность в поведении и взглядах; высокий

уровень оптимизма, жизнелюбия, активности; непринужденность в общении; стремление к переменам; тревожность; несдержанность; эгоцентризм; эмоциональная незрелость. Повышение профиля по шкалам F (достоверность) и Ma (оптимизм и активность) часто характерно для молодых людей в период формирования личности.

Различия в средних значениях групповых ценностных ориентациях в группе осужденных за экстремизм и студентов представлены в таблице 12.

Таблица 12 – Сравнительный анализ групповых ценностных ориентаций

Шкала	Среднее группы 1	Среднее группы 2	Критерий Манна–Уитни	p
Ориентация на группу	8,92	8,06	1185	0,00
Направленность на взаимодействие	9,14	7,7	960	0,00
Сильный социальный контроль	8,84	6,12	590	0,00
Слабый социальный контроль	6,37	8,33	810	0,00

Как видно из таблицы 12, для осужденных за экстремизм характерно повышение показателей по шкалам «Ориентация на группу», «Направленность на взаимодействие» и «Сильный социальный контроль». Это свидетельствует о том, что для осужденных больше значимы (чем для студентов) групповые ценности, конформизм, стремление к дружелюбным отношениям, потребность в авторитете, внешней организации и стабильности. Для студентов характерно повышение по шкале «Слабый социальный контроль», что свидетельствует о ценности свободы выбора, отсутствии авторитетов и ориентации на общественные нормы (либо их упразднение в своем сознании).

Выявленные личностные особенности в выборке осужденных за экстремизм, характеризующие затруднения в межличностном общении и нарушения психологических адаптационных механизмов в сочетании с присущими им групповыми ценностными ориентациями, свидетельствуют о

наличии неудовлетворенных потребностей в различных сферах жизнедеятельности (социальной, коммуникативной, эмоциональной). Конфликтное сочетание полярных личностных особенностей и групповых ценностей может служить источником трудностей самореализации в традиционных социальных институтах и стать основанием выбора деструктивного способа самореализации (в данном случае экстремистской деятельности). Сочетание личностных особенностей и групповых ценностей студентов, допускающих возможность стать членами экстремистской организации, свидетельствует о личностной незрелости, нонконформизме в поведении и в отношении к миру, что в принципе соответствует психологическим особенностями их возрастной группы. Но подобное сочетание может быть и предиктором экстремистской направленности (при отсутствии нравственных ценностей и наличии позитивных установок в отношении экстремизма), если экстремистская деятельность станет средством реализации индивидуальности молодых людей.

Следующий этап сравнительного анализа был посвящен рассмотрению факторных структур личностных особенностей осужденных за экстремизм и студентов, допускающих для себя возможность стать членом экстремистской организации. Факторная структура личностных особенностей в группе осужденных за экстремизм состоит из четырех факторов: «Личностная индифферентность», «Мотивационная сверхактивность», «Выраженность акцентуации» и «Выраженность экстернальности» (параграф 3.1). Третий фактор «Выраженность акцентуации» в основном включает шкалы характерологического опросника, который не применялся на студенческой выборке, поэтому данный фактор был исключен из анализа. Факторная структура личностных особенностей в группе студентов, допускающих возможность стать членами экстремистской организации, также состоит из четырех факторов: «Выраженность индивидуальности», «Мотивационная сверхактивность», «Ищущий опору» и «Суверенность» (параграф 3.2).

Сравнительный анализ входящих в факторы переменных в обеих группах позволил установить наличие противоположных по содержанию факторов. Фактор «Личностная индифферентность» (в выборке осужденных за экстремизм) образуют шкалы «Мини-мульты» с отрицательными нагрузками, а фактор «Выраженность индивидуальности» (в выборке студентов), напротив, образуют шкалы «Мини-мульты» с положительными нагрузками. Фактор «Выраженность экстернатальности» (в выборке осужденных за экстремизм) диаметрально противоположен фактору «Суверенность» (в выборке студентов).

Наличие сходства в факторных структурах обнаруживается за счет тех факторов, которые называются «Мотивационная сверхактивность», их содержание идентично (за исключением шкалы Характерологического опросника – «Гипертимность»). Данный фактор («Мотивационная сверхактивность») характеризует высокую активность во всех сферах жизнедеятельности, готовность вовлекаться в любую деятельность, при этом обнаруживается наличие трудностей в самореализации из-за отсутствия приоритетов в направленности этой мотивационной активности. В контексте анализа экстремистской направленности это может свидетельствовать о том, что экстремистская деятельность может быть способом реализации высокой активности во многих сферах (например, материальной – возможность заработать, социальной – престиж, чувство значимости, духовной – общение с новыми людьми и возможность «решить» актуальную проблему, выполнить «великую» миссию). Примечательно, что повышенное значение показателей опросника «Диагностика мотивационной структуры личности» присуще типам экстремистской направленности, реализованной в криминальном поведении «Жертва» и «Ищущий». Это свидетельствует о том, что наличие повышенной мотивации без направленности личности на конкретные сферы жизнедеятельности, где можно удовлетворить свою активность, а также неорганизованная увлеченность различной деятельностью при определенных

условиях и ситуациях являются предиктором вовлечения в экстремистскую деятельность, определенным способом самореализации.

Следующий этап сравнительного анализа заключался в сопоставлении потенциальных типов экстремистской направленности и реализованных в криминальном поведении. Сопряженность ответов на вопросы анкеты различных типов экстремистской направленности по критерию Пирсона хи-квадрат (χ^2) позволила установить, что типы «Борец» и «Защитник» (в выборке осужденных за экстремизм) и «Импонирование идей экстремизма» (в выборке студентов) наиболее однородны по содержанию. Статистически значимые различия были обнаружены только в ответах на вопрос о влиянии религии на взаимоотношения. Осужденные за экстремизм больше, чем студенты, склонны считать, что религия является препятствием во взаимоотношениях людей с разным вероисповеданием ($\chi^2=9,40409$; $p=0,02$). По остальным вопросам было примерно равное распределение ответов, наиболее выраженная согласованность ответов наблюдается в вопросах, направленных на выявление смыслов экстремистской деятельности (условия, оправдывающие деятельность экстремистов) и возможных личных мотивов участия в ней.

Следующим этапом сравнительного анализа было сопоставление типов «Борец и защитник» (у осужденных), «Импонирование идей экстремизма» и «Склонность к национализму» (у студентов). В результате были обнаружены одинаковые взаимосвязи психодиагностических кластеров и типов экстремистской направленности. Для всех типов свойствен кластер повышенных значений по тесту «Мини-мульти» с образованием ведущих пиков в профилях по шкале Sc (индивидуалистичность). Сходство кластеров «Антисоциальный» (по тесту «Культурно-ценностный дифференциал») состоит в пониженных значениях переменных «Ориентация на группу», «Направленность на взаимодействие», «Сильный социальный контроль» и в повышенных значениях переменных «Отвержение взаимодействия» и «Слабый социальный контроль». Отличительными особенностями данных типов являются противоположные по

значению психодиагностические кластеры тестов «Самодетерминация личности» и «Диагностика мотивационной структуры личности». Для типа «Борец и защитник» свойственны кластеры с повышенными значениями шкал по тесту «Самодетерминация личности» и пониженными значениями шкал по тесту «Диагностика мотивационной структуры личности», для типов «Импонирование идей экстремизма» и «Склонность к национализму», соответственно, свойственны противоположные значения кластеров данных методик. То есть для типов «Борец и защитник», «Импонирование идей экстремизма» и «Склонность к национализму» свойственны аналогичные характеристики, выражающиеся в субъективизме, пренебрежении принятыми общественными нормами, отвержении групповых ценностей, ориентации на субъективное видение сущности явлений окружающего. При этом тип «Борец и защитник» в отличие от типов «Импонирование идей экстремизма» и «Склонность к национализму» характеризуется большей осмысленностью собственных желаний и потребностей, самотождественностью и самовыражением при сниженной мотивационной направленности. Типы «Импонирование идей экстремизма» и «Склонность к национализму» характеризуются более высокой (неорганизованной) мотивационной направленностью, неудовлетворенностью потребностей, поиском возможности актуализации своей индивидуальности.

В результате сравнения типов «Жертва и ищущий» и «Импонирование идей экстремизма» и «Склонность к национализму» также были обнаружены как сходства, так и отличия во взаимосвязях их психодиагностических кластеров и типов экстремистской направленности. Для данных типов свойственны психодиагностические кластеры с повышенными значениями шкал теста «Диагностика мотивационной структуры личности» и кластеры с пониженными значениями по тесту «Самодетерминация личности». Отличительными особенностями данных типов являются противоположные по значению психодиагностические кластеры тестов «Мини-мульти» и «Культурно-ценностный дифференциал». То есть данные типы обнаруживают тождественные

характеристики, выражающиеся в неорганизованной сверхактивной мотивационной направленности, неудовлетворенности жизнью, в переживании самоотчуждения и отсутствия выбора. Отличительными характеристиками этих кластеров являются их противоположные ориентации на групповые ценности и взаимодействие.

Учитывая трансформацию смыслов и ценностей экстремизма типа «Жертва и ищущий» вполне логично сравнить его с антитипом «Склонность к толерантности». В результате их сравнения также были обнаружены как сходства, так и различия между типами. Для обоих типов свойственны кластеры с пониженными значениями по тесту «Мини-мульти» и кластер «Социабельный» по тесту «Культурно-ценностный дифференциал». Это обнаруживает свойственную данным типам приверженность к общепринятым нормам поведения и ориентацию на групповые ценности. При этом для типа «Жертва и ищущий» больше свойственны переживание самоотчуждения, отсутствия выбора способа самореализации и самоосуществления, стремление перекладывать ответственность за собственную жизнь на внешние обстоятельства. Для типа «Склонность к толерантности», напротив, свойственны удовлетворенность собственной жизнью и самотождественность.

Таким образом, сравнительный анализ типов экстремистской направленности – потенциальной и реализованной в криминальном поведении – свидетельствует о том, что сочетание таких характеристик, как позитивные установки и смыслы в отношении экстремизма, отвержение общественных ценностей (либо неспособность приобщиться к ним и поиск новых), неорганизованная сверхактивная мотивационная направленность, ориентированная на удовлетворение потребности самоосуществления при дефиците ресурсов самореализации, может явиться предиктором формирования экстремистской направленности личности.

Анализ компонентов экстремистской направленности личности (когнитивного, ценностно-мотивационного, эмоционально-оценочного) позволил изучить ценностно-смысловое пространство личности в аспекте отношения к

экстремизму, которое детерминирует жизнедеятельность человека и его самореализацию (Красноярцева, 2009) [85].

Выделенные в работе компоненты экстремистской направленности осужденных позволили изучить их актуальное отношение к экстремистской деятельности, что дало возможность обосновать типологию направленности и выявить содержательные особенности каждого типа. Выявленные типы экстремистской направленности – «Защитник», «Борец», «Ищущий» и «Жертва» частично согласуются с типологией А.М Сысоева (2008) [135].

Аналогичным образом выявлены и описаны типы потенциальной экстремистской направленности студентов. Полученные результаты в выборке студентов частично согласуются с результатами исследованиями Н.В. Муращенковой (2014), основанными на концепции самоидентичности студентов [105], с результатами А.Л. Журавлева и А.В. Юревича (2016), выделившими социально-психологические факторы привлекательности ИГИЛ, являющиеся мотивами вступления молодежи в эту экстремистскую организацию (отсутствие смысла жизни и потребность в его настойчивом поиске, романтические мотивы, стремление к радикальному обновлению своей жизни и другие) [49].

Заключение

Результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, свидетельствуют о том, что изучение экстремистской направленности личности (потенциальной и реализованной в криминальном поведении) – новое, актуальное, перспективное, практико-ориентированное направление психологической науки. Диссертационное исследование проведено в аспекте частичного решения проблемы разработки методологических оснований изучения экстремистской направленности личности, а также поиска методов и способов выявления личностных факторов – предикторов ее формирования. Экстремистская направленность личности в данной работе представляет обобщение, которое сформировано типологическим (классификационным) взглядом на психологию реального и потенциального экстремизма. Общепсихологический анализ личности представителей различных групп испытуемых (студенты и осужденные за экстремизм) вносит существенный вклад в понимание процессов и явлений, связанных с феноменом экстремизма.

Наличие характерных, типологических черт экстремистской направленности определяется, во-первых, тем, что развитие человека протекает в соответствии с общими закономерностями, и, во-вторых, тем, что общие закономерности (например, мотивационные) имеют многочисленные вариации, связанные с различными биографическими факторами и обстоятельствами жизнеосуществления человека. Важным для выявления типов экстремистской направленности личности явилась необходимость видеть не отдельные фрагменты психической реальности человека, а оперировать системами (когнитивной, ценностно-мотивационной и эмоционально-оценочной), учитывая их целостный характер.

Результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, позволили прийти к следующим выводам:

1. Экстремистская направленность личности представляет собой многоуровневое, многокомпонентное, системное свойство личности, интегрирующее в себе совокупность мотивов, взглядов, убеждений, смыслов, потребностей и устремлений экстремистского содержания, обуславливающих самоосуществление и самореализацию человека в экстремистской деятельности.

2. Основными структурными компонентами экстремистской направленности личности и ее потенциальных проявлений являются когнитивный, ценностно-мотивационный и эмоционально-оценочный, характеристики которых выступают эмпирическими критериями изучения экстремистской направленности личности. Взаимосвязь структурных компонентов экстремистской направленности личности имеет сложный характер, определяющийся доминированием того или иного структурного компонента в ней.

3. В качестве типологических характеристик экстремистской направленности, реализованной в криминальном поведении, выступают актуальные смыслы и ценности экстремистской деятельности, мотивы личного участия в ней, роль в преступлении, рефлексия экстремистских действий, групповые ценности, ресурсы самореализации, дисгармоничность сочетания полярных личностных структур, различный характер взаимосвязи которых позволил выделить типы «Защитник», «Борец», «Ищущий» и «Жертва».

4. Для типов «Борец и защитник» экстремистская деятельность выступает способом взаимодействия с миром и жизнеосуществления, что характеризуется устойчивостью смыслов и ценностей экстремистской деятельности, сохранившихся в условиях отбывания наказания во взаимосвязи с лидерским потенциалом, ориентацией на собственные ценности, самоидентификацией, самовыражением и реализацией собственных желаний и потребностей, отвержением групповых ценностей и асоциальной позицией. Для типов «Жертва и ищущий» экстремистская деятельность выступала как способ самореализации с готовыми смыслами жизни без обретения личностного смысла экстремизма,

низкой осмысленностью целей экстремизма, что характеризуется трансформацией смыслов экстремизма и их отрицанием в условиях отбывания наказания во взаимосвязи с переживанием самоотчуждения, неудовлетворенностью жизненной ситуацией, стремлением перекладывать ответственность за собственную жизнь на внешние обстоятельства, ориентацией на групповые ценности, принимаемые без должного осмысления.

5. В качестве типологических характеристик потенциальной экстремистской направленности личности выступают смыслы и ценности экстремистской деятельности, мотивы вероятностного личного участия в ней, националистических настроений, групповые ценности, дефицит ресурсов самореализации, различный характер взаимосвязи которых позволил выделить типы «Импонирование идей экстремизма», «Склонность к национализму» и антитип «Склонность к толерантности».

6. Типы «Импонирование идей экстремизма» и «Склонность к национализму» характеризуются романтическими смыслами экстремистской деятельности, которая представляет для них символ «свободы от навязанных социальных ценностей, правил и норм», возможность реализации внутренних убеждений, способ адаптации, преодоления амбивалентности в отношениях с окружающими, обретения самотождественности, поиск способов самореализации с романтическими смыслами жизнеосуществления. Антитип «Склонность к толерантности» характеризуется приверженностью к общепринятым нормам поведения, ориентацией на групповые ценности, тенденцией к сохранению постоянных установок, интересов и целей, удовлетворенность собственной жизнью, самотождественность.

7. Для прогнозирования формирования экстремистской направленности личности значимыми являются следующие ее характеристики: лояльное отношение к экстремизму, романтические смыслы экстремистской деятельности, националистические установки, отвержение общественных ценностей (либо неспособность приобщиться к ним) и поиск новых, неорганизованная

мотивационная активность, неудовлетворенная потребность в самоосуществлении и самореализации при дефиците необходимых личностных ресурсов.

Таким образом, типологический подход к изучению экстремистской направленности (потенциальной и реализованной в криминальном поведении) как процесса жизнеосуществления, разработанный в русле системно-антропологической методологии, делает возможным исследовать многоуровневость и многокомпонентность феномена экстремизма, систематизировать его свойства и отношения, что позволило сделать попытку проследить «переход» экстремизма как социально-психологического явления в мотивацию личности, в ее экстремистскую направленность. Рассмотрение личностных особенностей осужденных с реализованным в преступной деятельности смыслом экстремизма позволило экстраполировать паттерн их личностных свойств на исследование потенциальных проявлений экстремистской направленности личности студентов. Этим осуществлено стремление приблизиться к решению одной из важных теоретических и практических задач психологии – поиску ответа на вопрос, каким образом порождаются смыслы, как они обретают ценность для человека, формируя направленность его личности, его самоопределение и самореализацию и, как следствие, самоосуществление.

Представленные результаты исследования не претендуют на полное разрешение проблемы, касающейся содержания экстремистской направленности личности. Продолжение исследовательской работы возможно в дальнейшем изучении взаимосвязи смысложизненных ориентаций и самоидентичности в векторе экстремистской направленности личности. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при разработке программ профилактики и коррекции экстремистской направленности личности.

Список использованной литературы

1. Абакумова И. В. Развитие рефлексивности как профилактика экстремизма у студентов вуза / И. В. Абакумова, К. А. Бабиянц // Казанский педагогический журнал. – 2015. – Т. 3, № 6–3 (113). – С. 111–114.
2. Абакумова И. В. Ценностно-смысловые установки как фактор формирования антитеррористического сознания в поликультурной среде вуза / И. В. Абакумова, В. Ф. Богуславская, Л.Ц. Кагермазова // Российский психологический журнал. – 2013. – Т.10, №5. – С. 39–54.
3. Абакумова И. В. Экспресс-диагностика социальной напряженности, агрессивности, враждебности пользователей интернет в контексте предупреждения и противодействия терроризма / И. В. Абакумова, А. В. Мирошниченко, Ю. Ю. Дмитриев // Казанский педагогический журнал. – 2015. – Т. 3, № 6–3 (113). – С. 167–170.
4. Абульханова К. А. Социальное мышление личности / К. А. Абульханова // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2002. – С. 88–103.
5. Аминов Д. И. Молодежный экстремизм / Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян. – М.: Триада, Лтд, 2005. – 196 с.
6. Антонян Ю. М. Криминальная патопсихология / Ю. М. Антонян, В. В. Гульдан. – М.: Наука, 1991. – 248 с.
7. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование / Ю. М. Антонян. – М.: Щит-М, 1998. – 306 с.
8. Антонян Ю. М. Экстремистское и террористическое поведение с позиции глубинной психологии / Ю. М. Антонян, Е. Н. Юрасова // Актуально о глобальной угрозе. Научный портал МВД России. – 2010. – № 2 (10). – С. 3–11.
9. Антонян Ю. М. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения / Ю. М. Антонян, М. Д. Давитадзе. – М.: Изд-во Щит-М, 2004. – 368 с.

10. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А. Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.
11. Асмолов А. Г. Психология личности / А. Г. Асмолов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
12. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека: учебник / А. Г. Асмолов. – 4-е изд., испр. – М.: Академия, 2010. – 448 с.
13. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Электронный ресурс] / А. Г. Асмолов // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8. – № 40. – С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.02.2016).
14. Асташонок К. В. Феномен экстремизма. Возникновение и развитие / К. В. Асташонок // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6 (43). – С. 539–542.
15. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р. Л. Ахмедшин. – Томск, 2006. – 48 с.
16. Баева Л. В. Молодежный экстремизм в условиях современного кризиса культуры / Л. В. Баева, общ. ред. Д. П. Пискарев // 2000–2010 годы: эволюция и генезис структуры социально-политических отношений в России и за рубежом: международная коллективная монография: в 3 т. – М.: Авантитул, 2010. – Т. 2. – С. 143–147.
17. Баева Л. В. Проблема противостояния молодежному экстремизму в современной России / Л. В. Баева // Информационное сопровождение геополитической безопасности территорий Юга России и прикаспийского региона: материалы Международной научно-практической конференции. Астрахань, 28 мая. 2010 г. – Астрахань, 2010. – С. 26–33.
18. Беличева С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. – М.: Социальное здоровье России, 1994. – 220 с.

19. Богуславская В. Ф. Влияние толерантности на профилактику экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] / В. Ф. Богуславская // Наука и образование против террора, 2010. – URL: [http://scienceport.sfedu.ru/library/liball/418-vliyanie-tolerantnosti-na-profilaktiku-ekstremizma-v-molodejnoj-srede-/](http://scienceport.sfedu.ru/library/liball/418-vliyanie-tolerantnosti-na-profilaktiku-ekstremizma-v-molodejnoj-srede/) (дата обращения: 14.01.2015).
20. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М., 1968. – 464с.
21. Божович Л. И. Проблемы формирования личности / Л. И. Божович, ред. Д. И. Фельдштейн. – 2-е изд. – М.: Изд-во Института практической психологии, Воронеж: НПО МОДЭК, 1997. – 352 с.
22. Большая советская энциклопедия. Издание 1969–1978 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.slovar.com.ua/bse.html> (дата обращения: 10.07.14).
23. Большой толковый психологический словарь Т.1 (А – О) / пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. – М.: АСТ, 2003. – 591 с.
24. Бонкало С. В. Особенности жизненной позиции членов молодежных националистических организаций / С. В. Бонкало, Т. И. Бонкало // Системная психология и социология. – 2015. – №3 (15). – С.63–72.
25. Бонкало Т. И. Этнонациональные установки и психосоциальное развитие личности: опыт эмпирического исследования / Т. И. Бонкало, В. А. Ильин, С. В. Бонкало // Вестник Московского государственного областного университета. – 2015. – № 4. – С. 122–125.
26. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности / Б. С. Братусь. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
27. Бузыкина Ю. С. Социально-психологические характеристики и отношение к проявлениям экстремизма у студентов ВУЗа и учащихся школы / Ю. С. Бузыкина // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 24. – С. 904–910.
28. Бурковская В. А. Актуальные проблемы борьбы с криминальным религиозным экстремизмом в современной России / В. А. Бурковская. – М.: Институт правовых и сравнительных исследований, 2005. – 226 с.

29. Васильченко А. А., Разграничение преступлений террористической и экстремистской направленности / А. А. Васильченко, А. А. Швыркин // Экстремизм и другие криминальные явления. – М., 2008. – С. 36.
30. Вехов И. В. Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля: автореф. дис. ... канд. социол. наук / И. В. Вехов. – Санкт-Петербург, 2011. – 26 с.
31. Вехов И. В. Экстремизм как объект социологического исследования / И. В. Вехов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 284–290.
32. Власов В. И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика / В. И. Власов. – М.: РАГС, 2003. – 112 с.
33. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6 т. / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984. – Т.6. – 400 с.
34. Гайворонская А. А. Полифоничность феномена экстремизм в социально – психологических исследованиях / А. А. Гайворонская // Психология и психотехника. – 2012. – № 1. – С. 109–137.
35. Григорьева М. Н. К проблеме взаимосвязи направленности личности и асоциального поведения / М. Н. Григорьева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 10. – Ч. 1. – С. 128–136.
36. Гурин С. П. Проблема маргинальности в антропологии / С. П. Гурин. – Саратов: СарГСЭУ, 2002. – 132 с.
37. Гурский В. В. Религиозный экстремизм как форма социальных отношений (на примере российского общества): автореф. дис. ... канд. философ. наук / В. В. Гурский. – Челябинск, 2012. – 26 с.
38. Гурьянов Ю. Н. Экстремистский стиль поведения (на примере Смоленского региона) / Ю. Н. Гурьянов, А. А. Гайворонская // Юридическая психология. – 2014. – № 1. – С. 13–16.
39. Демаховская М. Е. Психологические факторы риска экстремистского поведения у подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. Е. Демаховская. – Санкт-Петербург, 2003. – 136 с.

40. Дибиров А. Н. Религиозно-политический экстремизм как идеология маргинальных слоев общества (на примере Республики Дагестан) / А. Н. Дибиров // Третья международная научная конференция по проблемам безопасности и противодействия терроризму: материалы конф. МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 25–27 октября 2007 г. – М.: МЦНМО, 2008. – С. 76–88.

41. Диль В. А. Тенденции развития современного экстремизма: молодежный и информационный экстремизм / В. А. Диль // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – Т. 314. – № 6. – С. 167–170.

42. Долг и преступление: психологические портреты / Д. В. Сочивко [и др.]. – Рязань: Узорочье, 2007. – 252 с.

43. Ениколопов С. Н. Психология зла / С. Н. Ениколопов, отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Психологические исследования духовно-нравственных проблем. – М.: Инс-т психол. РАН, 2011. – С. 308–335.

44. Ениколопов С. Н. Терроризм и агрессивное поведение / С. Н. Ениколопов // Национальный психологический журнал – 2006. – №1(1) – с.28–32.

45. Еремин Д. Н. Проблемы типизации личности экстремиста (по материалам Северо-Кавказского региона) / Д. Н. Еремин // Вестн. Калининград. филиала С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2010. – № 3. С. 17–19.

46. Ермаков П. Н. Личностные факторы иницирующие экстремизм религиозной направленности в молодежной среде: специфика Южного региона России / П. Н. Ермаков // V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество»: в 3 т. Москва, 14–18 февр. 2012 г. – Т. 3. – С. 274–275.

47. Жукова О. С., Иванченко Р. Б., Трухачев В. В. Информационный экстремизм как угроза безопасности Российской Федерации / О. С. Жукова, Р. Б. Иванченко, В. В. Трухачев // Вестник ВИ МВД России . – 2007. – № 1. – С. 53.

48. Жукова О. С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук / О. С. Жукова. – Воронеж, 2006. – С. 43.

49. Журавлев А. Л. Социально-психологические факторы вступления молодежи в ИГИЛ / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Вопросы психологии. – 2016. – №3. – С. 16–29.
50. Зайналабидов А. С. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона / А. С. Зайналабидов, В. В. Черноус. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2003. – 345 с.
51. Зеличенко А.И. Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 159 с.
52. Зайцев В.П. Психологический тест СМОЛ / В. П. Зайцев // Актуальные вопросы восстановительной медицины. – 2004. – № 2. – С. 17–19.
53. Зинченко Ю. П. Методологические основы психологии безопасности / Ю. П. Зинченко // Национальный психологический журнал. – 2011. – №2 (6). – С. 11–14.
54. Зинченко Ю. П. Методологические проблемы психологии безопасности: личность, общество, государство: монография / Зинченко Ю. П. – М., 2011. – С. 952.
55. Зинченко Ю. П. Психологические аспекты информационной безопасности и противодействия терроризму посредством медиа / Ю. П. Зинченко, Р. С. Шилко // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: сб. статей: в 2 т. – М.: Аспект Пресс, 2008. – Т. 2. – С. 199–226.
56. Зинченко Ю. П. Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности / Ю. П. Зинченко // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2007. – №4. – С. 3–7.
57. Зинченко Ю. П. Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков / Ю. П. Зинченко, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова // Национальный психологический журнал. – 2011. – №2(6). – С. 98–111.
58. Зубова Л. В. Психологические особенности ценностных ориентаций подростков с различной направленностью личности: монография / Л. В. Зубова. – Оренбург: Изд-во ООИПКРО, 2002 г. – 175 с.

59. Зубова Л. В. Психологические особенности Я – концепции личности юношеского возраста с асоциальной направленностью: монография / Л. В. Зубова, М. Н. Григорьева. – Оренбург: ГУ РЦРО, 2007. – 194 с.

60. Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 37–47.

61. Зубок Ю. А. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Вопросы образования. – 2008. – № 4. – С. 31–55.

62. Зубок Ю. А. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Социологические исследования. – 2009. – №1. – С. 78–89.

63. Иванов Н. Г. Мотив преступного деяния / Н. Г. Иванов. – М., 1997. – С. 14.

64. Иващенко А.В. Внутренняя позиция личности подростка: понятие, условия формирования и развития личности: монография / А. В. Иващенко, Л. В. Зубова, О. А. Щербинина. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008. – 153 с.

65. Иващенко А. В. Методики изучения социальной направленности и самосознания личности подростка: научно-методическое пособие для студентов психологических факультетов, для переподготовки лиц с педагогическим образованием / А. В. Иващенко, Л. В. Зубова, О. А. Щербинина. – Оренбург, 2010. – 286 с.

66. Иващенко А. В. Нравственные ценности и особенности их освоения школьной молодежью в современных условиях: монография / А. В. Иващенко, Н. В. Фролова. – М.: Институт молодежи, 1996. – 158 с.

67. Казберов П. Н. Возможности типологизации социально-психологических и уголовно-исполнительных характеристик осужденных за преступления экстремистской направленности / П. Н. Казберов // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 1. – С. 75–81.

68. Казберов П. Н. Характеристики агрессивности, враждебности и самоотношения лиц, осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность / П. Н. Казберов, А. В. Новиков, Д. Н. Слабая // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 4. – № 7. – С. 46–51.

69. Казберов П. Н. Характеристики временных перспектив у лиц, осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность [Электронный ресурс] / П. Н. Казберов, А. В. Новиков // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – Ч. 2. – С. 569. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23248> (дата обращения: 15.05.2016).

70. Казберов П. Н. Характеристики механизмов психологических защит у лиц, осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность [Электронный ресурс] / П. Н. Казберов, А. В. Новиков // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2, Ч. 3. – С. 140. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23341> (дата обращения: 13.02.2016).

71. Кириенко А. А. К проблеме содержания направленности и ее типов в отечественной и зарубежной научной литературе / А. А. Кириенко // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – №2 (121). – С.181–187.

72. Ключко В. Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки / В. Е. Ключко // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – Выпуск 1. – С. 5–19.

73. Ключко В. Е. Онтология смысла и смыслообразование (размышления в связи с юбилеем О. К. Тихомирова) / В. Е. Ключко // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – №2 – С. 106–120.

74. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ) / В. Е. Ключко. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2005. – 174 с.

75. Ключко В. Е. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат / В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский, О. М. Краснорядцева, О. В. Лукьянов // Сибирский психологический журнал. – 2015. – №56. – С. 9–20.

76. Козлов А. П. Понятие преступления / А. П. Козлов. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. – 819 с.
77. Козлов Д. С. Российский политический экстремизм: тенденции и превентивные меры / Д. С. Козлов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6 (56). – С. 93–97.
78. Корнилова О. А. Маргинальная личность как предпосылка формирования студенческого экстремизма: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: / О. А. Корнилова. – М., 2012. – 43 с.
79. Корнилова О. А. Модель концепции группового экстремизма и механизм его формирования / О. А. Корнилова // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5 (30). – С. 72–76.
80. Корнилова О. А. Сравнительное исследование особенностей экстремистских настроений и поведенческих практик в молодежной среде / О. А. Корнилова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – Т. 13 (44). – №6. – С. 1397–1401.
81. Корнилова О. А. Экстремистские настроения в молодежной среде и маргинальные группы как пространство формирования экстремизма / О. А. Корнилова // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2011. – №2 (17). – С. 194–202.
82. Корнилов Т. А. Возникновение, развитие и понятие экстремизма / Т. А. Корнилов // Российский следователь. – 2011. – № 17. – С. 23–25.
83. Костромичева М. В. Экстремизм: определение понятия в правовом дискурсе / М. В. Костромичева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 31 (322). – С. 100–102.
84. Красиков В. И. Экстрим: междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания / В. И. Красиков. – М., 2006. – 506 с.

85. Краснорядцева О. М. Чувствительность к проблемам: от исследовательских процедур к диагностике потенциала самореализации личности / О. М. Краснорядцева // Методология и история психологии. – 2009. – Т. 4. – Выпуск 4. – С. 73–81.

86. Кубякин Е. О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: автореф. дисс. ... д-ра социол. наук / Е. О. Кубякин. – Краснодар, 2012. – 49 с.

87. Курбанов М. Г. Политический экстремизм и массовое сознание / М. Г. Курбанов // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: материалы Всеросс. науч.-практ. конф.: в 2-х т. – Махачкала: Лотос, 2008. – Т. 1. – С. 305–307.

88. Лаврив А. С. Сущностные черты преступлений экстремистской направленности / А. С. Лаврив // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1. – Ч. 2. – С. 116–119.

89. Ларионова А. В. Проблема информационного экстремизма в молодежной среде / А. В. Ларионова, С. Н. Шабанова, А. А. Паршиков // IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современных общественных наук: диалог общества и власти». Уфа, 01–30 июня 2014 г. – Уфа, 2014. – С. 290–294.

90. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Смысл, Academia, 2005. – 352 с.

91. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал: структура и диагностика / Д. А. Леонтьев. – М., 2011. – 680 с.

92. Логинова И. О. Жизненное самоосуществление человека: системно-антропологический контекст: автореф. дис. ... доктора психол. наук / И. О. Логинова. – Томск, 2010. – 42 с.

93. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 448с.

94. Лукьянов О. В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: дис. ... д-ра психол. наук / О. В. Лукьянов. – Томск, 2009. – 289 с.

95. Майкова Е. С. Психологические особенности подростков, склонных к экстремистскому поведению / Е. С. Майкова, Т. И. Бонкало // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2013. – Т. 1. – № 2 (113). – С.122–125.

96. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Н. Мак-Вильямс. – М.: Наука, 2006. – 480 с.

97. Маланцева О. Д. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи [Электронный ресурс] / О. Д. Маланцева, Е. Г. Дозорцева // Психологическая наука и образование. – 2012. – №2. – URL:http://www.psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2012_2_2930.pdf (дата обращения 06.12.2015).

98. Мещерякова Э. И. Учет эвристик маргинальности в психокоррекционной работе с осужденными за экстремизм: антропологический подход / Э. И. Мещерякова, Т. Г. Бохан, А. В. Ларионова // Сибирский психологический журнал. – 2014. – № 52. – С. 104–115.

99. Мещерякова Э. И. Характерологический опросник в психодиагностике / Э. И. Мещерякова. – Томск, 1994. – С. 34–37.

100. Мозговой В. Э. Информационный экстремизм как инновационная девиация социума начала XXI века / В. Э. Мозговой // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 61–65.

101. Морозов И. Л. Политический экстремизм в современной России – новые тенденции / И. Л. Морозов // PolitBook. – 2012. – № 3. – С. 97–107.

102. Муращенкова Н. В. Патриотизм как фактор профилактики молодежного экстремизма: социально-психологический подход / Н. В. Муращенкова // Психология и психотехника. – 2014. – № 9. – С. 909–921.

103. Муращенкова Н. В. Психология экстремистского сознания: постановка проблемы и теоретические подходы к изучению / Н. В. Муращенкова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Психологические науки. Акмеология образования. – 2008. – Т. 14. – №4. – С. 15–21.
104. Муращенкова Н. В. Социальные представления молодежи об экстремизме / Н. В. Муращенкова // Национальная безопасность. – 2015. – № 1. – С. 123–145.
105. Муращенкова Н. В. Социально-психологические детерминанты представлений молодежи об экстремизме и патриотизме: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н. В. Муращенкова. – Смоленск, 2014. – 24 с.
106. Муращенкова Н. В. Экстремизм как социально-психологическое явление / Н. В. Муращенкова, В. В. Гриценко // Национальная безопасность. – 2014. – № 2. – С. 338–350.
107. Мусаелян М. Ф. Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок) / М. Ф. Мусаелян // Адвокат. – 2010. – № 6. – С. 23.
108. Мясичев В. Н. Личность и отношения человека / В. Н. Мясичев // Проблемы личности. – М., 1969. – С. 63–73.
109. Наследов А. Д. SPSS: Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках / А. Д. Наследов. – СПб.: Питер, 2005. – 416 с.
110. Никандрова Н. П. Направленность личности студентов / Н. П. Никандрова // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: материалы XL междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 19 мая 2014 г. – Новосибирск: СибАК, 2014. – № 5(40). – С. 152–158.
111. Ноянзина О. Е. Этнополитический экстремизм как угроза национальной безопасности России / О. Е. Ноянзина, Н. П. Гончарова, Г. С. Авдеева // Национальная безопасность. – 2012. – №2. – С. 76–87.

112. Одинцова М. А. Исследование латентного экстремизма в образовательной среде колледжей / М. А. Одинцова, М. В. Тищенко // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 4 (122). – С. 141–149.
113. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И Ожегов., Н. Ю. Шведова– М., 2007. – 796 с.
114. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / Г. Олпорт. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
115. Ольшанский Д. В. Психология терроризма / Д. В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 288 с.
116. Онищенко О. Р. Психология молодежного экстремизма / О. Р. Онищенко // Современный экстремизм: характеристика и противодействие: материалы науч.-практ. конф. Омск, 11 дек. 2008 г.; 17 дек. 2009 г. – Омск, 2009. – С. 98–104.
117. Пестерева Ю. С. Мотивы преступлений экстремистской направленности / Ю. С. Пестерева, Е. И. Чекмезова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – №1 (60). – С. 55–57.
118. Платонов К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов. – М., 1986. – 256 с.
119. Погодин И. В. Доказывание по делам о преступлениях экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Погодин. – Москва, 2012. – 22 с.
120. Попова С. А. Криминологическая характеристика личности террориста и жертвы / С. А. Попова // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2005. – №2. – С. 177–180.
121. Римский А. В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления / А. В. Римский, А. В. Артюх // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2010. Т.10. – №16 (71). – С.244–249.

122. Ростокинский А. В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Ростокинский. – Москва, 2008. – 38 с.
123. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2002. – 720с.
124. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2005. – 713 с.
125. Сальников Е. В. Экстремистское насилие в обществе: феномен, сущность, стратегии социального бытия: дис. ... доктора философ. наук / Е. В. Сальников. – Краснодар, 2015. – 351 с.
126. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. / В. А. Ядов [и др.]. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
127. Самыгин П. С. Девиантное поведение молодежи / П. С. Самыгин. – Ростов-на-Дону, 2006. – 438 с.
128. Сарычева И. В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности / И. В. Сарычева // Общество и право. – 2014. – № 3 (49). – С. 220–224.
129. Седых Н. С. Социально-психологические особенности вовлечения молодежи в террористическую деятельность / Н. С. Седых // Национальная безопасность. – 2013. – №3. – С. 471–481.
130. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма / М. Сейджман. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 224 с.
131. Сергеева А. В. Особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Сергеева. – Москва, 2012. – 30 с.
132. Словарь иностранных слов / отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. – М., 2007. – 819 с.

133. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
134. Солдатова Г.У. Психологические последствия террористического акта: опыт Беслана / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, В. Н. Шляпников // Психологический журнал, 2008. – Т. 30. – № 6. – С. 15–26.
135. Соснин В. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ / В. А. Соснин, Т. А. Нестик. – М.: Инс-т психол. РАН, 2008. – 240 с.
136. Сосновский Б. А. Мотивационно-смысловые образования в структуре личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Б. А. Сосновский. – Москва, 1992. – 30 с.
137. Станчик С. С. Роль интернета в современных переворотах / С. С. Станчик // Национальная безопасность. – 2012. – №5. – С. 67–72.
138. Сундиев И. Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы: монография / И. Ю. Сундиев. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 114 с.
139. Сысоев А. М. Личность экстремиста: опыт криминологического исследования / А. М. Сысоев. – М.: ПЕРСЭ, 2008. – 115 с.
140. Тарабрина Н. В. Современное состояние психологических исследований террористической угрозы [Электронный ресурс] / Н. В. Тарабрина, Ю. В. Быховец // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2011. – № 5. – URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 14.10. 2014 г.).
141. Теплов Б. М. Избранные труды: в 2 томах / Б. М. Теплов. – М., 1985. – Т. 2. – 360 с.
142. Томалинцев В. Н. Человек в XXI веке: поиск на грани творчества и экстремизма / В. Н. Томалинцев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2001. – 69 с.
143. Томэ Х. Современный психоанализ. Практика: в 2 томах / Х. Томэ, Х. Кэхеле; пер. с англ., ред. А.В. Казанская. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», Издательство Агентства «Яхтсмен», 1996. – Т. 2. – 776 с.

144. Узденов Р. М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. М. Узденов. – Москва, 2008. – 26 с.

145. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.

146. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=140578&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.054488579234677426> (дата обращения 24.04.2014).

147. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: 2-е изд. / Д. И. Фельдштейн. – М.: Флинта, 2004. – 672 с.

148. Фетискин Н. П. Психология молодежного экстремизма в российской ментальности: учебно-методическое пособие / Н. П. Фетискин, Б. Н. Кондрат, Т. И. Миронова, С. В. Шепелева. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 36 с.

149. Фридинский С. Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Н. Фридинский. – Ростов-на-Дону, 2003. – 28 с.

150. Фридинский С. Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности / С. Н. Фридинский // Юридический мир. – 2008. – № 6. – С. 23–25.

151. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: Республика. – 1994. – 447 с.

152. Хоровинников А. А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. А. Хоровинников. – Саратов, 2007. – 28 с.

153. Целуева Н. В. Психологические аспекты изучения проблемы молодежного экстремизма / Н. В. Целуева // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сб. ст. – Смоленск: Универсум, 2007. – С. 51–59.

154. Чудновский В. Э. Нравственная устойчивость личности: Психологическое исследование / В. Э. Чудновский. – М.: Педагогика, 1981. – 208 с.

155. Чудновский В. Э. О некоторых прикладных аспектах проблемы смысла жизни / В. Э. Чудновский // Мир психологии. – 2001. – № 2. – С. 82–89.

156. Чупров В. И. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. – М.: Academia, 2009. – 320 с.

157. Щербинина О. А. Содержательная характеристика внутренней позиции и направленности личности / О. А. Щербинина // Вестник ОГУ. – 2006. – № 9. – С. 79–86.

158. Экстремизм и его причины / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М.: Логос, 2011. – 288 с.

159. Юнг К. Проблемы души нашего времени / К. Юнг. – М., 1993. – С. 90–110.

160. Юрасова Е. Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии / Е. Н. Юрасова // Юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 27–35.

161. Яхьяев М. Я. Феномен экстремизма: методологические проблемы исследования / М. Я. Яхьяев // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия «Политология и социология». – 2011. – № 1(5). С. 14–20.

162. Bandura A. Mechanisms of moral disengagement. In W. Reich (Ed.), *Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, states of mind* / A. Bandura. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 161–191.

163. Bandura A. The role of selective moral disengagement in Terrorism and counterterrorism / A. Bandura // In F. Moghaddam & A. J. Marsella *Understanding*

Terrorism: psychological roots, causes and consequences. – Washington D. C., 2004. – P. 121–150.

164. Becker J. Hitler's children: the story of the baader-meinhof terrorist gang / J. Becker. – Philadelphia: J.B. Lippincott, 1977. – 322 p.

165. Bongar B. The psychology of Terrorism. Defining the need and describing the goals / B. Bongar, L. Brown, P. Zimbardo // Psychology of Terrorism. – Oxford University Press, 2007. – P. 3–12.

166. Buhler Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches problem / Ch. Buhler. – Leipzig: S. Hirzel. Zweite neubearbeitete Aufl, 1959. – 276 p.

167. Cattell R. B. The scree test for the number of factors / R. B. Cattell // Multivariate Behavioral Research. 1966. – Vol. 1 (2). – P. 245–276.

168. Crayton John W. Terrorism and the Psychology of the Self. In: Perspectives on Terrorism / John W. Crayton. – Wilmington, Delaware: Scholarly Resources, 1983.

169. Ermert M. Der Extremismus im Strafrecht. Eine Begriffskritische Analyse auf sozialwissenschaftlicher und Verfassungsrechtlicher Grundlage / M. Ermert – Herbolzheim, 2007. – 154 p.

170. Galtung J. Cultural Violence / J. Galtung // Journal of Peace Research. – 1990. – Vol.27, №3. – P. 291–305.

171. Ginges J. Psychology out of the laboratory: the challenge of violent extremism / J. Ginges, S. Atran, S. Sachdeva, D. Medin // American Psychologist. – 2011. – № 66. – P. 50–519.

172. Hoffman B. Inside Terrorism / B. Hoffman. – New York: Columbia University Press, 1998. – 288 p.

173. Horgan J. The psychology of terrorism / J. Horgan. – New York, NY: Routledge: 2014. – 184 p.

174. Kellen K. Ideology and rebellion: Terrorism in West Germany / K. Kellen // Origins of Terrorism: psychologies, ideologies, theologies, states of mind. – Washington: Woodrow Wilson Center, 1998. – P. 43–58.

175. Martin G. Understanding Terrorism. Challenges, perspectives, and issues: 3rd edition / G. Martin. – Sage Publications, 2016. – 500 p.
176. Moghaddam F. M. The staircase to terrorism. in psychology of Terrorism / F. M. Moghaddam. – Oxford University Press, 2007. – 492 p.
177. Osin E. Self-determination and well-being / E. Osin, I. Boniwell // Poster presented at the 4th Self-Determination Conference. Ghent, Belgium, May 13-16, 2010. – Ghent, 2010. – P. 1.
178. Post Jerold M. Terrorist psycho-logic: terrorist behaviour as a product of psychological forces / Jerold M. Post // Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind. – 1998. – P. 25–40.
179. Reich W. Understanding Terrorist Behaviour: the limits and opportunities of psychological inquiry / W. Reich // Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind. – 1998. – P. 261–281.
180. Sheldon K. M. Creativity and self-determination in personality / K. M. Sheldon // Creativity Research Journal. – 1995. – Vol. 8. – P. 25–36.
181. Smelser N. J. The Faces of terrorism: Social and Psychological Dimensions / N. J. Smelser. – Princeton University Press, 2007. – 292 p.
182. Wagenlehner G. Motivation for Political Terrorism in West Germany // G. Wagenlehner // International Terrorism in the Contemporary World. – Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1978. – P. 195–203.
183. Wahl K. Xenophobia: The Deep Roots of Extreme Emotions. Deutsches Jugendinstitut, English version / K. Wahl, K. Tramitz. – Munchen, 2003. – 231 p.
184. Wahl K. Development of xenophobia and aggression / K. Wahl // International Journal and Applied Criminal Justice. – 2002. – Vol.26. – №2. – P. 247–256.
185. Zinchenko Y. P. Psychology of safety and resistance to terrorism // Psychology in Russia: state of the art / Y. Zinchenko, V. Petrenko. – Moscow: Department of psychology MSU & IG-SOCIN, 2008. – 388 p.

186. Zinchenko Y. P. Extremism from the perspective of a system approach // Psychology in Russia: State of the Art. – 2014. – № 7 (1). – P. 23–33.

Приложение А (справочное)

Анкета для выборки осужденных за экстремистскую деятельность (А1)

НИК _____ Откуда Вы родом? _____ Национальность _____ Возраст _____ Пол м ж _____ Образование _____ Кем работаете _____	Здесь вы можете нарисовать что-либо, имеющее отношение к Вам или к данной теме
1. Знаете ли Вы что такое экстремизм?	а. Знаю б. Не знаю в. Затрудняюсь ответить
2. В чем, по Вашему мнению, заключаются основные причины экстремизма?	а. В многонациональности населения, проживающего на территории России б. В целенаправленном разжигании агрессии представителями экстремистско-настроенных организаций в. В недостаточном правовом просвещении граждан в сфере противодействия (профилактики) экстремизма г. В деформации системы ценностей в современном обществе д. Другое _____
3. В каких случаях экстремистские действия будут оправданы?	а. Когда эти действия защищают определенную группу людей б. Когда эти действия позволяют донести какую-то идею до народа, государства в. Никогда г. Другое _____
4. Какие причины могли бы Вас мотивировать стать членом экстремистской (радикальной) группы?	а. Если я согласен с позицией этой группы б. Если это принесет материальную выгоду в. Никакие г. Другое _____
5. Участвовали ли Вы в каких-либо массовых политических собраниях, митингах?	а. Да б. Только в санкционированных (законных) в. Нет
6. Как вы относитесь к росту миграции в России?	а. Отрицательно б. Положительно в. Это благоприятно влияет на демографию и экономику нашей страны г. Безразлично д. Затрудняюсь ответить

	е. Другое _____
7. Испытываете ли Вы какие-либо негативные чувства по отношению к представителям других национальностей?	а. Да б. Отдельные нации этого заслуживают в. Нет г. Другое _____
8. Как вы считаете, могут ли представители разных религий сосуществовать мирно?	а. Нет, некоторые религии несовместимы б. Да, религия не влияет на взаимоотношения людей в. Затрудняюсь ответить г. Другое _____
9. Вы согласны с выражением «Россия для русских»?	а. Нет, Россия – многонациональная страна б. Да, каждый народ должен жить на своей территории в. Не знаю, не думал(а) об этом г. Другое _____
10. Кем вы себя считаете после Вашего осуждения?	а. Осужденным за экстремизм б. Жертвой обстоятельств в. Героем г. Борцом за идею
11. Что Вас «толкнуло» на совершение преступных действий?	а. Желание привлечь внимание общественности б. Личные причины (неприязнь к определенным лицам) в. Политические причины г. Религиозные причины д. Другое _____
12. Как Вы считаете, кто виноват в Вашем преступлении?	а. Государство б. Я сам(а) в. Третьи лица (provokatory) г. Спиртные напитки (наркотические вещества) д. Другое _____

Приложение Б (справочное)

Анкета для студенческой выборки (А2)

НИК _____ Откуда Вы родом? Как долго Вы проживаете в данном городе? а. Менее 5 лет б. От 5 до 10 лет в. От 10 до 20 лет Национальность _____ Возраст _____ Пол м ж Ваш вуз, специальность и курс обучения _____	Здесь вы можете нарисовать что-либо, имеющее отношение к Вам или к данной теме
1. Знаете ли Вы что такое экстремизм?	а. Знаю б. Не знаю в. Затрудняюсь ответить
2. В чем, по Вашему мнению, заключаются основные причины экстремизма?	а. В многонациональности населения, проживающего на территории России б. В целенаправленном разжигании представителями экстремистско настроенных организаций националистической агрессии в. В недостаточном правовом просвещении граждан в сфере противодействия (профилактики) экстремизма г. В деформации системы ценностей в современном обществе д. Другое _____
3. Приходилось ли Вам сталкиваться с проявлениями экстремизма в повседневной жизни?	а. Сталкиваюсь достаточно часто б. Сталкивался(ась) несколько раз в. Не приходилось сталкиваться г. Затрудняюсь ответить
4. В каких случаях экстремистские действия будут оправданы?	а. Когда эти действия защищают определенную группу людей б. Когда эти действия позволяют донести какую-то идею до народа, государства в. Никогда г. Другое _____
5. Какие причины могли бы Вас мотивировать стать членом экстремистской (радикальной) группы?	а. Если я согласен с позицией этой группы б. Если это принесет материальную выгоду в. Если будет возможность познакомиться с интересными людьми г. Если это принесет новые ощущения д. Если это поможет решить какую-либо проблему в обществе е. Никакие

	ж. Другое _____
6. Участвовали ли Вы в каких-либо массовых политических собраниях, митингах?	а. Да б. Только в санкционированных (законных) в. Нет
7. Вы согласны с выражением «Россия для русских»?	а. Нет, Россия – многонациональная страна б. Да, каждый народ должен жить на своей территории в. Не знаю, не думал(а) об этом г. Другое _____
8. Вас интересует информация в СМИ (телевидение, интернет, т.п.) о различных экстремистских и террористических актах?	а. Нет, мне это не интересно б. Да, я регулярно смотрю (читаю) новости в. Да, я обсуждаю это с друзьями, комментирую в сети Интернет г. Затрудняюсь ответить д. Другое _____
9. Испытываете ли Вы какие-либо негативные чувства по отношению к представителям других национальностей?	а. Да б. Отдельные нации этого заслуживают в. Нет г. Другое _____
10. Как вы считаете, могут ли представители разных религий сосуществовать мирно?	а. Нет, некоторые религии несовместимы б. Да, религия не влияет на взаимоотношения людей в. Затрудняюсь ответить г. Другое _____
11. Как вы относитесь к росту миграции в России?	а. Отрицательно б. Положительно в. Это благоприятно влияет на демографию и экономику нашей страны г. Безразлично д. Затрудняюсь ответить е. Другое _____

Приложение В (обязательное)

Результаты кластерного анализа по ответам на вопросы анкеты в выборке осужденных за экстремизм

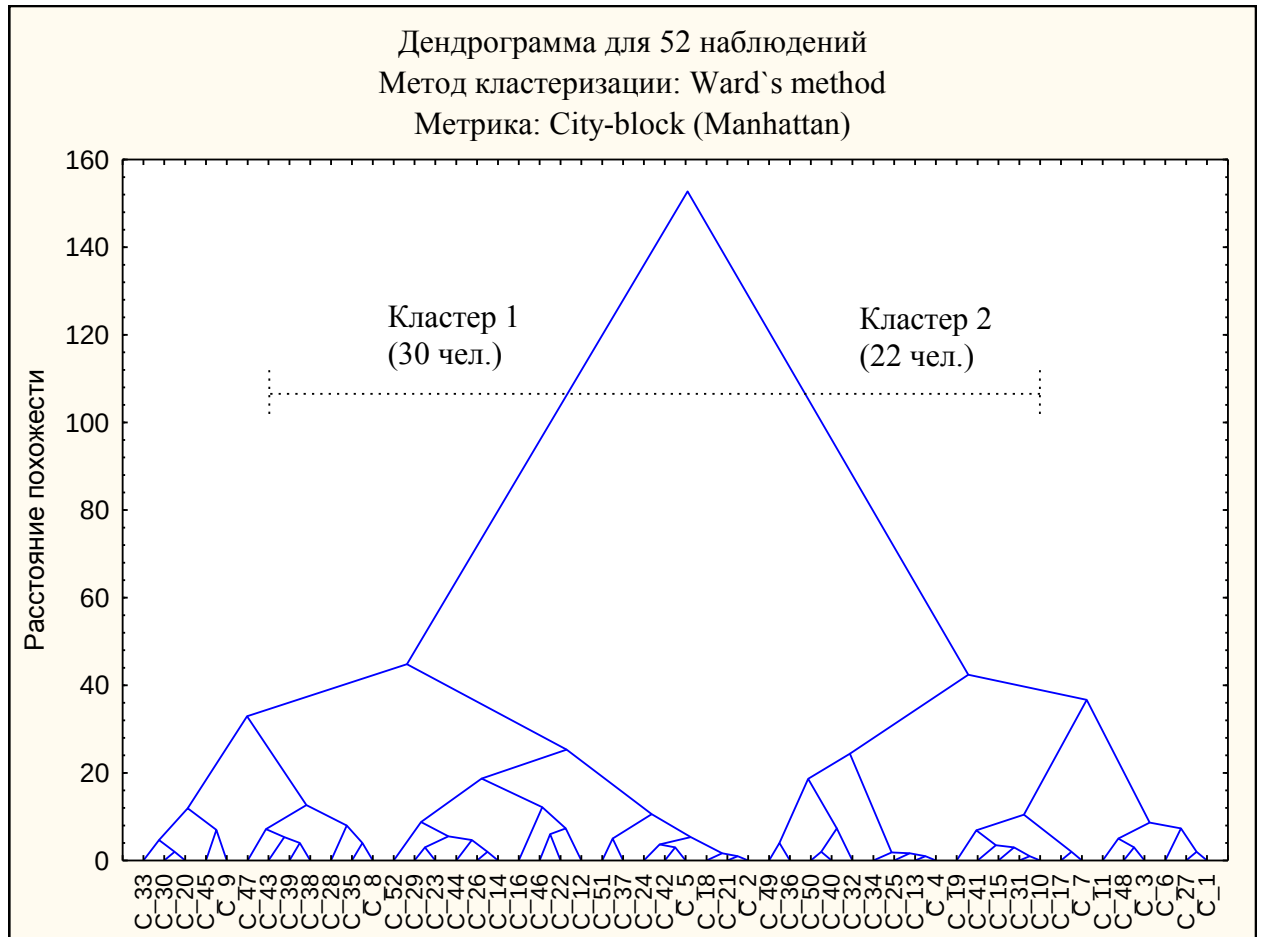

Рисунок В.1 – Кластерный анализ в выборке осужденных за экстремизм

Приложение Г (обязательное)

Сопряженность признака принадлежности к кластеру с ответами на вопросы
анкеты

Таблица Г.1 – Статистически значимые результаты анализа сопряженности признака принадлежности к кластеру с ответами на вопросы анкеты в выборке осужденных (в ячейках указаны фактически наблюдаемые частоты)

Причины экстремизма. Пирсон Хи-квадрат: 9,9; p=0,02.	Кластер 1	Кластер 2	Всего
В целенаправленном разжигании агрессии представителями экстремистско-настроенных организаций	17	21	38
В деформации системы ценностей в современном обществе	6	1	7
Другое	5	0	5
В недостаточном правовом просвещении граждан в сфере противодействия (профилактики) экстремизма	2	0	2
Всего	30	22	52
Оправдание экстремизма. Пирсон Хи-квадрат: 41,4; p<0,0001	Кластер 1	Кластер 2	всего
Никогда	23	0	23
Когда эти действия позволяют донести какую-то идею до народа, государства	1	13	14
Когда эти действия защищают определенную группу людей	2	9	11
Другое	4	0	4
Всего	30	22	52
Членство в экстремистской группе. Пирсон Хи-квадрат: 44,3; p<0,0001	Кластер 1	Кластер 2	всего
Никакие	30	2	32
Если я согласен с позицией этой группы	0	20	20
Всего	30	22	52
Участие в политических акциях. Пирсон Хи-квадрат: 25,5; Пирсон Хи-квадрат: 44,3; p<0,0001	Кластер 1	Кластер 2	всего
Нет	24	2	26
Да	4	14	18
Только в санкционированных (законных)	2	6	8
Всего	30	22	52
Национализм. Пирсон Хи-квадрат: 10,9; p=0,01	Кластер 1	Кластер 2	всего
Нет	19	6	25
Отдельные нации этого заслуживают	3	9	12
Да	4	6	10
Другое	4	1	5

Продолжение таблицы Г.1

Всего	30	22	52
Религии. Пирсон Хи-квадрат: 17,1; $p < 0,0001$	Кластер 1	Кластер 2	всего
Да, религия не влияет на взаимоотношения людей	23	7	30
Нет, некоторые религии не совместимы	2	13	15
Затрудняюсь ответить	5	2	7
Всего	30	22	52
Отношение к лозунгу «Россия для русских». Пирсон Хи-квадрат: 22,3; $p < 0,0001$	Кластер 1	Кластер 2	всего
Нет, Россия многонациональная страна	27	6	33
Не знаю, не думал об этом	1	11	12
Да, каждый народ должен жить на своей территории	2	5	7
Всего	30	22	52
Самоидентификация. Пирсон Хи-квадрат: 13,2; $p = 0,001$	Кластер 1	Кластер 2	всего
Жертвой обстоятельств	24	10	34
Другое	6	4	10
Борцом за идею	0	8	8
Всего	30	22	52
Мотивы экстремизма. Пирсон Хи-квадрат: 27,04; $p < 0,0001$	Кластер 1	Кластер 2	всего
Другое	21	0	21
Личные причины (неприязнь к определенным лицам)	7	13	20
Религиозные причины	1	7	8
Желание привлечь внимание общественности	1	2	3
Всего	30	22	52

Приложение Д (справочное)

Результаты описательной статистики в выборке осужденных за экстремистскую
деятельность

Таблица Д.1 – Средние значения шкал психодиагностических методик в группе осужденных за экстремизм

Шкала	Среднее	Минимум	Максимум	Станд. откл.
L (ложь)	61,25	38	79	11,88
F (достоверность)	47,75	35	80	8,21
K (коррекция)	58,11	40	73	8,67
Hs (педантичность – контроль)	52,92	35	75	9,16
D (пессимистичность)	50,88	35	65	9,01
Hu (эмоциональная лабильность)	53,03	25	77	12,95
Pd (импульсивность)	53,69	35	82	12,77
Pa (ригидность)	47,98	32	78	10,41
Pt (тревожность)	50,98	31	73	11,73
Sc (индивидуалистичность)	54,28	35	81	12,58
Ma (оптимизм, активность)	41,42	30	62	8,67
Автономия	34,4	9	45	9,4
Самовыражение	40,62	23	50	8,46
Ориентация на группу	8,92	4	12	1,69
Ориентация на себя	7,17	5	12	1,78
Соппротивление переменам	6,56	4	11	1,57
Открытость переменам	9,23	5	12	1,99
Направленность на взаимодействие	9,13	6	12	1,67
Отвержение взаимодействия	8	3	12	2,57
Сильный социальный контроль	8,84	5	12	1,92
Слабый социальный контроль	6,37	3	11	2,15
Мотивация поддержания жизнеобеспечения	17,73	1	36	8,29
Мотивы комфорта	12,02	1	36	6,27
Статусно-престижная мотивация	13,46	1	39	8,32
Мотивация общения	13,16	1	39	7,11
Мотивация общей активности	11,41	1	39	9,03
Мотивация творческой активности	14,24	1	45	10,97
Мотивация принести общественную пользу	13,31	1	36	9,12

Продолжение таблицы Д.1

Демонстративность	6	3	13	2,58
Циклоидность	5,3	3	11	2,39
Лабильность	6,36	2	15	2,59
Гипертимность	6,38	3	15	2,42
Сензитивность	6,22	3	12	2,42
Астено-невротичность	6,68	3	11	2,49
Эпилептоидность	7,48	3	14	2,63
Психастеничность	7,8	3	15	3,01
Шизоидность	6,08	3	14	2,64
Неустойчивость	5,84	3	12	2,003
Коррекция	6,06	3	15	3,27

Приложение Е (справочное)

Средние значения шкал психодиагностических методик в группе студентов,
допускающих вероятность своего участия в экстремистской деятельности

Таблица Е.1 – Средние значения шкал в подгруппе студентов

Шкала	Среднее	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение
L (ложь)	46,42	35	70	8,64
F (достоверность)	52,77	40	85	9,97
K (коррекция)	44,84	37	62	5,43
Hs (педантичность – контроль)	49,88	35	75	8,46
D (пессимистичность)	49,22	28	70	11,53
Hu (эмоциональная лабильность)	50,92	28	74	12,3
Pd (импульсивность)	43,72	20	86	14,26
Pa (ригидность)	51,14	26	84	11,86
Pt (тревожность)	49,3	26	73	12,26
Sc (индивидуалистичность)	50,23	31	84	11,57
Ma (оптимизм, активность)	52,16	30	74	11,05
Автономия	34,77	24	50	6,16
Самовыражение	39,7	25	50	5,91
Ориентация на группу	8,06	3	12	1,77
Ориентация на себя	7,36	4	12	1,53
Соппротивление переменам	6,88	3	12	1,67
Открытость переменам	8,82	4	12	1,7
Направленность на взаимодействие	7,7	5	11	1,68
Отвержение взаимодействия	8,16	3	12	2,12
Сильный социальный контроль	6,12	3	12	2,09
Слабый социальный контроль	8,33	4	12	1,7
Мотивация поддержания жизнеобеспечения	23,98	7	38	6,47
Мотивы комфорта	23,55	3	40	7,91
Статусно-престижная мотивация	23,49	7	39	7,35
Мотивация общения	24,56	7	43	7,57
Мотивация общей активности	21,52	6	42	7,83
Мотивация творческой активности	27,84	10	44	7,44
Мотивация принести общественную пользу	17,54	4	31	6,82